

Павел Дмитриев
АНИЗОТРОПНОЕ ШОССЕ

Книга вторая
ЗЛО ПОБЕЖДАЕТ ЗЛО

МОСКВА
2020

1. ДЕНЬГИ, ДЕНЬГИ И ЕЩЁ РАЗ ДЕНЬГИ

Германия. Осень – зима 1928 года
21 месяц до рождения нового мира

Уходящий в бесконечность фасад, узкие, зажатые между пилястров окна – архитектор явно силился придать готическую лёгкость гигантскому, тянущемуся на целый квартал амбару.

Бесполезные старания...

Неуклюжие, до пошлости утилитарные арки выходящего на октагональную площадь парадного подъезда не оставляли места воспетому в Нотр-Дам де Пари стилю.

Вид изнутри оказался гораздо интереснее. За тяжёлыми, больше похожими на крепостные ворота дверями – после вестибюля и короткой лестницы – открывался огромный атриум. Солнечные лучи свободно проникали внутрь сквозь свод стеклянной крыши. Поддерживающие конструкцию исполинские колонны отделаны расписной лепниной и превосходным розовым мрамором. По низу, до высоты человеческого роста – обшивка из дубовых панелей. Наборный паркет сделал бы честь любому королевскому дворцу.

Но такие мелкие детали сперва не заметны – взгляд притягивают огромные часы и расположенная почти под ними, на небольшом возвышении-алтаре, бронзовая статуя женщины высотой в четыре человеческих роста.

Издали её можно принять за богиню правосудия, только почему-то изрядно погрузневшую и без весов.

Однако если подойти ближе и разобраться в деталях, то становится ясно – скульптор изобразил простую крестьянку с корзиной полной даров природы.

Что это?

Пантеон? Гробница? Храм?

Конечно нет!

Хотя последнее недалеко от истины – это действительно храм, но...

Храм торговли.

Залы берлинского универмага «Wertheim» 1928 года отличаются от пошлого кафельного эрзаца торгово-развлекательных центров 21-го века, как золото от латуни. Тут всё по-настоящему, без китайских подделок. Поразительная роскошь интерьеров, вышколенная обходительность персонала, высочайшее качество товаров. Можно спросить любую фрау, и она охотно подтвердит – так было и десять, и двадцать лет назад, так же будет всегда.

Удивительное постоянство для страны, в которой дети всё ещё играют старыми купюрами в миллиарды марок[1].

Ещё более удивительна вера в благополучие неотвратимо приближающегося будущего.

Лишь один человек в магазине, а скорее всего и во всём мире знает, чем грозят столице Германии следующие десятилетия.

Это я.

Алексей Коршунов, студент-электрик из Екатеринбурга – уместно добавить – того, что остался в декабре 2014 года. Мне двадцать четыре года, здоров, не женат, вредных привычек приобрести не успел. Однако по нелепому капризу судьбы сумел оказаться «не в том месте и не в то время», а посему попал вместо дружеской вечеринки с петербургскими почитателями игры «Ingress» в заснеженный ночной Ленинград 1926 года.

К счастью, не с пустыми руками. Смартфон «LG G3», паспорт, деньги и прочие мелочи давали мне неплохой шанс на признание и как минимум «интересное» будущее – в совместной работе с большевиками СССР.

Вот только распорядился я эдаким богатством с непостижимой глупостью. Мобилка и куча записанных в её памяти книг и учебников до сих пор, надеюсь, лежат в тайнике на чердаке одного из ленинградских домов. Пропал бумажник с документами – уличные карманники вытащили его в первые же часы прогулки по улицам «колыбели революции».

---

[1] В 1923 году 1 триллион «бумажных марок» менялся на 1 Рейхсмарку.

Меня же, как выделяющегося из толпы, работнички ГПУ без всяких затей арестовали прямо на улице и определили в тюрьму – Шпалерку.

Спустя год осудили на три года концлагерей и отправили на Соловки, не по вине, а вместо неизвестного мне до сих пор тётки – Обухова, контрреволюционера, скаута и потомственного дворянина.

Весной 1929 года мне удалось – как выяснилось чуть позже – совершить почти невозможное: бежать в Финляндию с Кемской пересылки, с той, что на берегу студёного Белого моря. Двести километров, если посчитать по прямой, потребовали целого месяца – совсем не увеселительной прогулки. Пришлось продирается через карельские леса, реки и озёра, тонуть в болоте, голодать, коротать ночи зарывшись в мох, сторониться не только чекистских постов, но и простых крестьян. А ещё – убивать.

Теперь Берлин.

Странный выбор для беглеца из «триэсэрии» – всему миру известно, что бывшие россияне предпочитают Париж, Прагу или Белград.

Почему же я избрал иной путь?

Краткий ответ прост: исключительно из-за денег, никакой иной симпатии к будущей столице проклятого Третьего рейха я не испытываю.

Но если уходить в подробности, придётся начать издалека...

Мне повезло с учителем истории в школе, мне нравился этот предмет в вузе. Что-то запомнилось из художественной литературы, новостей, случайных постов друзей на «ВКонтакте».

Но при всём этом из неинтересного и скучного времени между двумя величайшими войнами в памяти отложились лишь несколько десятков фактов, с точностью хорошо если до года.

Приход к власти Гитлера, НЭП, индустриализация, великая депрессия, коллективизация, Голодомор, чистка тридцать седьмого года, интервенция в Маньчжурии...

Пожалуй, и всё на этом.

Под грамотными наводящими вопросами, без сомнения,

удастся вспомнить много больше, но в любом случае – без гаджета 21-го века ни один здравомыслящий человек не поверит моим рассказам.

Таким образом, если я не попаду на чердак дома по адресу Ленинград, проспект Маклина, 20 – туда, где в тайнике рядом со старой винтовкой лежит смартфон – меня ждёт вполне заурядная жизнь.

Молодости, инженерного образования, знания языков и памяти о перспективных направлениях науки и техники хватит для безбедной жизни в богатых Соединённых Штатах, далёкой Австралии или тихой Южной Америке. Ближе к старости, по всей вероятности, удастся разбогатеть, играя на бирже. При определённом везении есть шансы на скромную отраслевую славу изобретателя каких-нибудь специфических транзисторов или, наоборот, удачливого коммерсанта средней руки, вовремя поставившего, скажем, на производство пуговицы для военной амуниции или продажу телевизоров.

Просто, надёжно, и... Недостойно!

Можно ли ради личного благополучия упустить уникальную возможность дать старт новому миру, изменить незавидное будущее родной страны?

Страшно думать о таком уже сейчас!

А что делать спустя чёртову дюжину лет, когда огненный вал второй мировой покатится по планете?

Упереть дуло себе в висок?!

Ведь как ни уходи от глупого пафоса, нельзя отменить примитивный и глупый факт: никто кроме меня не сможет спасти десятки миллионов, погибших в этой мясорубке.

А ещё...

Наедине с самим собой стоит быть честным до конца – я хочу отомстить, и я хочу прославиться.

То есть порой, редкими бессонными ночами меня терзает страх: спасение людей – суть удобный повод. На самом же деле обнаглевшее честолюбие готово загнать тело в смертельный капкан из-за одной лишь надежды стать знаменитым – как Ленин, Троцкий, или хотя бы Ельцин.

Ничуть не лучше дрожь предвкушения скорого расчёта по долгам с процентами за унижения тюрьмы и концлагеря – свои и тех, кто успел стать близок и дорог.

Здесь и сейчас я стараюсь не искать окончательный ответ на вопрос «что важнее». Боюсь, он не понравится моей совести. Сперва нужно пройти первый, самый простой квест – вернуть в свои руки смартфон. Для этого нужны – как говорил кто-то из великих – всего три вещи: деньги, деньги и ещё раз деньги.

Судьба на моей стороне – уже подкинула недвусмысленный намёк. Почти годовое заключение в «библиотечной» камере Шпалерки позволило найти Учителя. Именно так, с большой буквы. Чех Кривач-Неманец, профессор и полиглот, свободно владеющий десятком европейских языков и диалектов, придал блеск моему «хорошему» английскому, довёл до очень неплохого уровня немецкий и заложил прочные основы французского. А ещё – перед уходом на гибельный соловецкий этап – он подарил мне пароль на доступ к банковской ячейке франкфуртского «Metzler Bank». По его словам, там ещё чуть не со времён Гражданской войны «застрял» неплохой куш от одной из секретных операций Коминтерна.

Какая чума занесла советских разжигателей мировой революции в немецкую провинцию? Зачем они выбрали небольшой банк, основанный – если верить вылепленной над входом цифре – аж в далёком 1674 году, то есть во времена Тридцатилетней войны[2]?

Что именно там хранится?

Наверняка ответов не знал и сам профессор.

Однако усомниться в его словах мне просто не пришло в голову. Поэтому в Хельсинки я не стал задерживаться и лишнего дня. Спешно сдал удачно подвернувшемуся заказчику черновик свежесочинённого автобиографического романа с незамысловатым названием «Тюрьма. Лагерь. Побьёг», взамен получил шестьсот долларов гонорара.

Надо сказать, неплохая сумма – таская мешки в порту я планировал накопить столько лишь к зиме.

Жаль только, что большая половина ушла жуликам-лоерам, выхлопотавших мне нечто, оказавшееся в своей сути трёхмесячной визой для «лечения на водах».

---

[2] ГГ немного ошибается. Тридцатилетняя война – масштабный, затронувший почти всю Европу военный конфликт продолжался с 1618 по 1648 год.

Звучит до крайности смешно, совсем как рекламный «слоган» 21-го века «Оформляем «шенген». Дёшево. Гарантия».

Однако реальность сурова...

Нансеновский паспорт, выданный мне на прощание финским чиновником, штука конечно удобная, но... Ни в коей мере не является основанием для въезда в Германию. Вот и приходится подпирать его костылём визы, по-немецки основательно привязанной к отелю в курортном Баварском городке Берхтесгаден, да ещё и «запертой», то есть имеющей специальную оговорку о непродлении без разрешения выдавшего консульства.

Поэтому менее чем через три месяца меня вполне могут арестовать, а потом, наградив прощальным пинком пониже спины, выкинуть за границу. Практически наверняка – во Францию, там нашего брата русского эмигранта принимают без особых возражений. Но если упрямитесь, то могут по благу направить обратно на родину, в «триэсэрию».

С ячейкой в «Metzler Bank» в общем и целом всё оказалось хорошо. Пароль верный, содержимое никто не забирал, но...

Обнаружились нюансы...

Не далее как вчера утром я с жадной надеждой рассматривал по-деревенски простой офис банка во Франкфурте-на-Майне. Не долго, ровно столько, сколько занял расчёт с шофёром такси и путь до двери через мостовую.

Толкая тяжёлые створки, я ожидал попасть в полутёмную берлогу, обшитую благородным красным деревом с торчащими тут и там четырёхгранными шляпками почерневших от времени гвоздей. Однако в реальности – чересчур узкий, но при этом высокий и длинный зал буквально заливали лучи света. Стены и конторка оказались отделаны превосходным белоснежным мрамором, лишь забранные бронзовыми решётками окошечки выдавали причастность заведения к денежным делам.

Избытка посетителей не наблюдалось. Только благообразная бабуля недовольно звенела монетами и, кажется, спорила с кем-то по поводу их стоимости.

Приметив «свободную кассу», я подошёл ближе, попутно вспоминая вежливые немецкие обороты.

Но служащий опередил меня.

– Guten Morgen! Чем могу быть полезен? – спросил он.

– Könnten Sie bitte... – подготовленная заранее речь напроць вылетела из головы, и я ляпнул главное. – Банковскую ячейку!

– Как вам будет угодно! – В уголках глаз клерка собрались удивлённые морщинки. – Вы хотите поместить что-то или забрать?

– Получить. Я знаю секретные фразы.

– Ох! – лицо моего собеседника сразу стало сосредоточенно-серьёзным. – Простите, герр...

– Обухов.

– Уважаемый герр Обухов, прошу вас пройти в кабинет для важных посетителей, – служащий привстал и указал рукой в дальний конец зала. – Заместитель управляющего спустится к вам через несколько минут.

Ждать пришлось долго даже по меркам текущей, изрядно неторопливой эпохи.

Но чувства перегорели.

Доллары, фунты стерлингов, жёлтые брусочки золотых слитков – всё равно, вместо предвкушения скорой развязки на меня навалилась жуткая усталость. Да такая, что глаза закрылись сами собой.

Откинувшись на тугую кожу удобного кресла, я минимум на четверть часа провалился в дрему...

Разбудило меня вежливое «гхм-гхм».

В кресле напротив успел разместиться полный господин лет пятидесяти. Зачёсанные назад чёрные с проседью волосы открывали высокий лоб мыслителя, строгий взгляд из-под пенсне подчёркивал важность персоны, и только крошки хлеба, по-домашнему рассыпанные по окладистой бороде, начисто ломали ощущение серьёзности момента.

– Доброе утро, герр Обухов, – начал он. – Позвольте представиться: Мюллер, второй заместитель герра Альберта фон Мецлера. Не будете ли вы любезны сказать полное имя владельца банковской ячейки?

– Доброе утро, герр Мюллер, – на всякий случай я постарался скопировать стиль однофамильца будущего шефа гестапо. Скрывая дрожь неуверенности в голосе, продолжил,

медленно и тщательно выговаривая каждое слово. – Oberst Ludwig Richter.

– Прошу вас, – заместитель управляющего жестом указал на разделяющий нас низкий стол.

Главного-то я, оказывается, не заметил. На прежде пустой поверхности лежал древний фолиант-гроссбух.

С первого же взгляда не возникало и тени сомнений – порядком затёртая кожаная обложка не менялась со времён основания банка.

Однако господину Мюллеру не было особого дела до истории столетий. Он всего лишь просил меня удостовериться в качестве прошивки разнокалиберных страниц специальными шнурами и состоянии целой грозди навешанных на них печатей.

Не слишком понимая смысл действия, я всё же важно кивнул головой.

– Меня всё устраивает!

Против ожидания, открывать гроссбух передо мной заместитель управляющего не стал. Напротив, он отошёл к стоящему у стены высокому бюитру и только там углубился в изучение содержимого, быстро листая страницы.

Много времени ему не потребовалось.

– Ваша запись существует, – герр Мюллер констатировал факт, не меняя выражение лица. – Вы сообщили верное имя.

– Есть такая буква!!! – радостно вскричал я по-русски.

Ответственный клерк недовольно поморщился, но тут же вернул на лицо маску невозмутимости.

– Герр Обухов, прошу вас удостовериться.

На сей раз фолиант лёг передо мной раскрытым на нужной странице.

– Запомните или запишите номер вашей ячейки.

Палец герра Мюллера упёрся в изящно выписанную готическими буквами кодовую фразу. Ниже стояла дата из весны 1925 года и число «381» – больше нашитом в обложку листе бумаги ничего не было.

– Запомнил, – не стал отказываться я от очевидного. – Что дальше?

– Герр Обухов, прошу вас ещё немного подождать, – укоризненно покачал головой заместитель управляющего.

Захлопнул свой исторический грессбух и был таков.

На сей раз ожидание не продлилось долго...

Несколько минут – и в кабине заявился очередной заместитель управляющего. Для разнообразия – худой, с болезненно седой, впившейся в плоские скулы пергаментной кожей, и трудно выговариваемой фамилией Пассендорфер. С иным, но ничуть не менее историческим талмудом, по которому меня занудно, неторопливо, но всё же успешно верифицировал на верность кодовой фразы «Tatsachen gibt es nicht, nur Interpretationen». Совпал и вписанный в документ номер ячейки.

– Поздравляю вас от имени нашего банка, – наконец-то герр Пассендорфер перешёл к самой интересной части. – Мы безусловно и с удовольствием признаём за вами право на содержимое ячейки номер триста восемьдесят один. Однако, герр Обухов...

– Что-то ещё?!

– Есть небольшая сложность. Данное место оплачено лишь до первого января позапрошлого года. Поэтому для получения доступа вам следует погасить долг.

– Сколько набежало? – со мной едва не приключилась истерика, но невероятным усилием я всё же обратил в шутку готовый сорваться с языка цветистый мат.

– Удвоенная ставка аренды за весь период просрочки, значит...

Клерк вытащил из ящика стола массивные счёты и споро пробежал по костяшкам, как пианист по клавишам концертного рояля.

– 1768 рейхсмарок.

– Твою ж!!!

– Что вы сказали?

– У меня нет с собой такой суммы! – с трудом подобрал я немецкие слова.

Ничего себе расценки!

Базовая ставка – и это без штрафа просрочки! – выходит почти в триста марок за год, или примерно полновесных пять-шесть баксов в месяц[3]!

---

[3] Рейхсмарка с 1924 года была основана на золотом стандарте с курсом примерно 4,2 рейхсмарки за доллар.

– Мы можем принять чек, – с каменным выражением лица предложил заместитель управляющего.

– Можно ли отдать вам часть... – я начал, было, предлагать расплатиться содержимым ячейки.

Однако тут же понял, что озвучивать подобный вариант – только выставить себя идиотом. Не то, чтоб опасно – местные служащие наверняка видали и не таких хануриков в перелицованных костюмах – но всё же неприятно. В любом случае, отказ гарантирован.

Герр Пассендорфер, впрочем, истолковал заминку по-своему.

– Кроме того, мы можем принять золото или прочие ценности. Если нужно, то пригласим независимого оценщика.

– Спасибо! – на это короткое слово потребовался весь остаток самообладания. – Но мне проще зайти к вам попозже с деньгами.

– Как вам будет угодно, Mein Herr!

Только выбравшись на тихую улочку Metzlerstrasse, я дал волю чувствам. Матерился хоть и в полголоса, но долго, с чувством и расстановкой.

* * *

Путь до столицы Веймарской республики на жёсткой скамье третьеклассного вагона прошёл в полусне-полузабытьи. Под гипнотический стук колёс в голове нервным пульсом билось только одно слово: «день-ги», «день-ги», «день-ги».

Не то, чтобы у меня их не было совсем – в кармане более пятисот марок. Да и недостающая «штука» – не бог весть какая сумма, иной инженер или врач столько получает за месяц.

Вот только ни подходящего диплома, ни профессионального опыта у меня нет и не предвидится.

Посему остаётся лишь продолжить карьеру грузчика в порту Гамбурга или Киля. Таскать мешки на горбу... Полгода, по самому оптимистическому сценарию – с учётом еды и ночлега – отложить более двух сотен в месяц не реально. Скорее – дольше: надвигается зима, значит, нужна сотня марок на тёплую одежду. А ещё в холода продукты портятся медленнее, скупердяи-лавочки не торгуются, берут полную цену.

Есть проблемы пострашнее...

С моим «туристическим» документом придётся уходить в нелегалы, а это уже совсем невыгодно. Ни приличной зарплаты, ни нормальной перспективы на будущее, одни риски.

Вернуться бы обратно в Хельсинки, там люди зарабатывают заметно побольше, да только жадины-финны не пуస్తят. Проще уж сразу обратиться во французское посольство в Берлине да выехать «белым человеком» куда-нибудь в Дюнкерк. Затем, но уже примерно через год-полтора, повторить визит в «Metzler Bank».

Альтернатива – если отбросить кражу, поиск богатой вдовы и помощь инопланетян – всего одна: подговорить кого-нибудь войти со мной в долю, то есть профинансировать часть платежа в надежде получить четверть, треть, а то и половину сокровища.

Подобный подход должен укладываться в рамки законов, даже можно, наверное, составить и заверить у юристов соответствующий договор.

Дело за малым – найти порядочного, доверчивого и небедного человека. Скорее всего – эмигранта, так как мои шансы поладить с нативным немцем ничтожны.

И всё это в чужом городе, без единого знакомства.

Собственно, анализ ситуации не занял много времени. Всё перечисленное разложилось «по полочкам» ещё по дороге на франкфуртский Centralstation – прикрытый аж пятью рядами сводов вокзал, способный принимать одновременно более двух десятков поездов.

Но на стадии проработки деталей моя фантазия безнадежно иссякла.

Где искать венчурного инвестора? Какими словами уговаривать? Как защититься от обмана или примитивного грабежа?

Очень к месту пришёлся путеводитель по Берлину, проданный вагонным мальчишкой-разносчиком за полсотни рейхspfеннигов. Случайная покупка в попытке отвлечься от очередного пинка судьбы, помноженная на успешную въехать в подкорку привычку подгонять знание немецкого в любую свободную минуту.

Кто мог представить, что фотографии шикарных

интерьеров торговых центров неожиданно представляется спасительным мостом, протянувшимся из потребительского рая 21-го века в сегодняшнюю реальность?

Однако получилось – и у меня появилась цель, пусть смешная, но донельзя конкретная: позавтракать в торгово-развлекательном центре. Точно, как случалось в прошлом, которое вдруг оказалось далёким-далёким будущим.

И вот я в чайном ресторанчике, что на третьем этаже «Wertheim». Здесь не подают по утрам традиционный немецкий кофе с молоком, поэтому посетителей почти нет. Зато в наличии затянута в плотную набивную ткань стены, выпитые маслом портреты неизвестных мне, но явно знаменитых тёток и дядек, роскошный узорчатый ковёр, люстры, спускающиеся хрустальными колоколами к столикам...

Что ещё нужно для приведения мыслей в порядок?

Не вышло – чай оказался бессилён. Толстый полукруг омлета с ветчиной не добавил ясности. Не спасли ситуацию две свежайшие булочки с яблочным джемом.

Сервировавший стол разбитой малый не имел ни малейшего понятия, где продаются газеты на русском языке.

В общем, ничего умнее, чем шляться по супермаркету в надежде услышать русскую речь, придумать так и не удалось.

– Herr Ober, die Rechnung! – поднял я руку, привлекая внимание официанта к своей персоне.

Выгреб из кармана на стол мелочь – номиналы монет ещё не стали привычны, не хотелось бы спутать пфенниг с маркой. При этом чуть замешкался и неловко уронил на пол небольшую картонную коробочку в сиреневую и жёлтую полоску.

– Чёртовы Fromms[4]! – прошептал недовольно, беспокорно оглядываясь по сторонам.

Вроде уж взрослый мальчик, а всё ещё стесняюсь презервативов.

И где?

В той самой страшно далёкой от стыда Германии, где в прошлом году официальные бордели закрыли исключительно для удобства незарегистрированных проституток.

---

[4] В Германии того времени название «Fromms» – нарицательное название презервативов.

Стесняются они, видите ли, в условиях неравноправия перед законом обращаться в больницы за лечением от венерических болезней[5]! Вдруг кто увидит, да в полицию доложит?

Шутливо бравируя перед собой – всё равно вокруг никого – я вытряхнул из коробочки на скатерть оставшийся пакетик – неиспользованное «изделие». С ними выпал листочек «Zur Beachtung» – номерной сертификат о качестве производства на «Gummifabrik Berlin-Köpenick».

С усмешкой закинул последний в пепельницу: «купил в Хельсинки, а привёз обратно в Берлин».

И вдруг замер, боясь спугнуть идею...

Минуту спустя подошедший со счётом официант наблюдал дикую даже по немецким меркам картину: посетитель ресторана тщательно изучает латексный[6] мешочек известного назначения. Прямо за столом!

Я же просто сунул в его сторону купюру в пять марок.

– Сдачи не надо!

Через четверть часа я уже спрашивал у жителей района Köpenick: «Где тут у вас фабрика Фромма?».

Поиски не заняли много времени...

Скоро я мог любоваться на только что построенный презервативный завод. Ещё не до конца отделанный, но, судя по припаркованным машинам и снующим через проходную людям, вполне исправно работающий.

Внешним видом он здорово напоминал областной санаторий-профилакторий времён развитого социализма – три этажа, простые прямые линии, сплошные полосы остекления, унылая серая штукатурка. На фоне соседних корпусов он смотрелся как летающая тарелка, приземлившаяся на самолётной парковке в Домодедово.

Но для меня куда важнее оказалось полное отсутствие пропускной системы. То есть никому даже не пришлось в голову поинтересоваться: куда и зачем я направляюсь.

---

[5] Закон об отмене государственного регулирования проституции принят в 1927 году. В принципе, он лишь зафиксировал реальность – незарегистрированных проституток было примерно в 10 раз больше, чем «официальных».

[6] Презервативы из латекса производят с 1919 года.

Более того, первый же пойманный «за локоть» камрад охотно показал дорогу в сторону кабинета директора.

Тем не менее, добраться до места назначения мне не удалось, коридор оказался забит толпой сотрудников, сгрудившихся вокруг чуда технологии – уличного кондомата[7]. Наиболее солидные из них – не иначе начальники – с энтузиазмом тестировали хитрый девайс, кидали в него монетки, затем вытаскивали из лотка упаковки четырёх видов.

Опознать самого герра Фромма не составило особого труда – этот лысый господин с крупный породистым носом над щёткой усов стоял чуть в стороне, с явным удовольствием принимая адресованные в его сторону комплименты.

Натянув на лицо подобающую восторженную улыбку, я неспешно занял удобную позицию для перехвата. Случай представился минут через двадцать.

– Герр Фромм! Прошу меня простить, но у меня есть для вас дело на миллион! – негромко привлёк я внимание собравшегося уходить директора.

– Вы уже обращались к своему начальнику? – без особого интереса поинтересовался он, очевидно приняв меня за сотрудника компании.

Я не стал доказывать обратное, а сосредоточился на главном, стараясь вместить в простые слова как можно больше смысла:

– Мне удалось придумать способ значительно улучшить ваши изделия. Сделать их отличными от конкурентов. Причём – без особых затрат. Более того, данное изобретение можно защитить патентом. Однако в данный момент я готов продать идею вам.

– Так вы...

– Обухов, из России, – поспешно представился я.

– Гм! – скептически оглядел меня фабрикант. – Десять минут вас устроит?

– Мне хватит двух!

– Тогда прошу! – жестом руки директор указал путь вдоль по коридору.

---

[7] Именно в 1928-м компания Фромма установила первый в мире автомат по продаже презервативов.

Вопреки ожиданиям, местом для переговоров оказался не кабинет, защищённый от посетителей дубовыми дверями и строгой секретаршей, а самая обычная мастерская.

По углам небольшого зала ютились станки и непонятные металлические штуковины, полки и верстаки заваливали груды инструментов, части механизмов, формы, куски жёлтой резины и прочие атрибуты действующей лаборатории.

Богатый букет химических запахов добавлял пикантности ситуации.

– Суть идеи очень проста, однако вполне способна принести миллионы, – начал я, едва мы разместились за относительно чистым углом стола. – Но мне хотелось бы получить за неё пять тысяч марок. Всего лишь пять тысяч!

– То есть вы хотите оплату вперёд? – недовольно нахмурился герр Фромм. – Боюсь, в этом случае...

– Мне достаточно вашего слова, – поспешно перебил я директора фабрики.

– Если предложение того стоит – не вижу проблем.

– Отлично!

Вооружившись листом бумаги и карандашом, я быстро изобразил «изделие» – цилиндр с плавно закруглённым концом.

– Примерно так выглядит ваша основная продукция сегодня.

– Вне всяких сомнений, – кивнул головой герр Фромм.

– А вот так её нужно изменить! – я дорисовал на конце «пимпочку». – Это резервуар для спермы[8]. Повышает удобство использования и снижает вероятность разрыва. Может быть, и не значительно, но по крайней мере – есть шикарный рекламный повод.

Надо отдать должное: суть идеи презервативный фабрикант уловил сразу. Несколько минут он молча смотрел на «чертёж», потом хмыкнул.

– Вы сумели меня удивить, герр Обухов! Чувствуется обширная практика!

Вместо ответа я скромно улыбнулся.

– Пишите! – продолжил он. – Можно прямо на этом вашем, гм... Чертеже. Я, такой-то, в здравом уме и твёрдой

---

[8] В реальной истории данная инновация была введена только в 50-х годах.

памяти, продаю все права на изобретённый лично мной Sperma-Empfänger...

Не прерывая диктовки, директор вытащил из кармана пиджака небольшой блокнотик, быстро черкнул в нём несколько строчек, поставил размашистую подпись.

«Что это? Неужели записка кассиру?!», – успел обрадоваться я. – «А мог ведь просто вытолкать взашей!»

– Получите! – он ловко вырвал листочек из книжечки и протянул его мне. – Очень надеюсь, ваше изобретение стоит хотя бы этих двух тысяч!

– Но...

– Ни пфеннигом больше! – отрезал герр Фромм. – И без того я вам доверяю более разумного.

Я присмотрелся к полученному документу. Сверху, в синей орнаментной полосе, надпись «Deutsche Bank», под рукописным текстом с датой, моей фамилией и суммой угадывался водяной знак в виде немецкого гербового орла. Скромно, но со вкусом.

– Не сомневайтесь, мой чек примут в любом банке! – директор покровительственно толкнул меня в плечо, поднимаясь со стула. – Приходите, если ещё что-нибудь изобретёте!

«Так вот ты какая, чековая книжка!», – наконец-то догадался я.

Мысль о широких возможностях подобного финансового инструмента заняла меня ничуть не менее, чем скудость презервативного магната. Так что, спускаясь к выходу, я мечтал о двух вещах – собственной чековой книжке и неизбежной национализации фабрики после прихода к власти герра Гитлера[9].

* * *

Обратно в «Metzler Bank» я, можно сказать, летел... – увы, только в мечтах. По «странному» совпадению состав Deutsche

---

[9] ГГ ошибается, нацисты собственность не национализировали, а выкупали. Но – часто за смешные деньги. Так в 1938 году фабрику приобрела крёстная мать Германа Геринга. Взамен Фромму (еврею) позволили выехать в Лондон. Позже, после окончания ВОВ оборудование фабрики было вывезено в СССР.

Reichsbahn из Берлина во Франкфурт тащится всё ту же половиною суток, что и из Франкфурта в Берлин.

Снова коротать ночь, скрючившись на деревянной лавке?

Идиотское решение, когда есть деньги. В банковской ячейке меня ждёт целое состояние, так какой смысл экономить жалкую сотню марок?

Опасение обнаружить на месте кучи долларов или фунтов бессмысленные гэпэушные бумаги, или того паче – пустоту, шевелилось лишь в самой глубине души. Но только там, под спудом убаюкивающей формулы «гроши всё равно не спасут» – уж слишком мне надоело экономить каждый пфенниг.

От окошечка кассы на Lehrter Bahnhof[10] я отошёл с билетом в первый класс.

Времени до отправления вполне хватало на обед. Можно устроиться в любом ресторанчике, но я всё же решил прогуляться до «судьбоносного» «Wertheim».

Благо, тут всё оказалось рядом. Сперва – перебраться по старомодному, оснащённому чугунными фонарями и кирпичными грифонами мосту через Шпрее. За ним – пересечь по краю парк Тиргартен, выйти между угловатым зданием Оперы и Рейхстагом на украшенную колонной Победы площадь Республики[11]. А там – рукой подать, мимо знаменитых, но не особенно интересных колонны Бранденбургских ворот всего несколько блоков-кварталов до торгово-развлекательного центра.

Так что в указанный одним из кондукторов бежевый вагон я ввалился в превосходном настроении, заранее предвкушая здоровый сон на мягком буржуазном матрасе.

Увы...

Надежда не продержалась и нескольких секунд: вагон изнутри более всего напоминал салон автобуса 21-го века. Никаких купе и спальных полок! Только ровные ряды

---

[10] Лертский вокзал (Lehrter Bahnhof) был очень разрушен в ходе ВМВ, и в 1951 год выведен из эксплуатации. На его месте построен Центральный вокзал Берлина (der Berliner Hauptbahnhof).

[11] Мост Мольтке (Moltkebrücke). Восстановлен после ВОВ практически в первоначальный вид. Здание Оперы (Kroll Opera) уничтожено во время ВОВ. Колонна Победы (Siegestsäule) в 1938 году перенесена на площадь Звезды в Большой Тиргартен.

перемежающихся со столиками двухместных диванов. Приятных на ощупь, сравнительно удобных, но...

Это же опять спать сидя!

Пасть в пучины скорби, впрочем, мне не дали.

– Камрад! Вот тебя-то мы и ждём! – услышал я, едва добравшись до своего места. – Третьим будешь?

Улыбка сидящего напротив толстячка легко согдилась бы для освещения подземелья средних размеров – покрытые веснушками щёки натурально «горели» под лучами катящегося к закату солнца.

– Мы чертовски переживали, что к нам посадят пару плоских старых вобл, – поддержал «рыжего» сидящий рядом мускулистый блондин лет двадцати пяти. – Не хочу до утра пятиться на постные рожи!

– Скат[12] – вот занятие, достойное настоящих мужчин! – перебил попутчика – а, может, и товарища? – толстяк, с размаху шлёпнув на полированную поверхность стола колоду игральных карт.

Я в изумлении вытаращился на раскатившиеся в широкий веер картинки.

На фоне батальных сцен с тщательно прорисованными пушками, кораблями и солдатами, как и положено, выделялись символы мастей.

Но каких!

Что-то мне привычное напоминали только красные сердечки, а вот дополняли их по-детски стилизованные жёлтые жёлуди, ярко-зелёные листочки и непонятные шарики с дырочками[13].

– Так... Не умею! – от неожиданности я даже забыл поздороваться.

– Scheisse! – искренне удивился блондин. – Да ты присаживайся!

– Никак русский?! – опознал меня по акценту веснушчатый весельчак. – Коммунист или наоборот?

– Скорее третье, – постарался уйти я от прямого ответа.

---

[12] Одна из самых популярных карточных игр в Германии.

[13] Совершенно нормальные обозначения мастей для устаревшей на сегодня «немецкой колоды». Жёлуди – трефы, листья – пики, бубенцы – бубны.

– Да так же не бывает! Все русские в Берлине или агенты Коминтерна, или сбежавшие от большевиков буржуи.

– Курт, остынь! Какая к чёрту разница! – подозрительно резко оборвал блондин своего товарища. – Надоело уже! Выборы в марте были, а ты всё никак не успокоишься.

– Хотя бы дюжину мест мы взяли, несмотря на кучу полицейских запретов! – с апломбом заявил толстячок.

По понятной причине за политикой в Германии я следил с пристрастием. И теперь судорожно вспоминал: кто же сумел ухватить в Рейхстаге двенадцать кресел. Больше всех, почти треть – социал-демократы. Процентом пятнадцать, то есть непомерно много, взяла какая-то полностью забытая к 21-му веку банда националистов, монархистов и антисемитов. Третье место осталось за католиками-центристами, коммунисты с десятью процентами – на четвёртом, это как раз полсотни мест из пятисот возможных.

Таким образом, мне нужно смотреть на двух-трёх процентников, аутсайдеров первой десятки. Фермеры, баварцы и... НСДАП, чтоб ей провалиться. Судя по повышенной агрессии – передо мной скалится в улыбке совершенно реальный нацист!

– Guten Abend, meine Herren! – неожиданно вмешался в разговор господин лет сорока, по всему видно, мой будущий сосед по дивану.

– Ох, неужели! – блондин в восторге аж вскочил со своего места.

– Депутат герр Брюнинг[14], – с ехидцей протянул поклонник фюрера, почему-то с акцентом на слове «герр».

– Премного польщён вашим вниманием, – блеснул толстыми линзами очков новый попутчик, очевидно соглашаясь с именем.

– Зная вас, я голосовал за Католическую партию! – продолжил свой спич экзальтированный как блондинка блондин. – Вы и вправду возвращаете половину от семисот пятидесяти марок зарплаты обратно в кассу Рейхстага?

– Стараюсь даже больше и от персонального автомобиля

---

[14] Генрих Брюнинг (1885–1970), с 1924 года депутат от Католической партии центра. Пользовался поддержкой рабочих и служащих, а так же консервативно настроенных военных.

отказался – мне достаточно проездного на трамвай. Но, ради бога, прошу вас: больше ни слова о политике!

Толстяк только недовольно хмыкнул. Можно понять, пусть позиция идейного противника и пахнет дешёвым популизмом, но...

Попробуй возрази!

Скоро выяснилось, что компания сложилась как по заказу: играть в карты, да ещё хоть на крошечные, но всё же деньги, депутату от католиков как-то не с руки. А вот учить меня мудрёным правилам «Ската» да постоянно давать ценные советы – вроде как культурные традиции не запрещают.

Так дело и пошло, с шикарным пивом, бутербродами, а потом – и с жареными колбасками из расположенной в соседнем вагоне кухни.

До сна ли в поезде, более похожем на приличный ресторан или даже клуб?

Ближе к полуночи мы с Куртом и Михаэлем стали практически друзьями. Герр Брюнинг держал дистанцию, но просил называть себя Генрихом.

Разговор крутился в основном вокруг моей персоны.

Скрывать свой побег с Кемской пересылки я не собирался, а душераздирающие детали советского лагерного хозяйства оказались в новинку даже для депутата, прекрасно ориентирующегося в международной экономике и политике.

Особенно его интересовали реальные настроения граждан СССР. То есть, конечно, виду он особого не подавал, верил в реальность ужасов Шпалерки и Соловков хорошо если на треть, но всё равно ловил буквально каждое моё слово.

– Отправить в советскую глубинку прониыр-журналистов с фотоаппаратами, – призывал я между делом. – Пусть посмотрят жизнь, а не красивый фасад. Распишут коммунистическую реальность, как она есть на самом деле. Уверяю, картинка такой неприглядной выйдет, что на следующих ваших выборах коммунисты и пяти процентов не наберут!

– Неплохая идея, с одной стороны, – с усмешкой нарушил свой же запрет на политические разговоры герр Брюнинг. – Однако, а что дальше?

«Вот дурак, учил бы в школе историю!», – мысленно попеял я сам себе.

– Точный удар по Тельману! – неожиданно оторвался от изучения карт толстяк Курт. – Не бойтесь, что все его избиратели уйдут к нам в НСДАП?

– Скорее – к социал-демократам, – невозмутимо возразил депутат. – Да хоть бы и к вашему герру Гитлеру, всё равно невелика беда. Вытянете процентов шесть-семь, как в двадцать четвёртом.

– Действительно считаете, что национал-социалисты лучше, чем коммунисты? – поразился я.

– Абсолютно, – кивнул головой герр Брюнинг, но сразу поправился. – Разумеется, исключительно в политическом смысле. Для меня, как центриста...

– ... Так вы хотите подтягивать то левых радикалов, то правых, чтобы они, как гири на весах, уравновешивали друг друга! – поразился я своей же догадке. – Лишь бы социал-демократы не усиливались, а наоборот, всё больше нуждались в коалиции с вами!

– В общем-то, это ни для кого не секрет, – недовольно поджал губы депутат.

Вот это да!

Я случайно вытащил из шкафа один из не особенно афишируемых скелетов большой политики. Но это – ни грамма не повод отставлять ключевую тему истории 20-го века.

– Что же будет, если разразится мировой кризис, и НСДАП уверенно пойдёт к двадцати, тридцати, а то и сорока процентному рубежу?

– Исключено! – герр Брюнинг с удовольствием сменил щекотливую реальную тему на «фантастику». – За один электоральный цикл с двух процентов до двадцати – это невероятно[15]! Такое и лейтенанту[16] не по плечу, – с ноткой самодовольства добавил он. – А уж тем более – ефрейтору.

– Но всё же? – попробовал настоять я. – Вы обещаете вспомнить мои слова, если увидите, что

---

[15] В реальной истории НСДАП на досрочных выборах 1930 года набрала 18,3%, в 1932 году – 37,4(31,1)%, а в 1933 – 43,9%.

[16] Г. Брюнинг в годы Первой мировой войны командовал пулемётной ротой, за храбрость был награждён Железным крестом I степени и произведён в лейтенанты запаса. Адольф Гитлер закончил ПМВ в звании ефрейтора.

влияние национал-социалистов распространилось на четверть Рейхстага?

– Но-но, – вмешался Курт. – Ты-то что имеешь против настоящих борцов за права рабочих?! – и это не прерывая раздачи карт!

Теперь понятно, почему в Германии явка граждан на избирательные участки под восемьдесят процентов.

– Честно говоря, ничего, – ответил я, чуть подумав. – Как там говорили у нас... Где торжествует серость – к власти всегда приходят чёрные. Но больше всего я боюсь тьмы, потому что во тьме все становятся одинаково серыми. Нет-нет, погоди, не обижайся раньше времени, – остановил я вскинувшегося, было, возмущаться толстяка. – Это не совсем то, что ты думаешь. Наоборот! Я всегда считал, что серое – означает центр, место между чёрным и белым. Ни плохое, ни хорошее, где-то упрощённое и низменное, а где-то – глубокое и возвышенное. Вот, к примеру, герр Гитлер. Он добивается популярности любой ценой, и как художник, смешивает краски на кончике кисти, не гнушаясь самыми грязными. Но ведь так он сотворит чудовищное бурое полотно! Хотя он не одинок – совсем недавно в российской гражданской коммунисты залили всё вокруг кровью людей. И ведь знали, убийцы, какой получают цвет – красный! Случайность или дьявольское искушение? Знаю одно: когда всё становится одинаково бурым или красным – значит тьма уже пришла. Одна мечта, одна цель – именно это и есть тьма! Беспросветная! И в этой тьме творятся немыслимые злодеяния. Можно строить фабрики по уничтожению цыган или евреев. Загонять богатых и умных в лагерь смерти за полярный круг. Всё равно в темноте никто не увидит! Ни свои, ни чужие. Значит, смешивать краски в политике – верный путь во тьму! Должна, обязательно должна быть вся гамма. Чёрные, белые, серые, голубые, зелёные, розовые в горошек! Только так не будет тьмы...

Тут подогретая качественным немецким алкоголем мысль ушла, и я потянулся за кружкой-добавкой. Только после третьего глотка удивился тишине.

Курт и Михаэль смотрели на меня, как на сумасшедшего... Или политика, что, впрочем, тут почти одно и то же.

– Гм! – попробовал провернуть фарш назад герр Брюнинг.

– Знаете ли, в разноцветьи есть свои проблемы. Уж очень сложно договориться до чего-либо стоящего. Людям нашей страны сейчас жить надо, а не слушать сладкие обещания с партийных дебатов в Рейхстаге.

– А кому сейчас легко? – охотно согласился я. – Многим хочется наплевать на глупую конституцию и разрешить всё просто и без затей, чрезвычайным декретом: «Повелеваю, чтоб завтра – счастье всем и даром. Благие намерения... Вон, Советы – пробуют пачкой указов и револьвером загнать пролетариат и крестьян в рай. А что выходит? Ни минуты не сомневаюсь, что там начнут отбирать землю у всех крестьян подряд уже в следующем году, назовут это... М-м-м... Коллективизацией. Красиво! Перспективно! Да только опять миллионы людей погибнут без всякого смысла!

Тут, на самом интересном месте, в разговор с тупейшим вопросом насчёт помощи Ватикана в снижении репарационных платежей встрял блондин.

И беседа, перемежаясь проклятиями на головы французов и англичан, покатилась в малоинтересную для меня сторону. Да так лихо и заковыристо, что я тривиально не успевал понимать всех тонкостей «кто, кого, за что и в какой позе».

А посему – скоро задремал под гул голосов, сыпавших фамилиями, названиями партий и аргументами платформ.

Чёрт с ними, вчерашними студентами и депутатишкой от проваливающейся в небытие религиозной партии. Пусть дружно катят свою любимую Германию в кошмар моего прошлого и своего будущего – под берёзовым крестом на восточном фронте!

С утра толстяк Курт проявил заботу обо мне, как о больном. Перво-наперво подсунул тарелку, полную забавных рулетиков из маринованной селёдки с пёрышками свежего зелёного лука внутри. Ни отказа, ни денег не принял – накормил чуть ли не насильно. И ведь помогло не хуже капустного расола. Ещё и с правильным меню завтрака помог.

Хороший попался попутчик, жаль, что нацист...

Так что до банка я добрался хоть и слегка помятым, но более-менее дееспособным.

На мучительно скучной и неторопливой процедуре оплаты и повторной авторизации героически сумел подавить четыре зевка из семи. Дальше дело пошло веселее: меня повели в святая святых – подвал. Пять человек – два хранителя амбарных книг, два мускулистых спецконвоира, к ним – начальник, солидный господин, как бы не сам фон Мецлер.

Цилиндрическую заглушку здоровенной металлической двери в хранилище отпирали персонально для меня, минут десять охранники по очереди крутили массивный штурвал привода ригелей. Впечатляющее объяснение зверского прайса на услуги.

Ячейку – узкую двёрку в целой стене подобных – хранители открыли с молчаливым артистизмом. Подошли, синхронно вставили в два ключа, повернули, распахнули. И дружно посторонились – открывая доступ к содержимому...

Я напрасно сделал шаг вперёд!

Один из охранников с вежливой ловкостью отстранил меня в сторону, затем аккуратно вытянул из стены плоскую металлическую коробку полуметровой длины. Но мне не отдал, наоборот, потопал к выходу, неся сокровище на демонстративно вытянутых вперёд руках.

Пришлось двигаться следом.

Как оказалось – рядом имелась особая приватная комнатка. Старинное кресло, грубый стол, на нём – стопочка листов бумаги, прикрытая тяжёлой оловянной крышкой чернильница, простое стальное перо времён Фридриха Великого. И, конечно – всё ещё закрытый ящик.

Я положил на него руки, погладил...

– Моя пр-р-релесть!

И решительно сорвал прочь легко поддавшуюся крышку.

Плотные пачки баксов, которые я так долго мечтал увидеть? Британские паунды? Марки?

Ничего подобного!

Дно коробки покрывали кольца, перстни, серьги, цепочки и ожерелья – женские, мужские, всех видов и размеров. Да это настоящий пиратский сундук, таким его рисуют в детских мультяках! *Fifteen men on the dead man's chest!!!*

Забыв про всё на свете, я нагрёб полные горсти богатства, медленно разжимая пальцы, выпустил тяжёлый металл и

опять набрал, и ещё, ещё раз, наслаждаясь тихим звоном стальных граней и камней.

– Так вот ты какое, золото партии!

Звук собственного голоса вернул способность мыслить. Я прикинул вес, и... Расстроился.

Использование в быту монет из драгметаллов не делает жизнь проще. Наоборот, золото тут невероятно дешёвое, если сравнивать с 21-м веком. Двадцатибаксовая купюра меняется на тройскую унцию, или тридцать с небольшим хвостиком граммов. Иначе говоря: полтора грамма в долларе. А значит всё моё приобретение, – я ещё раз приподнял коробку как гантель, – килограммов семь-восемь. Около пяти килобаксов!

Неплохой куш, хватит купить молочную ферму и полсотни акров земли в глуши Висконсина... Или побороться за оставленный в Ленинграде смартфон. Увы, на новую мировую революцию ничего не остаётся.

«Ох, не зря банкир в прошлый раз предлагали услуги специалиста-ювелира...», – мелькнула удивительно здравая мысль.

Работа гетра Гольдберга заняла почти неделю – сгоряча я не учёл «камешки», требующие к себе вдумчивого подхода.

За это время мне удалось отоспаться в близлежащем отеле, до неприличия отъестся в ресторанчике, даже закрутить коротенький роман с очаровательной продавщицей из молочной лавки. Увы, дело не пошло дальше посещения кинематографа и поцелуев при Луне. Не помогли серёжки с красненьким камешками, девушке настоятельно требовалось колечко...

Увы, спокойная семейная жизнь покуда меня не прельщает.

Зато получилось досконально изучить страшный роуль-комбайн местного тапёра, при помощи которого он не только наигрывал подходящий сюжету мотивчик, но и умудрялся воспроизводить звуки ударов, шагов, дождя, ветра, грохот выстрелов и прочие полезные штуки.

Кроме того, на дне сейфовой коробки обнаружился пяток замусоленных бумажек с датами из начала 20-х годов: по всей видимости – расписок в получении денег. Наверное, они что-то значили для чекистов, но меня суммы не впечатлили, жалкие десятки, максимум – первые сотни долларов или фунтов.

Фамилии ничего не говорили, и я решил избавиться от

дешёвого компромата самым примитивным образом. Сложил в конверт, написал «Депутату Рейхстага герру Брюнингу». Внутрь добавил краткую записку с текстом «благодарю за науку игры в скат! Умоляю вас, берегитесь герра Гитлера – это не человек, а настоящее чудовище!». Запечатал и кинул в ближайший почтовый ящик.

Итог оценки внушал сдержанный оптимизм – почти двадцать тысяч долларов! Да с эдакими бабками можно нанять не один десяток эмигрантов-боевиков с опытом партизанских действий в окрестностях Петербурга!

Но это – потом, всё потом...

Сейчас вагон первого класса уносил меня на юг, в снежную горную Баварию.

Не зря же, в конце концов, жадные финские юристы содрали с меня полсотни марок аванса за резервирование меблированного номера в одном из пансионатов курортного городка Берхтесгаден.

Альпы зовут!

И пусть история всего мира подождёт – хотя бы пару недель!

2. ВОЙНА ВОЙНОЙ, НО ОБЕД ПО РАСПИСАНИЮ

Москва. Апрель 1930 года

Три месяца до рождения нового мира

Мне не нравился этот город в 21-ом веке, ещё менее он симпатичен сейчас. Чем ближе к центру, тем сильнее подавляет хлещущая через край энергия. А уж на самой Тверской... Тяжело даже дышать – воздух стянут в тугой жгут токами быстро мелькающих событий.

Всё одновременно и сразу.

Пущенный неуклюжим галопом тяжеловоз с пустой грохочущей телегой. Энергичные тычки локтями под рёбра в плотном потоке идущих по тротуару мужчин и женщин. Кучер, бешеным матом нахлёстывающий впряжённую в гружёные сани лошадь. Смешной самодельный автобус, смахивающий на гибрид детской коляски и списанного в Париже грузовика. Стайка низкорослой шпаны, с невероятной ловкостью сквозящая за добычей между пешеходов. Вонючие конские яблоки. Норовящие попасть под ноги серые булки вывороченной из мостовой брусчатки. Чьи-то расквашенные футбольные башмаки, суть кроссовок 20-х годов, давящие нежную кожу моих немецких туфель...

Ручку двери в «Гастроном №1», он же «Елисейский», а ещё точнее – «Инснаб»[17], я рванул на себя, как пилот сбитого самолёта – рычаг катапульты.

Но мало наглухо заколотить витрины магазина,

---

[17] К началу 1930 года во всех промышленных центрах для обслуживания иностранцев и их семей были открыты магазины «Инснаб». Закрыты в конце 1932 года.

продуктовый рай требует охраны от голодных советских глаз. Поэтому вместо уходящих к горизонту витрин меня встретил маленький, костлявый и крайне недоброжелательный охранник.

Для неискущённого в социалистических реалиях иностранца – суть обычный швейцар, но меня не ввести в заблуждение дежурной улыбкой: презрительный прищур с головой выдаёт профессионального борца с контрреволюцией.

Колочая приветственная фраза не оставила места сомнениям:

– Ваш пропуск!

Не зря же на мне надет лучший импортный костюм?!

– Is it the store? Ahem... Sir?

– Сюда токмо по книжке иностранца, – тон чекиста враз упал с требовательного до просительного.

– Don't get me wrong but your foolish rules make me crazy! – искренне возмутился я в ответ.

Заодно нахмурился и отрепетированным движением перекатил чуть дымящуюся сигару из правого уголка рта в левый.

– Господин... Может имеется какой документик? – искалочно забормотал магазиноохранитель.

– Oh, shucks!

– Не положено...

– ОК! – во все тридцать два зуба улыбнулся я и смело шагнул вперёд.

Удержать меня, само собой, никто не пытался. По старой, ещё портовой памяти кинул за спину обидное:

– Screw you when you bent over!

И невольно растянул губы в дружелюбной «американской» гримасе.

Смешное всё же отношение к иностранцем в СССР – их вроде как ненавидят, но в то же самое время – раболепно боятся.

«Елисейский» изнутри великолепен. Теряющиеся в высоте своды потолка, тяжёлая позолоченная лепка колонн поблёскивает во втором свете, пирамиды пёстрых коробок и фруктов, в бассейне с фонтаном – совсем как в старое доброе время – плещется породистая рыба. Дворец еды был, есть и будет – без всяких преувеличений.

Но я позволил себе только пару быстрых взглядов – основное испытание только начинается...

Если насчёт гэпэушного вахтёра у входа никто из нашей компании не переживал, то с продавцами сложнее. До революции их тщательно подбирали из владеющих несколькими языками. Наверняка кто-то остался работать в «Инснабе» до сих пор.

Первоначально добыть продуктов «в логове врага» собирался озверевший от предпасхальной поспятыны Яков Блюмкин. Тот самый убийца посла Мирбаха и советский суперагент, которому по вошедшей в учебники из 21-го века версии истории пора быть расстрелянному в чекистском подвале. К счастью, практика показала – будущее вполне можно изменить. Поэтому в данной сборке мира он жив, вёсел и преисполнен желанием отомстить да так искренне, что без малейших колебаний согласился на авантюрную поездку в Москву.

Однако личное участие матёрого диверсанта в «продовольственной программе» вдребезги разбила девушка по имени Александра. Не напрасно забавная, или, если посмотреть с иной стороны, страшная случайность привела её в нашу компанию – буквально в чистом поле, неподалёку от города Глухова. Дочь профессора Бенешевича, известного византиноведа и археографа, живо доказала, что товарищ Блюмкин, и вправду знает великое множество экзотических языков... Но лишь на бытовом, лучше сказать, командно-матерном уровне. Во фразах, чуть более сложных чем «Hande hoch», немедленно вылезает чудовищный местечковый акцент.

Чище всего изъяснялась по-немецки сама Саша, вот только уж очень непредставительный внешний вид она имела к своим девятнадцати годам, говоря проще и честнее – подростковый.

Пришлось отдуваться мне. Пусть я в английском и не идеален, зато габарит соответствующий. Ну кто – кроме чистокровного, выращенного на чистой кукурузе и говядине американца – может похвастаться ростом за метр девяносто при весе под сотню кило?

Хотя по ключевым фразам и названиям экзотических продуктов девушка меня всё равно погоняла пару дней.

Надеюсь, что из личной симпатии, а не из желания наконец-то по-человечески покушать.

Тяжело выбрать, если от изобилия разбегаются глаза, а очереди к прилавкам так коротки.

Но надо помнить: продуктов в СССР настолько мало, что даже имеющим пропуска иностранцам повседневные позиции отпускаются по персональным, именованным «заборным книжкам». То есть купить по смешной цене 1926 года хлеб, мясо, сахар или там картошку – льгота дополнительная и жёстко ограниченная, доступная лишь приглашённым по особым договорам иностранным специалистам да коминтерновским функционерам.

Зато остальным, как и мне, доступна роскошь – осетрина, рябчики, ананасы, вина, балыки, сыры, копчёности и прочее. Цены, мягко говоря, кусаются, но они всё равно в несколько раз меньше рыночных. Тем более, что по большей части позиций сравнивать возможности нет – за полным отсутствием ассортимента на базарных лотках.

После недолгого раздумья я подобрался к прилавку и ткнул пальцем в толстолапую индюшку.

– Can I have this one, please?

– Here... You are... Comrade, – с заметным трудом и акцентом отозвалась девушка в белоснежном переднике.

«Угадал!», – возликовал я, не забывая с широкой улыбкой фиксировать взглядом глубокий вырез кофточка. – «Такая не раскусит!».

Дальше дело пошло не то что бы проще, но уже без особых переживаний.

Продавщица в рыбном отделе иностранными языками не владела вообще. Сей досадный недостаток хорошо компенсировал белый ленинский бюст, освещённый обёрнутой в красную матерью лампочкой в мраморной витрине, как раз над горой копчёных осетров.

Ответственный за фрукты парень ответил на отличном немецком, пришлось сделать вид, что я знаю на языке герра Шиллера всего несколько слов. Колбасник с грехом пополам понимал французский.

Для кассира хватило пары жестов.

Игра стоила свеч – ещё бы! – целых две сумки продовольствия.

Не столь объёмные, сколь тяжёлые – одной только чёрной

икры три кило, по двадцать два рубля за каждый. Не только из-за моей «ностальгии по 21-му веку» – данный рыбопродукт вышел едва ли не самым дешёвым в пересчёте на калории, вдобавок он вполне естественен для дорвавшегося до экзотики американца.

А ещё два фунта отличных кремовых пирожных – Александре. Небось, заждалась в пролётке...

Которую, кстати, мы недавно купили в комплекте с пожилым конягой по кличке Сивый. Не от хорошей жизни...

Пару дней назад, на первой же рекогносцировке в центре Москвы, Блюмкина заметил кто-то из старых знакомых. Да так явно и недвусмысленно, что не постеснялся подскочить со словами: «Привет, Яшка, давно не виделись!». Уверения в ошибке глазастый товарищ принял без возражений, но судя по дурацкой улыбке – верить им не собирался ни на грош.

Кто говорил: «Хочешь сделать отлично – найми профессионала?», – кому плюнуть в морду лица за нелепый провал хвалёного суперагента на ровном, можно сказать, месте?!

Ведь совсем недавно на Принкипо товарищ Блюмкин красочно расписывал свои отточенные годами шпионской работы способности менять черты лица, сдвигать тембр голоса, преображать походку и трансформировать привычки. Демонстрировал ужимки и фокусы...

Что ж!

Отныне Яков изображает собой «чудовище, обмотанное рыжим тряпьем, под которым булькает ругань и холодеющий чай». Иначе говоря – советского извозчика.

В этом есть своя прелесть, собственный транспорт – штука удобная. Однако чуть ли не вся подготовка к будущему «акту» вдруг обрушилась на мои плечи. Как и основной риск.

И ещё...

Что делать с подогретой марафетом гордыней товарища Блюмкина, который любой маршрут по Москве прокладывает не иначе как мимо известного знания на Лубянке? Чуть подождать, так он в подвал к чекистам сам полезет – в надежде попасть на страницы «Правды» или хотя бы «Известий».

Вот и сейчас не успел я оглянуться, как мы снова выскочили на знакомую площадь с фонтаном посередке. Да не просто

так, а непременно в самую гущу перед центральным входом, в сутолоку между трамваями и длинной вереницей ломовиков.

Пока Яков соревновался в матерном остроумии с коллегами-извозчиками, я успел вдосталь налюбоваться на мраморные плиты, заготовленные на окрестных кладбищах – иначе откуда взяться надписям типа «здесь покойся...», «дорогой, незабвенной...», «Упокой...». Не понять с ходу: фасад или интерьер штаб-квартиры ГПУ собираются ими украшать, но к месту и времени подходит идеально.

Лишь минут через десять наш Сивка с недовольным фырканьем поравнялся с причиной пробки – новёхоньким американским асфальтовым катком, украшенным свежоотрисованными на бортах портретами Ленина. Затем проскочил через шлейф копоты от костров под битумными бочками, обогнул вереницу расхлябанных грабарок[18] и наконец-то вырвался на оперативный простор почти пустой улицы, тянущейся вдоль крепостной стены[19], густо заросшей поверху бурьяном.

Нас ждала очередная спецоперация – покупка картошки.

Мраморные свидетельства тщетности земного бытия настроили меня на философский лад, уже в который раз я задумался о разнице между знанием и пониманием.

То есть учебники 21-го века в части текущего периода я давно вызубрил наизусть, старательно проштудировал всё что нашёл сверх того, вплоть до художественной литературы. В полуторагодичных метаниях по Европе перечитал кучу «современных» книг о политике и экономике, неусыпно следил за прессой. А вот по-настоящему вникнуть в суть момента сумел только сейчас, в Москве...

Большевики долго и, надо признать, вполне эффективно держались на коллективном управлении. Матерно ругались в своём политбюро, жгли противников глаголом с трибуны ЦК, собачились о теории на страницах газет, по малейшей ошибке обличали тунеядцев и вредителей на заводских митингах.

Ширнармассы без всякого стеснения требовали результат,

---

[18] Грабарка – конная повозка с откидываемым дном. Широко применялась при любом строительстве.

[19] Китайгородская стена (снесена в начале 30-х).

партийные вожди, вождики и вождишки соответствовали, как могли, то есть подбирали на исполнительные посты да в советчики кого поумнее.

Так победили гиперинфляцию, добились признания червонца на международном рынке, изжили голод, прижали безработицу: раскачали, а потом и запустили заржавевший маховик промышленного производства.

Более того, умудрились закупить «под ключ» несколько недурных заграничных заводиков[20].

«Всё как раньше, только хуже...», – рефрен белоэмигранта Шульгина родился не на пустом месте. Ленинград, в котором я успел побывать чуть более года назад, служил тому блестящей иллюстрацией.

Сейчас я понимаю – инерция старого мира выдохлась. НЭПовский политический механизм окончательно пошёл вразнос где-то в 1928, после разгромного для остатков оппозиции XV-го съезда.

На первый взгляд – ничего особо опасного, очередной «маленький шаг», сколько их уже было?

Всего-то: победившая в грызне группировка большевиков в отсутствии оппонентов начала стремительно отрываться от народнохозяйственной реальности. За лидерами потянулась многочисленная клиентура: способные – менялись на послушных, талантливые – на обходительных...

Карьеру влекло вперед и вверх слепое следование новейшим догматам, а не результат.

Апофеозом стали принятые на очередной партийной тусовке[21] поправки к планам пятилетки. Беспощадно завышенные, заведомо невыполнимые показатели с подачи товарища Сталина и его подельников тупо довели до полного абсурда – увеличив в полтора, два, а то и три раза. Это примерно как выстрелить из дробовика в спину уставшего бегуна, надеясь, что боль придаст ему сил.

Но добывающий удар нанесли всё же капиталисты...

Биржевой крах, он же – «чёрный четверг», обрушился

---

[20] Сталинградский тракторный завод, к примеру, был заложен 12 июля 1926 года. Днепрогэс – в 1927. Очевидно, что согласование заказов на оборудование прошло ещё раньше.

[21] XVI конференция ВКП(б) проходила в апреле 1929 года.

осенью 1929 года. Позже с него начнут исчислять начало Великой депрессии, однако на сегодня кризис не выглядит страшным.

Приложило крепко, но быстро отпустило[22], каждый день цены на акции уверенно карабкаются вверх, к прежнему горизонту.

Производство отделалось лёгким испугом, пострадали лишь игроки-банкиры да производители сырья.

СССР по очевидным причинам оказался в числе последних. Изрядно закредитованного[23] «бегуна» советской экономики буквально снесло с ног.

Если перевести с языка метафор на бытовую, то страна встала на грань дефолта по внешним долгам.

Даже в «Правде» про это пишут, конечно, если читать между строк.

Вожди заняты вопросами добычи не миллионов или сотен тысяч, а буквально – десятков килобаксов.

Из Эрмитажа продают фарфор и картины, да не только из запасников, а прямо со стен[24].

За выкуп, прикрытый фиговым листочком благотворительной помощи, ГПУ выпускает за границу контру, замешкавшимся чекистам бьют по рукам с самого верха.

До неприличия дёшево, лишь бы только за валюту, уходят остатки продуктов – рыба, сыры, яйца.

«Торгово-промышленная газета» – явно не от большого ума! – рискнула дать несколько строчек иностранных

---

[22] В 1929 году индекс Доу-Джонса упал с 370 до 200 пунктов и до лета 1930 года демонстрировал положительную динамику (вплоть до 300 пунктов). Дно кризиса – 1932 год, Доу-Джонс «пробил» вниз уровень 50-ти пунктов и не вырос более 100 до конца 1935-го.

[23] Общую задолженность СССР только перед США и Германией на начало 1932 года можно оценить в примерно 1 млрд. долларов. Полагаю, мы можем вполне определённо говорить о размере общей задолженности в 1,2-1,4 млрд. долларов.

[24] В 1929 году из Эрмитажа продали 1052 предмета на сумму 1,1 млн. долларов. В 1929 – 1933 г.г. только по одному отделу истории западноевропейского искусства – 7348 экспонатов, в том числе: 1075 картин, 1462 изделий из золота и серебра и др.

откликов на новую концессионную политику: её называют не иначе как «Колонизация России» и «Крах советского строительства».

За внешним фасадом дела идут ничуть не лучше...

Даже в Москве в свободной продаже не осталось практически ничего дельного, зато исполнен завет Ильича о продвижении книжки в массы: люди получили карточки или «заборные книжки».

Червонец обесценился по серебру минимум раз в пять, точнее сказать сложно – каждый раз новые цены.

Деревня наконец-то сообразила, что плуг стоит чуть не сорок пудов ржи, тогда как при «проклятом царизме» точно такой же обходился всего в десять, поэтому бунтует, бестолково и глупо, но от этого не менее разрушительно.

Множество «гигантов пятилетки» заморожено на уровне фундамента, кое-как, без проектов и планов двигаются только ключевые объекты[25].

В марте закрыты биржи труда, если верить газетам – за необходимость, реально – чтобы не платить пособия. При этом реальная безработица ужасает, люди вынуждены работать на строительстве дорог за пару рублей, полфунта черняшки и миску горячего хлёбова, как бы не хуже в итоге, чем в лагере на Соловках.

Среди недобитой московской интеллигенции нет слуха популярнее того, что кто-то доводит ситуацию до полного абсурда сознательно, имея целью резкий поворот вправо. Более того, на роль Талейрано-Наполеона уверенно пророчат Сталина.

Исторически образованные люди ищут логику и смысл в происходящем, они отказываются верить, что среди всех вариантов выхода из точки бифуркации большевики вновь выбрали привычный – грабёж.

Грабёж...

Именно это шершавое слово наиболее точно отражает сущность форсированного сворачивания НЭПа и сплошной

---

[25] В декабре 1930 года Г. К. Орджоникидзе сообщал, что даже такие ключевые объекты, как Магнитогорский и Кузнецкий металлургические комбинаты, Нижегородский автозавод, Бобриковский химкомбинат строились без готовых проектов.

коллективизации. Все остальные теории и концепции – что были и будут в огромном количестве наворожены вокруг поколениями историков-пропагандистов – суть лживое сотрясение воздуха, попытка спрятать отвратительную правду.

Оправдать?

Можно попробовать...

Ведь правда, что большевики стараются не корысти ради – с пожиранием ресурсов прекрасно справляется глупость, безответственность и капитальное строительство. Нельзя утверждать, что цель – исключительно захват или упрочение личной власти.

Рядовые партийцы с энтузиазмом вкалывают во имя светлого будущего, раскручивают левые эксцессы, забегают далеко вперед...

На радость безумным горлопанам-радикалам отсекают дружащих со здравым смыслом умеренных товарищей.

Самое главное: нельзя сказать, что предпринятые меры обречены на провал! Наоборот, известная мне история говорит об успехе.

Вот только жертвам грабежа легче от этого не становится.

Между тем, позади остался неуклюжий многоарочный мост через разбухшую от паводка Язузу. Рукой подать до цели – таганских переулочков.

Не то что особое место – натоптанные спекулянтами пятки попадают в каждом околотке. Как-то случайно вышло затариться на этом раз, другой, а сейчас и желания нет что-то менять.

Почему не рынок?

Был опыт...

В первый же день, едва мы только успели обосноваться в Кузьминках, Блюмкин потащил нас на знаменитый «Новый Сухаревский». По дороге с издёвкой поругивал мои «глупые» покупки у ЦУМа – который бывший «Мюр и Мерилиз», хвастался: дескать, дешево и быстро возьмём всё что нужно, да ещё кучу сверх того.

– Славится Москва своих базаров бабьей шириной, – декламировал он явно чужие строчки. – Сухаревка особенно

жестока в своём свирепом многолюдстве, дать волю – перекинется на город, и весь город обрастёт шерстью!

Александра, как основная виновница растраты, смущённо отмалчивалась.

Однако смеяться над очередной проекцией партийной политики на товарно-денежные отношения в итоге пришлось мне...

Выстроенные в оригинальные пилообразные ряды, по-немецки чистые и даже электрифицированные ларьки оказались по большей части закрыты[26]. Лишь в нескольких оазисах бойко торговались цветы, соленья, сомнительные поделки из бересты, мёд, веники, огородная зелень, лапти и прочие самодельные чемоданы.

Продуктовых спекулянтов – а под это определение подходил чуть не любой, кто рисковал выложить на прилавок что-нибудь похожее на хлеб, картошку или молокопродукты – вывели начисто. Даже тех, кто по действующим законам имел полное право на реализацию «излишков»[27].

– Стоять! Скотина сивая, тпру, тпру! – прервал мысли голос Якова.

Сосредоточенно дёргая поводья, он парковал пролётку на знакомой улочке.

Ничем не выдающейся ни на первый, ни на второй взгляд: обшарпанная штукатурка стен, тусклые, с осени не мытые окна, недавно подновлённая брусчатка мостовой. Дежурно свисающий вдоль водосточной трубы стяг «Ленин с нами».

Только пешеходы не спешат вдаль по своим делам, а всё больше неторопливо толкуются вокруг угловой трёхэтажки, то собираясь в небольшие кучки на несколько человек, то опять распадаясь на отдельных «случайных прохожих».

Стоило мне соскочить с подножки, как навстречу устремился толстый старик в высоком старокупеческом картузе и кожаной куртке, туго охватывающей объёмистый живот.

---

[26] Несмотря на колоссальные средства, собранные с торговцев на строительство, электрификацию, канализацию и водопровод, рынок был закрыт в 1930 году.

[27] Колхозников начали вновь допускать до рынков только в 1932 году.

– Кирпич хороший! Добротный кирпичик! Теперь такого не делают... Кирпич хороший! – громко бормотал он как будто сам себе, потряхивая мясистыми, разрисованными сеткой красных жилок щеками.

Не иначе принял меня за партийного.

Почему нет?

Лицо чистое, можно сказать – холёное. Роскошный костюм скрыт строгим плащом, туфли – калошами, эдакий достаток молодого выдвиженца.

Зачем такому картошка?

Зато стройматериалы от снесённой церквушки – пожалуйста. На дачке печку сложить, перегородочку от докучливых соседей возвести, а то и по служебной надобности – покуда не перевелись энтузиасты, готовые тянуть планы пятилетки за свой личный счёт.

С улыбкой помотал головой: не требуется. Не сомневаюсь, Блюмкин справлялся куда лучше, в подобной суете он чувствует себя как рыба в воде.

Да только пролётка с пассажирами, но без извозчика, смотрится по местным понятиям подозрительно. Пустая, вне специально отведённой площадки – так вообще серьёзное нарушение правил, примерно, как проскочить на красный в 21-ом веке.

Нам лишние придирки не нужны...

Тем временем вслед первому торопится следующий предприниматель.

Чёрное пальто до пят, окладистая борода, солидное брюшко – не иначе бывший поп...

Глаза светлые, грустные и возвышенные, да только за пазухой – бутылка!

Длинное и тонкое горлышко призывно торчит из-под полы. Тут и слов не надо: всякому ясно – самогон.

Отвернулся с брезгливым небрежением, только мельком приметил недоумение на лице бутлегера: «Как же так?!».

Стакан со свёрнутым в трубочку листом белой бумаги в руках полногрудой девахи скребанул ностальгией.

– Почём молочко, моя красивая? – спросил я продавщицу, не устраивая спектакля с намёками.

– Токмо за купоны трестовые, талоны али бонементы,

– чуть порозовела щеками молодуха. – Може, за сигаретки. За червяки-то уж расторговалась нынче. Хотя, ежели серебром...

Серьёзной тоски по молоку я не испытывал, поэтому настаивать не стал – лишь многозначительно подмигнул на прощание.

Хотя отметочку про себя сделал: талоны-вкладыши в заборную книжку, которые мы поленились отоварить из-за повсеместных безумных очередей, не столь и бесполезны.[28]

Непостижимая иерархия, а точнее, полный бардак закрытых городских распределителей, рабочих кооперативов, отделов снабжения и прочих продуктовых организаций явно имел богатые недокументированные возможности. Благодаря которым отдельные совграждане избавлены от необходимости предъявлять резчику[29] именную книжку, а также занимать место в хвосте с пяти утра в надежде получить к обеду жалкую недельную норму хлеба, жиров или сахара.

Ещё пара шагов и при моём приближении притих жужжащий болтовнёй кружок дородных тёток.

– Картошка есть? – поинтересовался я, не столько надеясь купить, сколько объяснить своё повышенное внимание.

Многолучевой рентген взглядов неторопливо прокатился по мне от макушки до пяток.

– Какая тут тебе картошка... – вынесла вотум недоверия самая старая и уродливая карга.

Я, было, направился дальше, но тут уже из-за спины донесся голос победившей жадности:

– По два рубля!

– Килограмм? – развернулся я к «сломавшейся» спекулянтке, женщине лет пятидесяти, закутанной в не по сезону тяжёлую шаль.

– Фунт!

---

[28] Официально в СССР до лета 1930 существовала только карточная система на хлеб (введённая в феврале 1929 года). Однако в реальности нормировалась большая часть товаров, при этом использовались самые экзотические варианты документов (к примеру, существовала специальная «заборная книжка туриста»).

[29] Термин «продавец» применительно к «карточным» магазинам заменялся на «резчик». Что логично – требовалось не продажа, а именно нарезка пайков, как можно больше и быстрее.

– Совести у вас нет! – резко возразил я, чётко следуя установкам Якова. – Даю четыре червонца за пуд!

– Так нет у меня столь, – опешила спекулянтка. – Подъели ужо, к весне-то. Всего и смогла что мешочек малый...

– Вот остаток и заберу, – нажал я.

– Скину... Двугривенный...

– Три за кило, и можно домой ехать!

– Милок, не кричал бы ты на пол-улицы! – вмешалась старая карга. – Неровен час...

– Пойдём, – неожиданно сдалась спекулянтка. – Будь по-твоему...

Путь оказался неблизок и непрост: мы миновали два дома, завернули в неприметную калиточку, мимо расписанных матом заборов пробрались на задворки в закутки у дровяных сараев.

Уж было начал подозревать недоброе, но тут на полуразваленной поленнице сидела удивительно опрятная для данного времени и места девчущка лет двенадцати.

Она читала... – я не поверил своим глазам! – новёхонький учебник элементарной геометрии для трудовой школы!

– Люсь, собирайся, – устало сказала ей тётка, настороженно огляделась по сторонам и лишь затем сдвинула несколько поленьев в сторону. – Тут всё, смотрите.

Я заглянул под бугрящуюся клубнями дерюгу, вытащил, прикинул в руке вес кулька.

– Тютелька в тютельку двадцать фунтов, отборный, – спекулянтка протянула мне дёрнутый застарелой ржой пружинный безмен с клеймом «Б. И. Ф.». – Взвешивайте.

– Верю! – не стал придирааться я, засовывая руку в карман за деньгами.

Отдельно достал пару серебряных рублей и вручил их девочке – на книжки.

* * *

По дороге домой в Кузьминки не удержался...

Как съехали со щербатой гравийки тракта на мягкую грунтовку – пробежался по заголовкам заранее припасённой

«Правды». Понятное дело, начиная с последней страницы, первую и вторую не стоило и раскрывать – времена публикации острых партийных дискуссий давно в прошлом. На особые сюрпризы не рассчитывал, но как-то же надо поддерживать память в тонусе?

Пища для размышлений нашлась в колонке ТАСС, что затесалась рядом с большой статьёй о создании коммунистической партии Панамы.

«Германский рейхсканцлер Герман Мюллер своим выступлением в рейхстаге широко распахнул двери для нового коалиционного соглашения по законопроекту о поголовном налоге, выдвинутом из кругов реакционной буржуазии. Нет сомнений, что очередное предательство интересов рабочего класса вставшими на путь соглашательства руководителями СДПГ будет встречено новыми пинками со стороны антинародных буржуазных партий. Лизоблюдство в стенах рейхстага, демагогия на страницах «Форвертс», полицейский террор на улицах – таково разделение ролей.» [30].

Вроде как ничего особенного, привычная политическая трескотня. Вот только...

Я прочитал текст внимательнее второй, третий раз. Посмотрел на дату выхода газеты. Помотал головой, зажмурив глаза – под недоумённым взглядом Саши...

Чуть прыгающие типографские строчки на желтоватой бумаге и не думали меняться!

– Чёрт возьми, что за чепуха тут творится! – воскликнул я вслух.

К сожалению, из всех учебников и книг 21-го века по германскому вопросу актуального времени мне удалось вытащить всего несколько абзацев. Кое-как сопоставив их с наблюдаемой реальностью, я уяснил следующую картину...

Депутаты избранного в марте 1928 года рейхстага создали так называемую «большую коалицию», в которую вошли собравшие треть голосов социалисты из СДПГ,

---

[30] Последнее предложение – реальная цитата из газеты «Правда» о политике СДПГ.

католики-центристы и аж две «народные», а на деле откровенно правобуржуазных партии.

Любой и каждый понимали слабость подобного гибрида «бульдога с носорогом», но иная конфигурация никак не складывалась чисто арифметически.

Получившие немалые десять процентов коммунисты-коминтерновцы придумали дикую теорию «социал-фашизма», согласно которой социал-демократы приравнивались к фашистам, что без всяких сомнений исключало возможность блока даже в теории.

Ещё десять процентов набрал недоговороспособный «хвост» микропартий.

Таким образом, правые не могли создать большинства без СДПГ, но и последние не могли найти иных союзников.

Худо ли, бедно, но до 1930 года коалиция дожила. Но не более того...

От первого раската биржевого кризиса Германия – как промышленная страна – пострадала слабо.

Тем не менее этого хватило: правые потребовали инвестиций и защиты отечественного производителя таможенными барьерами; социалисты, напротив – увеличения пенсий и пособий. В марте они не смогли договориться из-за сущего пустяка – законопроекта о повышении отчислений с работодателей в пользу безработных, с трёх с половиной до целых четырёх процентов.

Деятели СДПГ в известной мне истории обиделись и с гордым видом самоустранились.

Но разума не потеряли и аккуратно передали пост новому рейхсканцлеру...

В недавнем прошлом моему случайному попутчику, депутату от центристов Генриху Брюнингу, который успел за два года сделать поистине головокружительную карьеру.

Понять социалистов можно: в сущности, плевать они хотели на реальные интересы рабочих – тем более, безработных! – речь шла исключительно о сохранении лица перед избирателями.

И всё было бы хорошо, да только господин Брюнинг оказался резковат на поворотах, посему не преуспел в сколачивании нового парламентского большинства.

Возможно и другое: демократия – инструмент состоятельного общества – внезапно стала не по карману народу Германии...

В результате уже летом всё того же 1930 рейхстаг был – вернее, будет – распущен, а новые выборы принесут в мир коричневую реальность – НСДАП получит чуть не двадцать процентов голосов.

Судя по всему, заметно подрастут и коммунисты.

А вот центрально-буржуазные партии...

Их натурально растопчут.

Поляризованный «на все четыре стороны» парламент – коммунисты, нацисты, жалкие остатки правых и пощипанные социалисты – впадёт в окончательный ступор.

Тут придёт черёд второму промаху Брюнинга...

Используя лазейку в конституции, он начнёт действовать в обход рейхстага, через прямые указы президента Гинденбурга.

Худшее время для экспериментов сложно представить – как раз в 1932 году мир стремительно покатится на дно ямы Великой депрессии.

Германию приложит всерьёз, производство упадёт чуть не вдвое, количество безработных достигнет невероятных пятидесяти процентов.

Кризисный менеджмент, а вернее – лихорадочное затыкание дыр в бюджете, закономерно не принесёт успеха. Выпавшая из стремительно меняющихся реалий программа экономического оздоровления страны с передачей пенсионерских денег юнкерам «на развитие сельского хозяйства» пошатнёт авторитет.

Что же произойдёт дальше – точно понять мне так и не удалось...

На фоне бешено рвущегося к власти Гитлера авторы учебников просто позабыли прояснить судьбу его предшественника на посту рейхсканцлера[31].

---

[31] В реальной истории Герман Брюнинг был отправлен в отставку в мае 1932 года, вместо него рейхсканцлером стал Франц фон Папен, далее – Курт фон Шлейхер, и только после них – Адольф Гитлер. Вообще говоря, «эра Брюнинга» весьма популярна в среде историков. Споры по многим её моментам не утихают до сих пор. Но в обычные учебники столь узкие темы не попадают.

Скорее всего, мой попутчик получит отставку после выборов 1932 или 1933 года, что, в сущности, не особенно важно.

Куда забавнее другое...

Апрель уже перевалил за середину, то есть господин Мюллер никак не может быть рейхсканцлером[32]!

Что это значит?

Заторможенность главной большевистской редакции, поставившей в набор давно протухший материал?

Последствие моей случайной позапрошлогодней беседы с герром Брюнингом? Отосланное ему письмо?

Досрочные публикации книг, украденных мной у Оруэлла?

Провидческий цикл зарисовок будущего от товарища Троцкого?

Или просто глупая опечатка в учебнике?

Последнее, пожалуй, самое вероятное, не так и сложно спустя без малого сотню лет перепутать пару месяцев... Кто будет проверять такие детали?

Переживать рано.

Но если в Европе что-то на самом деле меняется, то мне необходим нормальный источник информации. Судить о мировой политике по советским газетам – примерно как ориентироваться в тайге по пачке «Беломора».

Эх, добраться бы до «Бюллетеня оппозиции»!

Увы, проще достать Луну с неба...

А вот найти приличный радиоприёмник стоит попробовать, если, конечно, большевики уже не догадались их запретить[33].

---

[32] В реальной истории Брюнинг был выбран рейхсканцлером уже 30 марта (через три дня после развала «большой коалиции»).

[33] Обязательная регистрация радиоприёмников в местном почтовом отделении была введена постановлением Совнаркома СССР от 27 марта 1934 года, действовало оно (с неоднократными изменениями) до 1961 года.

3. СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ

Берхтесгаден. Декабрь 1928 года
Девятнадцать месяцев до рождения нового мира

Люди говорят: «К хорошему быстро привыкаешь...».
Врут, однозначно!
Не быстро – мгновенно!

Полугода не прошло, как «слез с нар», пары недель – как перестал считать пфенниги, а тут на тебе: проснулся от чувства, что рядом на кровати пусто.

Машинально потянулся дальше в попытке нащупать тепло – но под пальцы попала лишь сбитая ткань простыни.

Только где-то под ногами придавил одеяло верный страж Марты – самый уродливый кот в мире. Нос вдавлен, половина левого уха оторвана, глаза цвета гнилой тыквы. Охотно откликается на кличку «Rostrot»[34], но по мне – он просто «ржавый».

Скотина ненавидит меня с первого же дня знакомства, не может простить ласкового выкидывания в окно со второго этажа – я тогда не знал, кто его номинальная хозяйка. После «колбасной дипломатии» он перестал щетиниться, но этим наши взаимные симпатии и ограничиваются.

Негромко хлопнула входная дверь, слышались лёгкие шаги.

– Guten Morgen! – Марта вывалила беремья звонких от мороза поленьев у камина.

– Утро добрым не бывает, – проворчал я в ответ по-русски из глубины подушек.

Марта знает перевод, пришлось рассказать, давно поняла и то, что это – не более чем шутка. Она вообще очень умная. А ещё пугающе практичная – не даёт мне принести с вечера в достатке дров, потому что я их обязательно и совершенно бесполезно переведу в золу за длинный вечер: по её мнению, ночью под стёганым одеялом и без того тепло. Der Groschen bringt den Taler – иначе говоря: копейка рубль бережёт, как-то так правильное поведение выглядит в её интерпретации.

Надо бы вылезти, помочь развести огонь, но за ночь комната выстыла градусов до десяти, а на мне – ничего.

Поэтому я просто люблюсь, как ловко девушка справляется с растопкой камина. Сперва тянется в струнку, вставая на носочки, так, чтобы достать до вьюшки. На секунду платье обтягивается на груди, показывая прекрасные формы. Затем вытаскивает из стопочки, аккуратно разворачивает и резко мнёт в комок газету так, что розовые капли лака на ногтях только успевают мелькать между готических заголовков – это

---

[34] *Rostrot* – красно-коричневый цвет.

я научил её «плохому», прежде Марта считала прессу за немалую ценность – ловко приседает, сдвинув в сторону подол широкой юбки, громоздит поверх бумаги пару полешек потоньше, на них – домиком остальные, выгибается в сторону за коробком спичек, как специально натянув платье...

Злодейка, да она опять не надела белья!

Что за парадокс природы?

Какого дьявола женское тело под грубой шерстяной тканью манит сильнее полностью обнажённого?

Знают ли коварные соблазнительницы этот секрет?

Тут я задумал и чуть позже провёл в жизнь страшную месть – собрав волю в кулак, дождался, пока в камине загудит пламя, и только после этого предпринял дерзкую вылазку.

Лишённый «обёртки» и скованный одеялом трофей не особенно сопротивлялся – процесс нравится Марте как бы не больше, чем мне.

Как раз тот нередкий случай, когда хобби совпадает с работой: Марта – профессионалка...

Да-да!

В той самой древней профессии!

Эффектная блондинка, совсем как Эмилия Кларк из «Игры престолов». Малость худовата по здешним понятиям, но с её пристрастиями к пудингу – это скоро пройдёт.

Можно бы и влюбиться, но...

В будущем данный вид сервиса назовут «эскорт-услугами». Десять марок в день, выходные и праздники – двадцать, при заказе на неделю и более – на треть дешевле. Плюс еда и подарки...

Для такой дыры, как Верхняя Бавария, живущей только-только очнувшимися после войны туристами, весьма недурной заработок. В горах можно за сотню марок в месяц снять целый дом[35]!

Не так много способов выжить у лишённой детства девушки из горной деревеньки...

Десять лет назад её отец погиб в боях за Мюнхен после того, как коммунисты провозгласили в местной пивнучке

---

[35] Именно в описанном местечке в 1927-1933 Адольф Гитлер снимал небольшое шале Haus Wachenfeld за 100 марок в месяц.

ни много, ни мало, а Баварскую Советскую Республику[36]. Затем – всего через несколько месяцев – «испанка» забрала мать и чуть ли не всю родню, оставив тринадцатилетнюю девочку и её младшего братика вдвоём в большом доме.

Мечта Марты проста и понятна: в один прекрасный день сбежать от постылых скал, пасторальных лугов и молвы соседей в большой город у моря, открыть там собственную лавку или отель, тем самым – начать жизнь заново. Ради этого она не остановится ни перед чем...

И мне почему-то кажется, что ни у кого в целом мире нет права её за это осуждать.

Из номера мы спустились в ресторан ближе к полудню...

Хозяева заявляют историю отеля чуть не с окончания Австро-Турецкой войны 1683 года, всего-то триста с хвостиком лет. Обманывают, верно, но потемневшее дерево обшивки стен, монументальные балки перекрытий, каменная кладка первого этажа – всё ощущается реальной, а не сувенирной стариной.

Хотя ценить подобные интерьерные мелочи тут по-настоящему ещё не научились.

Надо заметить, что хитрые финские лойеры, оформляя мне визу в Германию, выбрали самый никчёмный хостел в Берхтесгадене. Место это вроде как курортное, в глазах пограничных чиновников высокопрестижное. В то же время дешёвое, так как делать в расположенном на дне долины городке решительно нечего – в начале декабря холод и слякоть легко губят любую красоту. Даже альпийскую...

До обеда я вдумчиво созерцал прыгающую по камням речку, примечательную исключительно изумительным цветом воды, более всего похожим на разведённую извёсткой ядрёную зелёнку.

После – посетил местные культовые сооружения: кирху и

---

[36] Очень упрощённая трактовка событий. Однако пивная «Матезерброй» на 4000 посадочных мест действительно долгое время была штаб-квартирой баварских революционеров. Баварская Советская Республика провозглашена в апреле 1919, просуществовала несколько недель.

костёл. Полюбовался на роскошный декор, свешивающегося прямо в серёдку зала распятого Спасителя, пошкрябал ногтем розовый мрамор сохранившихся аж с пятнадцатого века надгробий.

Засим с чувством выполненного туристического долга отправился в паб – тренировать в компании бургеров ключевой европейский скилл: растягивание одной единственной кружки пива на весь вечер.

С утра – это переехал в модную гостиницу «Zum Turken».

Вроде всего-то несколько километров в сторону и вверх, но тут на склонах гор уже лежит снег, значит, можно кататься на лыжах!

Нечего говорить, что и контингент тут заметно иной... «Хотя это не всегда в плюс!», – проворчал я себе под нос при звуках раскатистого многоголосого хохота.

– Кто это? – нырнула под мою руку Марта. – Иностранцы?

– Думаешь? – я на секунду прислушался. – Ба! Да это же англичане!

Первый же взгляд на засеvшую в ресторане компанию показал ошибочность догадки – только американцы могут в три пары занять полтора десятка мест. Да ещё говорить шёпотом, который слышен в соседнем отеле.

– На кой чёрт кто-то из нас хвастался, что три года учил французский? – потешался один из новых постояльцев над долговязым приятелем, охватившим в притворном раскаянии руками голову цвета топлёных сливок. – Тебя здесь всё равно ни один официант не понимает!

– Ты и читать-то не умеешь! – не отстала полненькая розовощёкая дама, похоже – его жена. – Вчера не смог разобраться во французском меню! Выбрал смердящую тиной курицу!

– То была дичь! И мне понравилось! Кстати, кто её всю сожрал?! – воздел руки вверх лингвист-самоучка.

– Что мы будем заказывать сейчас? – с коварной вкрадчивостью перебила его дама. – Кроме твоего любимого крепкого «Вайсбира», само собой?

В высшей степени светская беседа!

Только что делать нам?

Устроиться в дальнем углу, стиснув зубы терпеть чужое

веселье, утешаясь лишь видом осатаневшего официанта? Прогуляться до ближайшей пивнушки?

Или...

Не можешь победить – возглавь!

– Hey guys, how are you doing? Do you need some help? – выпалил я с самой широкой из возможных улыбок. И тихо шепнул на ушко Марте. – Ты, главное, не бойся!

Последнее замечание оказалось очень даже к месту – за океанские гости затащили нас за свой столик буквально на руках.

Сделать заказ?

Забудьте!

Сейчас всё будет!

Только расскажите, Иисуса ради, где тут самая высокая гора, самый красивый вид, самый опасный спуск и самое вкусное пиво!

Гида лучше, чем моя спутница, в этом краю не найти – это факт: мне оставалось лишь переводить. Списка достопримечательностей хватило на целых полчаса, дальше разговор плавно свернул на вечные темы: моду, лыжи и рыбалку.

Поздний завтрак плавно перетёк в обед, кружки пива сменяли друг друга, Марта начала понимать английский, её американские визави – немецкий.

Я имел глупость обмолвиться о побеге из СССР, и один из собеседников – не иначе, репортёр – вытащил блокнот. Пришлось в очередной раз повторять рассказ о своих приключениях.

Только часам к трём поступило чрезвычайно дельное предложение продолжить банкет среди альпийских красот, то есть на свежем воздухе.

И тут я услышал пару фраз, которые перевернули мир в моих глазах.

– Дружище, – пихнул один из американцев своего приятеля. – После такого блестящего рассказа мы просто обязаны побывать в Советской России!

– Знаешь... – ответил ему тот. – Вот только что сам хотел предложить заскочить на недельку к русским. Где-то – кажется, ещё на пароходе – мне в руки попадалась рекламная брошюрка. Большевики недавно взялись за ум и сами

зывают туристов в этот, как его там... Ленинград. Как вернёмся в Берлин – надо не забыть озадачить агента.

Туристов! В Ленинград!

Бля...ь!

Какой же я непроходимый идиот!!!

Нужно просто-напросто купить путёвку!

Сесть на пароход, миновать границу, поселиться в гостиницу. Сходить в Эрмитаж, полюбоваться на Исаакий, прогуляться по Невскому...

Закончить то, что не успел тогда, в будущем. Мимоходом заглянуть по злосчастному адресу проспект Маклина, 20 – тому самому, с которого и началось моё путешествие в прошлое. Забрать из тайника на чердаке многострадальный смартфон, он же – кладёшь поистине бесценной информации.

С такими мыслями моё настроение – и без того совсем неплохое – успело скакнуть вверх на триста процентов за те несколько минут, что мы шумной толпой одевались и вываливались из отеля.

Поиск приключений не был долгов – местные рекреаторы чуть не битву устроили за американских, потому неизбежно богатых туристов...

Первым номером программы стал skijoring, иначе говоря, катание за лошадей на лыжах. Страшно популярный среди местных вид спорта, который успел сгинуть в неизвестности задолго до 21-го века[37].

Надо сказать, что вышло неплохо – визжащие девушки в забитых снежными катышками шароварах, по-детски барахтающиеся в снегу джентльмены, неуклюжие цельнодеревянные лыжи, храп разгорячённых скачкой коней, свист ветра на полном ходу...

Как я обходился без этого прошлые две недели?

Потом мы забрались греться в какую-то лавку, полную расписных глиняных кружечек, кожаных шорт, серебряных

---

[37] Скийоринг сейчас известен, как катание на лыжах за мотоциклом, но популярностью не пользуется. Однако в 1928 году этот вид спорта был включён в программу Олимпийских игр – как демонстрационная дисциплина.

ромашек-эдельвейсов, ржавых стальные клиньев, альпийских, а может, просто альпинистских молотков и верёвок.

Набив полные карманы сувениров, пошли играть в снежки «все против всех».

В разгар битвы откуда-то появилась бутылка «Glenmorangie», за ней – вторая. Пили а-ля whisky on the rocks, то есть из крохотных карманных стаканчиков в прикуску с чистейшим снегом.

Изрядно осмелев, американки хотели, было, пойти кататься на лыжах с горы, но осторожная Марта вовремя успела толкнуть идею найма саней. Предложение прошло «на ура».

Щедро подогретая пятибаксовыми банкнотами кавалькада буквально поставила на уши тихий альпийский уголок. Снега выпало ещё мало, так что мы без помех проносились по лесным головоломным тропинкам, узким дорожкам, а потом – и улочкам Берхтесгадена с боевыми индейскими воплями на языках не менее чем десятка племён.

Редкие прохожие едва успевали уворачиваться от копыт лошадей. Вслед неслись ругательства, крики, а какой-то сбитый в сугроб недорослик чуть не целый квартал гнал за нами, потрясая тщедушным кулачком над физиономией с усиками а-ля бесноватый фюрер.

Пыталась поймать нас и полиция, к счастью, без малейшего успеха – погонщики упряжек в этих краях знали каждый закуток.

Ужинали жаренным на вертеле кабанчиком – заодно и попрощались: меня манили «в нумера» шальные, играющие отблесками пламени глаза Марты, американцы же собирались прямо с утра двинуться куда-то в сторону Линца, с расчётом к концу недели добраться до Вены.

Звали нас с собой в grand tour – увы, не с моим нансеновским чудом пускаться в подобные авантюры...

Радужные мечты о турпоездке в страну чекистов я старательно гнал от себя до самого утра. Не хотел раньше времени разбить послевкусие прекрасного дня и ночи о чёрствую реальность.

Для начала – документы. Пересечь границу в СССР по

паспорту Обухова – номер смертельный в самом буквальном смысле этого слова.

Далее акцент – как бы хорошо я не подогнал язык с Мартой, перед профессиональным переводчиком обязательно спалюсь.

На Шпалерку за такой грех не поволокут, мало ли нынче немцев русского происхождения. Только вот слежку устроят – шага лишнего не сделать.

Впрочем, эта проблема не великая – переводчика можно подкупить, от топтунов – оторваться или тихо ускользнуть в ночи, всего-то на часок.

Хуже другое – снятые два года назад отпечатки моих пальцев так и лежат где-то в чекисткой картотеке. К ним прилагается фотография. Только дёрни за кончик – дело и разматается.

А в остальном...

– Всё хорошо, прекрасная маркиза, за исключением паспорта, – пропел я шёпотом, извратив ударение на ключевом слове в угоду ритму.

– Проснулась? – вывернулась ко мне из подушек Марта.

– Думаю, кого убить за паспорт, – пошутил я в ответ уже на немецком. – Жуть как неудобно с нансеновским обглодышем! Вот ты же вчера хотела с американцами поехать?

– Всю жизнь мечтала Вену увидеть!!!

– Хофбург прекрасен! – подлил я масла в огонь. – А в Париж?

Иные взгляды красноречивей слов!

– Вот видишь, – скорчил я обидную гримасу. – Деньги есть, но куда мне с этим недоразумением?

– Получи нормальный.

– Так его мне и дадут! Чужих нынче нигде не любят. Да ещё из Советской России, хоть и бежал, а всё одно под вечным подозрением, как потенциальный большевик.

– Как же неудобно всё в мире устроено, – капризно сложила губки Марта.

– Точно! – при виде такого беспорядка я не удержался, потянулся с поцелуем.

Наученный горьким опытом Ржавый с обиженным мяуканьем метнулся прочь с кровати...

Зря!

Девушка вдруг отпрянула в сторону.

– погоди! Ну погоди ты хоть секунду!

– Стой, куда ты?

Выскользнула из моих объятий и поскорее, пока грудь не догнали мои руки, продолжила:

– Может быть, сгодится свидетельство о рождении?

– В смысле?!

– У нас, когда рождается ребёнок, принято записывать его в специальную церковную книгу, – обстоятельно, как последнему дикарю, принялась объяснять ситуацию девушка. – Родителям или родственникам выдают специальную бумагу.

– Хм... – пришло время и мне забросить подалее мысли о постельных утехах. – Знаешь, что-то в этом есть. Но ведь потом нужно обязательно получить паспорт лет в четырнадцать или восемнадцать – не знаю уж как у вас заведено.

– Райзепасс, что ли? – недоумённо переспросила Марта. – С ним только за границу ехать. Аусвайскарт[38] положена всем, но в горных деревеньках никому до такой чепухи дела нет.

– Как же без неё? – удивился я.

– А зачем? Там своих в лицо узнают.

– Логично выходит, – мои ладони машинально продолжали ловлю волшебных округлостей, но мозг уже всюду трудился над планом экспедиции в горы.

Однако девушка вновь не далась в руки.

– Если нужно, у меня осталось кое-какие из бумаги после смерти кузена.

– О-о-о! Дай я тебя поцелую!!!

– Деньги вперёд! – оценивающе прищурилась Марта. – Тысячу марок!

Ну это она пошутила!

Или...

Нет?

Вместо того чтоб заняться «полезным делом», следующие полчаса мы торговались.

---

[38] *Reisepass* – буквально переводится как «паспорт для путешествий» – т. е. загранпаспорт. *Ausweiskarte* – удостоверение личности. В описываемое время в Германии используются десятки видов подобных документов.

Сошлись на семи сотнях. И ещё триста, если она поможет мне получить настоящее немецкое удостоверение личности.

Вроде как всё обоснованно, но чувство такое, как будто меня обвели вокруг пальца.

Между тем, сюрпризы не закончились – не иначе, время решило взять реванш за неторопливость прошедших недель...

На традиционном позднем завтраке или раннем обеде – подобный странный распорядок дня никого из местных уже не удивлял – официант заговорщическим шёпотом поведал о визите полиции.

Служители знаменитого германского ордунга искали мерзавцев, сбивших прохожего с дороги да так, что он при падении сломал себе руку.

Они очень расстроились, узнав, что искомая шайка иностранцев успела выехать в неизвестном направлении буквально получасом ранее.

Судя по всему, хитрые альпийские крестьяне решили перевалить свою вину на американцев – впрочем, я ни капли не удивлюсь, если последние на самом деле вчера взяли на себя управление санями.

В любом случае пришлось премировать прохиндея бумажкой с портретом неизвестного горожанина – то есть полусотней рейхсмарок. Честно заслужил – не выдал на муторную протокольную канитель.

Финальный удар нанёс заголовок утренней мюнхенской газеты: «Американцы сломали руку Адольфу Гитлеру, полиция расследует дело!».

– Бл...дь! Ну почему же не убили!!! – не удержался я от восклицания.

Хорошо, что по-русски.

В памяти всплыло лицо гнавшегося вчера за нами господина – так вот ты какой, проклятый фюрер нации!

Следующая мысль не заставила себя долго ждать: «Пусть на прошлых выборах НСДАП получила жалкую пару процентов, дюжина быстрых на расправу фанатиков у будущего вождя найдётся уже сейчас...».

– Ты в курсе, кого мы вчера сшибли в сугроб? – поинтересовался я у Марты.

– Нет, а что?

– Главного нациста! – и добавил, видя недоумение. – Который Адольф Гитлер.

– А... Политика этого...

– Ты его знаешь?!

– Конечно, он тут снимает шале напротив[39]. Сам – наездами, а сестра его постоянно живёт со своей дочерью[40]. Ещё он в пивнушках то и дело речи разные толкает.

Давить паровозы надо тогда, пока они чайники!

Воображение мгновенно изобразило благостную картину: «Подкараулить будущего фюрера на узкой альпийской тропинке, да свернуть его безумную башку с чёрным кустиком под носом!».

И никто не сможет задурить голову сладкими теориями о военном реванше и расовом превосходстве славному парню Курту, моему попутчику по дороге во Франкфурт. Не пойдёт он через десять лет командовать взводом, а то и ротой на восточный фронт – расчищать территорию для своего «великого» народа.

Не убьют подобные Курты и Михаэли по дороге в Польшу, Францию и особенно в Россию миллионы Иванов и Джонов. Не посыпятся из «Юнкерсов» бомбы на головы Марий, а из «Ланкастеров» – на головы Март...

Я потряс головой, избавляясь от наваждения.

– А что же ты мне про это раньше не сказала?!

– Ты же не спрашивал... – пожала в ответ плечами Марта.

– Делать-то что будем?

– В каком смысле?

– Хм-м-м...

Я быстро пробежал взглядом по газетной заметке.

– Недобитый ефрейтор уже в Мюнхене, вечером врачи успели собрать консилиум и диагностировали какой-то

---

[39] Шале «Haus Wachenfeld», хозяйство в котором постоянно вела сводная сестра Гитлера Ангела Раубаль, расположено рядом с отелем «Zum Turken». Более того, в начале 30-х Гитлер часто произносил речи с высокого балкона «Zum Turken» (который позже был выкуплен и превращён в казарму СС).

[40] Ангелика (Гели) Раубаль. Согласно некоторым историкам, любовница Адольфа Гитлера.

сверхсложный перелом с массовыми смещениями, дружно говорят чуть не об угрозе жизни. Врут, гады бессовестные! То-то он вчера за нами так шустро бежал... Но, чёрт возьми, этот пустяк определённо хотят раскрутить по полной программе, как громкое политическое дело, хорошо, если не покушение на видного политика спецagентами ЦРУ[41]. Пока местные лентяи ищут виновных в дорожной мелочи, но скоро тут будет не протолкнуться от мундиров и коричневых рубашек[42]!

Определённо, Марте последние слова оказались знакомы. Она вздрогнула, на крахмальную гладь скатерти полетели капли свежесваренного кофе.

– Промурыжат в кутузке. Ославят как последнюю шлюху. Ладно. Но эти... Непременно изломают, а то и убьют! – она посмотрела в сторону стоящих на каминной полке часов. – Дневной поезд на Мюнхен уходит через час пятьдесят пять.

– Да ну... – отмахнулся я. – Политических душегубов одна только пропаганда заботит, точнее – американцы эти, тут только под горячую руку не угодить бы... Пожалуй, ты права, поехали, пересидим недельку в Берлине.

Марта смерила меня медленным оценивающим взглядом.

– Твоё дело в России... Оно опасное?

– Сущий пустяк, – ответил я не задумываясь. – Но почему...

Вопрос повис в воздухе, как облачко табачного дыма над головой застигнутого врасплох школьника.

Не требуется интеллект Эйнштейна, чтобы догадаться: работать по соседству с Гитлером Марта впредь не сможет, в этом тихом альпийском закутке все знают всё и про всех. В любом случае ей придётся переезжать, обустроившись на новом месте.

Мне тратиться на расходы?!

Ну уж нет!

– Недели с тебя... – я начал, было, отповедь, но резко осёкся.

Кого увидят в моём лице бравые советские пограничники или чекисты? Респектабельного туриста?

---

[41] Автор знает, что ЦРУ создано в 1947 году, но ГГ об этом не догадывается.

[42] Коричневорубашечники, они же штурмовые отряды (нем. *Sturmabteilung*), сокращённо СА. Созданы в 1921, запрещены после пивного путча 1923. Вновь легализованы в 1925 году.

Как бы не так!

Для них любой молодой, а тем более крупный и мускулистый мужчина – прежде всего потенциальный террорист.

Курьер. Авантюрист. Фанатик. Киллер.

Кто угодно, только не скучающий по Эрмитажу и ботику Петра Великого «юноша бледный со взором горящим».

Однако с девушкой...

Нет, с молодой женой!

Совсем же иное дело!

– Марта, а твой отец... Он погиб за революцию или против?

– Не знаю...

Неужели наша практичная леди растерялась?

Ха!

Ставлю сто марок против пфеннига, что папаша сражался исключительно на своей стороне – за обретение чужих материальных ценностей.

Тем лучше!

– Не важно, – резким жестом я отмёл оправдания. – Запоминай: твой отец, потомственный рабочий, ушёл из дома воевать за счастливую коммунистическую Баварию, пал на баррикаде под пулями нанятых буржуями карателей, с красным знаменем в руках, как герой. Ты всю свою жизнь мечтала пойти по его стопам, ну, само собой, не в смысле погибнуть, но хоть одним глазком посмотреть, как счастливо живёт в СССР свободный пролетариат. Вот только денег на такое путешествие никак не находилось. Пока однажды с гор за солью не спустился туповатый богач, владелец альпийского луга и коровьего стада в триста голов. То есть я. Немного тугой на ухо зайка, готовый на всё ради прихотей своей прекрасной супруги.

Несколько минут Марта молча переваривала новые вводные.

И подвела неожиданный итог:

– Муж подарит мне лавку в Берлине.

– Купим пятьдесят на пятьдесят! – возмутился я. – Извини за прямоту, но девушек в Германии куда хватает!

– Тогда – хорошую, – на сей раз Марта колебалась не очень долго.

– Время не ждёт, – я поднял руку, привлекая внимание

официанта. – Любезный, вызовите-ка нам такси минут через пятнадцать.

Уезжали по-английски: налегке и без прощания.

Чемодан, который я успел купить для солидности, пришлось на всякий случай бросить в отеле – не страшная потеря.

Девушке пришлось сложнее – в её берхтесгаденской камерке оказалось на удивление много барахла.

Однако на поезд мы всё же успели – пусть и в самую последнюю минуту.

Остаток дня прошёл в беготне по мюнхенским магазинам.

Марта передела меня в костюм горца, купила массивные очки, затем загнала в парикмахерскую и принудила мастера устроить на моей голове седоватый стариковский «ёжик» – хотя свидетельству о рождении её умершего кузена «стукнуло» лишь тридцать пять.

Попутно она пыталась подобрать накладные усики и бородку, но потерпела фиаско – сойти за настоящие эти аксессуары могли только шагов с десяти, ближе фальшивость становилась очевидной.

Поэтому вечером мы экспериментировали с заиканием и «проявкой» будущих морщин при помощи популярной у местных модниц подтягивающей маски – смеси крахмально-клейстера, овсяной муки и яичного белка, в которую добавили немного грязно-коричневой гуаши. Вышло на удивление неплохо – после высыхания кожа исправно стягивалась, выказывая неровный крестьянский загар.

Не сказать, что вышло убедительно, но...

На следующий день в присутственном месте местной администрации мне удалось отделаться буквально парой фраз и подписей: будущая компаньонка оказалась прекрасной актрисой. Несколько слов – там, улыбка – тут: кто устоит, не поможет очаровательной фройлен поскорее окрутить состоятельного дикаря – пока он не очнулся, не сбежал обратно к своим козам да баранам?

Через три дня я имел свежую Ausweiskarte – примитивную книжечку из желтоватого картона с украшенной орластыми печатями фотографией на развороте. Новое лицо, новое имя

Хорста Кирхмайера, новые возможности полноправного гражданина будущего Евросоюза.

Отмечать данное свершение в ресторане Марта отказалась наотрез – побаивалась быть узнанной. Пришлось «скромно» зависнуть с шампанским, шоколадом и огромными жёлтыми яблоками на необъятной кровати люкса «Karlsplatz», того, что с видом на Карловы ворота.

Хотя за последнее переплачивать явно не стоило – до подёрнутого изморозью окна мы добрались только к рассвету.

Утренняя пресса, поданная в номер с обедом, изрядно порадовала: специально нас никто не искал. Поднятый нацистскими газетчиками скандал с переломом адольфовской руки встретил неожиданно быстрый и жёсткий отпор – местные «отельеры» отнюдь не собирались давать в обиду заокеанских клиентов, а нанятые ими шелкопёры аккуратно, но весьма едко высмеяли неуклюжесть лидера НСДАП. Жалкий русский экспат и его подруга политических дивидендов никому не сулили: их упоминали вскользь, исключительно, как забавных свидетелей.

Но обольщаться я и не думал. Поэтому «обезжирил» чековый счёт в «Metzler» почти полностью, на всякий случай оставив там лишь около трёх тысяч марок. Остальное кэшем перенёс в «Deutsche Bank» – уже на аккаунт герра Кирхмайера.

На этом след скаута и беглеца Алексея Обухова в Германии обрывался чисто и навсегда.

Нас же с Мартой уносил в ночь Берлинский экспресс – превосходные железные дороги Германии позволяли преодолевать шесть сотен километров за невероятные восемь часов.

* * *

Покупка тура в Россию оказалась делом весьма нетривиальным. Но по порядку...

Сперва, разглядев среди плакатов знакомый силуэт вздыбленного всадника, я довольно потёр руки. Даже ничего придумать не требуется, достаточно ткнуть пальцем: «хочу!».

Условия путешествия заставили подпрыгнуть от радости:

двадцатичетырёхдневный круиз на трёхтрубном красавце-лайнере типа «Сар Polonio», с заходом в кучу портов, в том числе – Ленинград, на целых полтора дня.

Шикарный вариант!

Мне нужен-то всего час: оторваться от экскурсионной толпы, метнуться на такси до тайника, забрать телефон и вернуться на борт под германскую или британскую юрисдикцию[43].

Все!

Чекисты если и заметят, то доложить о ЧП не успеют, не то что получить инструкции от начальства.

Дело испортила одна мелкая деталь: маршрут работал исключительно в тёплую половину года. Зимой и капитаны, и туристы предпочитают бороздить южные моря.

Их легко понять – кроме свинцовых балтийских волн корабли ждёт ледяная затычка Финского залива. Если грузовые суда в Ленинград ещё хоть как-то проводят ледоколами, то даже прижимистый как Скрудж «Совторгфлот» без затей рекомендует пассажирам добираться до пункта назначения сушей.

Ждать у моря погоды?

Вариант имеет смысл, но...

Опять это проклятое но!

Чёрный четверг 1929 года. Тот самый знаменитый биржевой крах, с которого началась Великая депрессия.

В мечтах я много раз представлял гору денег, которую можно на нём заработать, но так и не сумел вспомнить месяц.

Ни зима, ни лето...

Но вот весна или осень?!

На бирже важен каждый день!

С поездами проще. Прямого маршрута из Берлина в Ленинград нет, зато с пересадкой – целых два.

Первый очевиден – сквозь Польшу на Москву, оттуда – в Ленинград.

Редкие туристы предпочитают именно его, так можно посмотреть оба главных советских города.

Второй – через грозящий стать формальной причиной

---

[43] ГГ ошибается, торговое судно в порту подчиняется юрисдикции «принимающей стороны». Хотя для задержания кого-либо на борту необходимо уведомить консула.

новой мировой войны Данцигский коридор в Восточную Пруссию, затем – через Литву в Ригу. Несмотря на кажущуюся сложность – в пути всего четырнадцать часов[44].

Далее более суток – вкругаля через Полоцк – на советском поезде до Ленинграда. Медленно, печально, но относительно спокойно.

«Свои погремушки» оказались и в «избушке» принимающей стороны.

Припоминаемый ещё из будущего «Intourist»[45] почему-то в Берлине не работал, вместо него идеи коммунизма двигали в массы бойцы из АО «Советский турист».

Старались они честно, но базовую бюрократическую установку на «организованные коллективы» изменить оказалось не так-то просто.

То есть первым же категорическим условием для нас стало присоединение к группе, которых на рижском варианте пути в новогоднюю пору не оказалось вовсе.

С расстройства и нежелания чуть не неделю наблюдать столицу «триэсэрии», я закатил клерку небольшой скандал в духе «нет тура – нет свадьбы, нет свадьбы – нет секса».

Марта плеснула керосинчику в огонь со стороны памяти героического отца.

Бедный совслужащий и так делал что мог, теперь же приготовился расшибиться в лепёшку. И таки сумел – уговорил дюжину немецких коммунистов сменить маршрут с московского на питерский под соусом «пейзажей зимней Белоруссии» и «повторения пути последнего поезда последнего русского царя» – через станцию с многозначительным названием Дно. Обратное же – с милостивого разрешения центрального офиса – мы могли катиться в свою неметчину самостоятельно, в отличие от камрадов, которых «с нетерпением ждали московские коллеги».

Только-только я успел отрастить минимально заметную

---

[44] Даже по сегодняшним меркам это достаточно быстро. Средняя скорость состава на территории Латвии была 77,1 км/ч, в Литве – 79,2 км, а в Германии – 80,4 км/ч.

[45] Знаменитый «Интурист» был создан только в апреле 1929 года. В первый год своего существования он обслужил 2,5 тысячи иностранцев.

бородку и усики, да перестал усердствовать со старящим гримом, как накатило время оформления документов.

Скромное бракосочетание в муниципалитете, получение долгожданного Reiserpass и проставление в нём виз – всё уложилось в три недели – причём с учётом Рождества. Немыслимо быстро по местным меркам.

В самой нудной инстанции – советском консульстве – за спиной скабрёзничали по-русски, не иначе клерк разболтал мою «мотивационную часть», однако препятствий не чинили. Мужчины угождали Марте, женщины – жалели меня. Или, наоборот – разобраться точнее в новой советской морали я не удосужился.

Стартовали с Силезского вокзала...

Надежды на нормальную спальную полку не оправдались – до Риги шло всего лишь два вагона из всего состава, причём, один из них – багажный, а второй – обычный для Европы «сидячий», хоть и первого класса.

Поневоле пришлось размещаться рядом с группой коммунистов, которую ответственный консульский совбур провожал лично.

Особого восторга от общения с нейтив-спикерами я, мягко говоря, не испытывал. Поэтому держался на расстоянии. А именно – штудировал инструкцию на монстроидальный «Kodak» номер 4[46].

Не от горячего желания таскать полуторакилограммовый кирпич на шее, но из старого как мир *poblesse oblige*: какой же турист-капиталист путешествует без навороченного фотоаппарата?

То есть пришлось специально купить чудо инженерной мысли аж за триста с лишним марок – самый дорогой из продававшихся в магазине. Выдвигающийся на гармошке объектив, встроенный дальномер, особая неприлично широкая плёнка, тиснёный золотом чехол...

---

[46] «Kodak №4A» выпускался с 1908 по 1915 год, использовался с плёнкой типа 126, позволяющей делать негативы 10,7 x 16,3 ст. Хотя модель уже снята с производства, нельзя сказать, что ГГ цинично обманули – очень похожий по размерам и конструкции «Kodak №3A» производился с 1903 по 1943 год.

Как говорится: «кожа, рожа, все дела»...

И документация на сотне страниц.

Тем временем Марта, в соответствии с ролью – а заодно и с искренней пылкостью натуры – заигрывала с пролетариями.

Одним словом – семейная идиллия...

Первая таможня встретилась ранним утром, где-то в районе городка с диковатым названием Эйдткунен. Точнее не сказать, так как всё происходило буквально на ходу[47] – откуда ни возмись в спящем вагоне материализовались немецкие пограничники в запорошенных снегом шинелях, проверили паспорта и без лишнего шума исчезли. Кажется, поезд даже не остановился, лишь притормозил у скудно освещённого полустанка.

Минут через двадцать им на смену явились литовские стражи границы. Этим лентяям из страны без столицы – ведь сейчас Вильно принадлежит полякам – вообще не было дела до способных оплатить первый класс пассажиров: посапывающую у меня на плече Марту не стали будить.

Похожим образом прошёл досмотр между Латвией и Литвой.

В Ригу прибыли без всякой помпы – состав неторопливо простучал по железному мосту через Даугаву и остановился у открытой всем ветрам платформы, судя по грубым перилам – сбитой из дерева времянки.

В лёгком недоумении мы вылезли в пёструю многоголовую толпу.

Коммунисты, как опытные путешественники, потопали получать багаж, мы с Мартой поспешили следом.

Предстояло где-то переждать почти восемь часов, и я не придумал ничего лучшего, как «упасть на хвост» нашим попутчикам.

Начиналось всё вполне логично...

Попытки с пятой камрады отыскивали способного внятно

---

[47] Замены вагонов или колёсных пар на границе не производилось; ещё в годы ПМВ немцы «перешли» ж/д Литвы и Латвии (до Риги) под узкую европейскую колею. Из Риги в СССР сохранился старьёй «широкий» путь.

изъясняться по-немецки аборигена, с его помощью – узнали путь до куцега дебаркадера основного вокзала[48]. Нимало не смущаясь отсутствию привычных для германии фарфоровых табличек-указателей, добились уточнения расписания, сдали фибровые чемоданы в камеру хранения и чуть ли не строем отправились наискосок через широченный проспект в сторону четырёхэтажных «высоток» – на поиски дешёвого ресторана.

Найдя же искомое – принялись развлекаться во всю ширину души и чуть не втрое более низких по сравнению с родной цен. То есть тянуть из кружек светлое пиво, неторопливо закусывать неприлично жирными колбасками с жареной картошкой, сыто отваливаться на спинку лавки, топтать сдавать отчёт о проделанной работе в туалет. Возвращаться со змеящейся удушливым дымом папиросой «Батшари» в зубах, по новой отрывать куски от свиной рульки, сопровождая каждый добрым глотком, сыто отрыгивать, уединяться в отхожем месте...

И опять, и снова...

Чужой праздник стал невыносим часа через два...

Остаток дня мы с Мартой перебежали по тихим, занесённым снегом кривулинам старого города из лавчонки в лавчонку – скорее отогреться, чем купить сувенир или что-нибудь съесть.

Так незаметно добрались почти до самого порта, то есть так далеко, что на обратный путь пришлось брать удачно подвернувшегося извозчика.

Мы скользнули в его сани, как за грань цивилизации. Затёртая овчина полога приятно согревала натруженные ноги, задорно тинькал колокольчик, мягко скрипели полозья...

В накатывающих сумерках густые, тяжёлые снежинки возникали прямо перед лицом как из ниоткуда и тут же скользили в потоке ветра – в никуда.

Густой ряд идущих прямо по набережной трамвайных столбов колебался за белой кисеёй, пытаясь превратиться в

---

[48] Изначально рижский вокзал (Рига-I) был приспособлен в основном для принятия поездов с востока. Составы с западного направления часто останавливались на транзитной или «пригородной» платформе Рига-II.

сказочную крепостную стену. За ним, где-то далеко-далеко, по ту сторону рубикона, скорее угадывалась, чем виднелась серая полоска западного берега...

– Mag da draußen Schnee sich türmen, Mag es hageln, mag es stürmen...[49] – вдруг послышалось рядом.

Ого!

Да это же настоящие стихи!

Прямо-таки «буря мглою небо кроет» в немецком варианте – неужели Марта сама их сочинила?

Мне случилось раздуть скрытую серым пеплом жизни искру таланта? Или близость России будит романтические чувства, запрятанные где-то в самой глубине расчётливой натуры?

Боясь оборвать наваждение, я украдкой заглянул в запрокинутое к черноте неба лицо – с искренней безмятежностью маленькой девочки она улыбалась тающим на щеках снежинкам!

А вдруг это слёзы?

Бедная Марта!

Если едва заметная метелица в тихой Риге кажется тебе злым вихрем, каково будет в Ленинграде?!

Или...

– Мне придётся постараться. Очень постараться. Ты не должна видеть, что такое настоящий снег, – тихо-тихо прошептал я сам себе по-русски. – Хотя там, на берегу злого Белого моря этого добра хватит на всех.

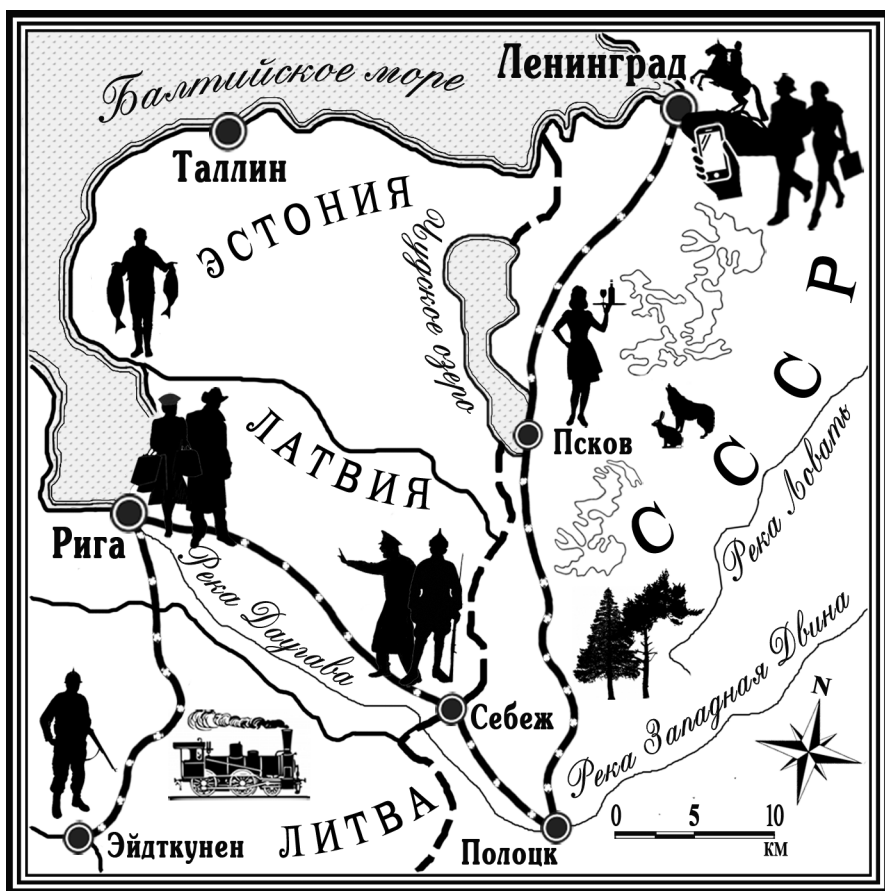
---

[49] «Пусть на землю снег валится, вихрь крутит и буря злится...» – первые строчки из известного стихотворения Генриха Гейне.

4. ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ

Ленинград. Январь – февраль 1929 года

Полтора года до рождения нового мира

Все большие вокзалы похожи друг на друга...

Под высоким сводом – пронзительные гудки и суровое пыхтение локомотивов, медленный скрип ползущих по

рельсам колёс, тяжёлый звон металла сцепок, длинные ряды вагонов и неудобные проходы между ними. Кислый запах отходов и дешёвого варева. Продуваемый через любые двери и переходы чад сгорающего в топках угля. Гулкий гомон и суета людской толпы...

Но если взглядеться в детали, где как не в Риге найти столько статистов Версальского мира в разнообразных по крою и знакам различия шинелях – пошитых из одного и того же английского хаки? Евреев в чёрных кафтанах, то и дело подёргивающих руками свои курчавые бороды? Легендарных стриженных в кружок русских мужиков, нагло сушащих портянки на батареях отопления? Дам в старомодных мехах, словно совершивших темпоральный прыжок из благословенной весны четырнадцатого?

Или взять господина, гордо следующего по перрону в роскошной бобровой шубе до пят, да ещё в сопровождении утпающей в меху молоденькой особы. Пудов эдак восемь самоуверенности и богатства, причём – в каждом шаге. Тяжёлая трость зажата в руке как офицерский стек – погонять нерасторопную прислугу. Первостатейный барин, только-только сошёл с картины подмосковного быта первой половины девятнадцатого века.

Да он ещё к нашему поезду направляется?!

Неужели на самом деле русский?

И почему носильщик за ним поспешает с горкой чемоданов на специальной тележке, вместо того, чтобы торопиться к багажному вагону, как это заведено в «культурной Европе» [50]?

Неужели?!

– Марта! – не удержался я от радостного восклицания. – Помнишь, вчера рассказывал?! Вот он, русский поезд, русские вагоны! Там сделаны нормальные спальные места-полки, на которых можно распрямиться, вытянуть ноги! Пойдём же скорее!

На старте 21-го века всего один разок успел я прокатиться на поезде из Екатеринбурга в Москву.

Оказывается, мало потерял. Тут всё точно, как там. Разве

---

[50] Правила перевозки крупного багажа в Европе больше напоминали принятые сейчас в авиации.

что проход чуть короче, окна поуже, фурнитура повычурнее, да ещё вместо пластиковой обшивки – панели из обклеенной рельефной тканью фанеры[51]. Даже крики в проходе – на привычном великом и могучем![52]

– Да сколько там тебе положено-то по тарифу? – грозно, с упором на «ты» вопрошал у давно небритого носильщика примеченный ещё на платформе барин.

– Два лата, ваша милость!

– А если по совести?

– Да не надо мне по совести, господин! Мне положено два лата!

– По совести, братец мой, по совести! Хватит с тебя пол-лата. Вот тебе! – монетки полетели на пол. – А теперь – проваливай!

Я думал, носильщик как минимум плюнет в сытую рожу, но...

Он покорно опустил на колени собирать медь или никель – у меня не было повода узнать, из чего сделана местная разменная монета.

– Бл...ь! Bitte! – едва успел поправиться я, пытаюсь протиснуться мимо. И ещё раз, с вызовом – Bitte! – старательно вбивая окованный металлом уголок чемодан в ногу сволочи, измывающейся над попавшим в конкретную нужду соотечественником.

Провокация не прошла.

Барин только чертыхнулся, отодвигаясь в сторону, потёр ушибленное место и тут же заговорил о постельном бельё со старорежимным моржеусым проводником, с ходу назвав его «товарищем».

От Марты не укрылась моя реакция, да и особой толерантности по отношению к свинству за ней отродясь не водилось.

– Прошу простить, можно вас на несколько слов? – обратилась она к проводнику на немецком, бесцеремонно

---

[51] На самом деле для внутренней обшивки (в СССР вплоть до 70-х годов) применялся изобретённый ещё в 1877 году линкруст – нанесённый на основу тонкий слой пластмассы из природных материалов (например, гель на основе льняного масла).

[52] Тут и далее использованы материалы из книги Крлежа Мирослава «Поездка в Россию».

вклиниваясь в разговор, причём в самом буквальном смысле – спиной к барину.

– Чем могу помочь, фройлен? – охотно сменил язык и тему проводник.

– Уже неделю как фрау, – Марта использовала одну из своих лучших улыбок, аккуратно разворачивая «товарища» за локоть прочь от собеседника. – Мы с мужем недавно поженились, и я хотела спросить: не найдётся ли у вас специального места?

– Постараться... Можно! – на лицо проводника прорвалась дурацкая ухмылка. – Прошу вас!

Он что? Просто так возьмёт, да и впахнёт нас на чужие места, вне инструкций и правил?

Если так – то мы уже в России!

– Одну секунду! Попросите его... – Марта кивнула в сторону успешного подняться на ноги носильщика. – Помочь нам разместить вещи.

Искра понимания блеснула в глазах моржеусого «товарища».

– Мишка, не стой столбом, подействуй господам, – произнёс он с нескрываемой радостью в голосе. – Давай, давай! – и махнул рукой в сторону чемоданов, которые я всё ещё держал в руках.

– Хорст, отдай багаж, – фрау Кирхмайер распорядилась с апломбом настоящей жены.

– Конечно, моя дорогая, – проямлил я в ответ.

Ох, не завидую её будущему мужу!

Верёвки будет из него вить, натягивать от стенки до забора да свои панталончики сушить.

Всех успела выстроить.

Расстроенный невниманием барин упёрся в своё купе, судя по озадаченной физиономии, так толком ничего и не осознав.

Носильщик тоже пребывал в недоумении, но когда я свалил к нему в руку сантимы, скопившиеся в кармане со сдачи, проявил удивительную принципиальность, отсчитав себе ровно полтора лата.

Сияющий как начищенный пятак проводник притащил два стакана шикарного чая с сахаром, объявив их подарком от наркомата путей сообщения, но на деле – от себя лично...

Спали мы по-королевски, на хрустящем от свежести белом белье, вдвоём в четырёхместном купе.

Жаль только недолго...

Ранним утром, где-то за Даугавпилсом, латвийская таможня подняла всех паспортным и чемоданным контролем.

После, в ожидании советских погранцов – какой уж сон?

Наскоро завершив утреннюю гигиену, я выперся в коридор, который успел превратиться в местечковую «Пикадилли».

Попавшие в наш вагон коммунисты переминались с ноги на ногу возле чуть приоткрытого окна с папиросами в зубах.

Вчерашний барин преобразился до неузнаваемости – он красовался в чёрной большевистской косоворотке и поношенных сапогах. Подмышкой зажата охапка советских газет, глаза пожирают передовицу свежей «Правды».

Рядом с установленным в углу аппаратом для приготовления кипятка того больше – собралась целая компания немцев-бизнесменов.

Один из них, тучный старикан, делал вид, будто заваривал себе чай, на самом же деле – неуклюже скармливал в небольшую топку либеральный «Berliner Tageblatt». Остальные, судя по прессе в руках, дожидались своей очереди.

Последний опознал во мне земляка и приветственно махнул рукой.

– Доброе утро! Есть ли у вас с собой немецкие или латвийские издания?

– Доб-рое утр-ро! – старательно прозаикался я в ответ. – Надо по-искать!

– Определённо, это имеет смысл! Говорят, что на прошлой неделе из-за какой-то газетёнки большевики сняли с поезда целого персидского министра вместе со свитой!

– Не мо-жет быть! – я аккуратно вылепил на лице выражение искреннего опофигения.

– Как видите, даже он старается, – мой собеседник понизил голос до шёпота и с трагической миной показал взглядом в сторону дожигающего последний заголовок старикана. – Герр Айерштенглер едет уже в третий раз да ещё по приглашению самого Рыкова! Рассчитывает возить свой товар из Гамбурга в Пекин по Трансбайкальской магистрали, после достижения уровня американских железных дорог это будет

занимать всего четырнадцать дней! Подумайте только: впятеро быстрее, чем у британских конкурентов!

– На-ив-ный фант-аст, – осклабился я.

– Не скажите! – недовольно фыркнул в ответ энтузиаст «Транссиба». – Вы просто не понимаете, какая это мощная идея!

– Воз-мож-но...

Переубедить?

Ну уж увольте!

Тем более что проект в самом деле объективно вполне неплох. У него есть всего один недостаток – равные нулю шансы на реализацию, по крайней мере, в известной мне истории. Да и времени на дискуссии жалко: о газетах «определённо» стоило беспокоиться.

Смирненно жечь их я не собирался – к чему эдакое европейское крохоборство, когда можно просто взять и выбросить в окно скопившуюся за два дня пути пачку.

«Здесь вам не тут!», – забытый мной автор крылатой фразы явно не раз пересёк советскую границу...

Для начала до меня докопался молоденький краском ОГПУ с одинокими малиновыми кубиками на широких тёмно-зелёных петлицах тёплой шинели. Старательно вглядываясь в фотографию, он, нимало не стесняясь немчуры, бормотал вслух порядок сверки частей организма, что-то типа «брови дуговые, длинные, сужающиеся к вискам, средней густоты; нос средней высоты и ширины, основание горизонтальное...».

Очень сомневаюсь, что он умудрился разглядеть подобные нюансы на вклеенном в паспорт чёрно-белом квадратике, скорее кто-то из начальства посчитал, что зазубренная в нескольких вариантах мантра обязана до явки с поличным испугать потенциального шпиона.

Вещи прощупали и простукали с величайшим старанием, попросили открыть фотоаппарат и продемонстрировать его работу, после чего выдали специальную бумагу – «памятку» с длинным перечнем запретных для съёмки мест и ситуаций.

Распотрошили рулон туалетной бумаги, недрогнувшей рукой спёрли несколько рижских «лаймовских» шоколадок из початого бумажного кулька.

Имеющиеся в наличии деньги не только пересчитали, но и переписали в декларацию номера всех без исключения купюр.

Внимательнейшим образом изучили несколько книг, которые я захватил для развлечения, обмениваясь матерными междометиями недовольно покрутили головами, затем по неведомой причине изъяли «Die Götter des Mars», то есть вторую часть знаменитой «барсумской» серии[53] господина Берроуза. Не иначе среди бойцов нашёлся «эксперт-полиглот» из советского реального училища, сумевший вызубрить на немецком слово «боги», но неспособный отличить фантастику от религиозной пропаганды.

Посетившие СССР туристы, воспоминаний которых я перечитал немало[54], частенько отмечали строгость пограничников, но всё ими описанное более-менее укладывалось в незамысловатую картину «всё как у соседей, только хуже».

Герои же себежской таможни, напротив, явно тренировались обыскивать людей на Соловках.

Их стараниями состав тронулся в путь лишь часа через три! Самое печальное – в соответствии с расписанием, то есть свирепую дотошность нужно признать новым и крайне опасным для меня элементом советской системы, а не частной придурью местечкового царька.

В Полоцке, первой остановке после границы, «шёл снег и рота красноармейцев» – совсем как в старой байке. Большевики лишь немного добавили колорита, прицепив к составу вагон-ресторан и переводчика-экскурсовода.

Возможность поесть на ходу не вызвала особого ажиотажа среди немногочисленных пассажиров.

Немцы-коммунисты после прибалтийской обжираловки проголодаться явно не успели, поэтому сыто ворочались на своих мягких полках.

Не торопилась и прочая публика – одни успели перехватить

---

[53] Барсум (англ. Barsoom) – название планеты Марс в фантастическом мире Эдгара Берроуза (первое книжное издание – 1917 год).

[54] Между 1921 и 1941 гг. только в Германии появилось более 900 статей и книг о путешествиях в Советскую Россию и жизни в ней, в англоязычных странах – как минимум 370.

снеси у вездесущих торговков, другие – предусмотрительно запасли продуктов не только на время пути, но и на первую неделю жизни в Ленинграде.

При виде же переводчика вошедшая в роль матёрой шпионши Марта плотоядно промурлыкала мне в ухо:

– Предоставь мальчика мне.

– Не заиграйся в Мату Хари, – недобро съязвил в ответ я.

Ещё бы, парень оказался настоящим красавчиком!

Белокурый богатырь, точь-в-точь как в каком-то из мультфильмов будущего. Пронзительно голубые глаза, чувственные губы, мило подрумяненные морозом щёки, вдобавок к лубочному лицу – впечатляющий разворот плеч под заячьим тулупом.

– Может, парик!?

Увы...

Кудрявое чудо уже несло навстречу с протянутой для рукопожатия рукой...

И глазами, отчётливо косящими в сторону моей очаровательной спутницы.

– Guten Tag! Ich heiÙe Николай...

Господа, постойте, почему переводчик не девушка?

Это неправильно!

Выпавший в реальности вариант мы с Мартой обговаривали исключительно в теории. Сам же я ничуть не сомневался – именно ей придётся со всем тщанием ограждать замученную советскими дефицитами совслужащую от настойчивого внимания «альпийского дикаря».

Теперь что, мне отыгрывать обидную роль «старого козла»?

Категорически не согласен и требую замены!

Поздно...

Фрау Кирхмайер ласково щебечет, в очередной раз повторяя свою одиссею, в нужных местах поигрывая интонациями и взглядами в мою сторону.

Моё же дело – хмуро поддакивать, а лучше – молча совать в широкие ладони путеводителя марки для обмена на рубли. Как раз впору вспылить, вот только найти бы повод...

Желудок, как по заказу, отозвался недовольным урчанием.

«Совместим полезное с приятным...», – улыбнулся я про себя собственной идее.

– Дор-огая, пора обе-дать, – сказал, и сам поразился количеству яда, сочившегося с каждого слова.

Игра или ревность?

Решать столь принципиальный вопрос я не стал – просто окатил белокурого гада презрительным взглядом собственника, затем без лишних выкрутасов загнал руку Марты под свою и потащил недовольную девушку прочь по коридору – мимо вышедшей покурить фрау Айерштенглер.

Последняя, кстати заметить, по въезду на территорию СССР начисто утратила классовый снобизм и теперь, не жалея приветливой улыбки и папирос, бойко болтала с берлинскими рабочими о солидарности «связанных общей судьбой долгого пути» путешественников. Грамотная тётка, такая и на Соловках не пропадёт.

Вагон-ресторан встретил нас Маяковским. В смысле не живым поэтом, а декламацией высмеивающих буржуев стихов с пластинки, крутившейся в недрах ладного тёмно-синего чемоданчика.

Как всегда, заграничная штучка на службе большевиков – поднятая крышка демонстрировала россыпь английских слов и броский логотип с видом собачки[55], уткнувшейся головой в рупор граммофона. Актуальная версия устройства, хвала техническому прогрессу, подобного архаизма на себе не несла – звук шёл прямо из коробки.

Кормили весьма прилично, но без изысков – по единому меню, включающему в себя худосочный борщ, куриную ножку с картофельным пюре и высокую шоколадную булочку. Пить, кроме надоевшего чая, предлагали минералку «Ессентуки» или водку.

То есть от состояния средней забегаловки 21-го века заведение отделяли только оставшиеся в наследство от империи массивные приборы, да основательные креманки с чёрной икрой. А ещё цена – десять рублей, или двадцать марок на двоих – этих денег в Берхтесгадене с запасом хватало на сутки полного пансиона в люксе не самого дешёвого отеля.

Ели без аппетита, не торопясь...

---

[55] Граммофон (патефон) популярной в то время марки «His Master's Voice».

Марта подсмеивалась над моей выходкой, я отвечал, часто невпопад, потому как попутно прислушивался к подзабытой русской, вернее, кавказской речи армянина из Салоник.

Таковой за соседним столиком сперва слезливо восхищался: «Нет, вы только посмотрите в окно! СССР! Настоящий Союз Советских Социалистических Республик! Как это прекрасно!», – затем экспрессивно принялся втолковывать кому-то из попутчиков, что на самом-то деле он родом из Тифлиса и очень одобряет большевиков в общем, а в частности – за ежегодный завоз на его родину десяти тысяч фордовских тракторов. При этом изображал Грузию в отчаянных перламутрово-розовых красках – куда супротив неё жалким и нищим немецким Альпам.

Ближе к десерту пригласил сосед-барин. С ходу шмякнул рядом с нашими тарелками толстую пачку советской макулатуры, затем подсел сам, эдак по-простецки, прямо как к давним приятелям.

– Давайте знакомиться, – начал он по-русски, обдав нас свежим коньячным амбре. – Меня зовут Борис Абрамович.

– Фрау Кирхмайер, – послушно отрекомендовалась Марта. Дёрнула меня за руку. – Хорст, он, верно, здоровается так?

– Ja-ja, – расплылся в фальшивой улыбке недавний барин, продолжая на сквернейшем немецком. – Я есть советский коммерсант.

– Кирх-майер, земле-владе-лец, – как можно более сухо и резко представился я.

Мало ли, вдруг под личиной напыщенного индюка скрывается агент чека? Отправить бы его куда подальше на всякий случай. Или, чем поднимать скандал, быстрее доесть сладкое да спокойно уйти?

Оказывается выбора у нас не было.

– Так они куковали и куковали, и докуковались наконец до ручки[56]! – без всякой вежливой прелюдии брякнул новоявленный Борис Абрамович.

Сперва – на немецком, что-то отдалённо похожее, потом – повторил по-русски, затем – опять на языке Гёте, но медленно и в других выражениях. Видя в ответ абсолютное

---

[56] Цитата из речи И. В. Сталина на XVI Московской губернской партконференции 24 ноября 1927 года.

непонимание, расстроено махнул рукой и выкатил совсем простую фразу, заменив сложную игру слов нешуточным вызовом в голосе:

– Выслали, значит, Троцкого-то нашего[57]!

– И?!

– Примучал всех со своей революцией, термидорианский перерожденец!

– Кто это? – успела вставить осмысленный вопрос Марта.

– Бонапарт недоделанный[58]!

– Но почему?

Представляю, что воображала в этот момент моя спутница, страшно далёкая от политики прошлого и настоящего.

Но собеседника уже несло во все тяжкие.

– Теперь некому будет тосковать о гибели революции под пятой слепо идущей за ЦК голосующей баранты, – уверенно вскрыл наше интеллектуальное ничтожество Борис Абрамович. – С самим-то Троцким нынче просто: потерял партийный аристократ всякое чутьё партийности – так долой его поганой метлой. Куда сложнее будет покончить с идеологией троцкизма!

Если бывший барин хотел отомстить Марте за обиду с носильщиком, то он оказался весьма близок к своей цели.

Мне поневоле пришлось спасти положение.

– Прост-ите, этот ваш Троц-кий... Он правый или ле-вый? – произнёс я с апломбом знатока парламентских баталлий.

Увы, вопрос не вызвал ни малейшей заминки.

– Товарищ Ленин называл «левых коммунистов» левыми, но всякий поймёт, что левыми он их называл иронически, подчёркивая этим, что левые они только на словах, а на деле – представляют мелкобуржуазные правые тенденции.[59] Разве не факт, что мы вчера ещё имели открытый блок левых

---

[57] Л. Д. Троцкого решено выслать в Турцию 22 января 1929 года.

[58] Недвусмысленными обвинениями в бонапартизме большинство ЦК и оппозиция обменивались в то время поистине перманентно.

[59] Сокращённая цитата из речи И. В. Сталина на пленуме ЦК ВКП(б) «Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б)» от 19 ноября 1928 г.

и правых против партии при несомненной поддержке со стороны буржуазных элементов? Какая есть гарантия, что левые и правые не найдут вновь друг друга?

Понимал я Бориса Абрамовича лишь потому, что он густо перемешивал немецкие фразы с русскими, впрочем, скорее отдельные предложения, чем общий смысл. Марта не понимала ничего.

Но это ничуть не смущало бывшего барина, он легко и бесвязно громоздил друг на друга «эвересты» демагогических конструкций, сопровождая чуть ли не каждое своё слово довольным хлопком ладони по карикатуре на нэпмана, красовавшегося на обложке атеистического журнала «Безбожник».

Поразительно!

Как взрослый человек способен нести подобную бело-чёрную[60] муть?

Воистину, незнание – сила!

От расстройства и скуки я, было, принялся наблюдать за официантом, который сосредоточенно пихал в держатель патефона маленькую стальную иголку – как видно, это приходилось делать всякий раз при смене пластинки.

Небрежения Борис Абрамович снести не смог. До неприличия повысив тон, он завершил свой право-левый спич яркой тирадой:

– Дорогие товарищи, почитайте вы, наконец, газеты! Как счастливы эти люди! Первого января, когда начнётся второй пятилетний план, уровень их жизни увеличится втрое. Сталин чётко сказал! Поэтому вы должны читать газеты. То, что вы видите своими глазами, создаёт у вас неправильное представление о нашей системе!

Сперва я принял его слова за шутку или хотя бы гиперболу. Однако абсолютно серьёзный вид указывал на обратное.

– Хорошо, – на всякий случай я попробовал сменить тему. – Вот... – ткнул пальцем в крупное фото лидера на первой странице «Правды». – Его избирают?

– А как же!

---

[60] По Оруэллу – привычка бесстыдно утверждать, что чёрное – это белое, вопреки очевидным фактам. И не только: ещё и верить, что чёрное – это белое, больше того, знать, что чёрное – это белое, и забыть, что когда-то думал иначе.

– Значит, и другого смогут?
– Если не он, то кто? – возмущённо вскинулся мой собеседник.

– Но поз-вольте, вы же коммер-сант?

– Красный купец, нас не обижают! Да, стричь нэпмана – право государства[61], но взамен советская власть даёт всем гражданам страны невиданный в мире рост. Только послушай: в три раза, целых три, за жалкие пять лет! Не то, что у вас!

– Поз-вольте! У нас с воло-сами не отре-зают голов! – я очень кстати припомнил карикатуру из «Иллюстрированной России».

– Эх! Да ты же, буржуй, всё равно не поверишь, верно, начитался эмигрантских страшилок в своей Германии!

– Вы действительно не боитесь?! – искренне изумился я.

– Да у меня в самом Смольном свояк служит, партийный, к товарищу Кирову вхож!

– Это многое объяс-няет...

– Что ты вообще понимаешь! Да я за идею хоть сейчас всю свою торговлю брошу! Главное, чтоб партия большеви-ков крепкой стала, без этих поганых вихляний вправо-влево. Тогда-то мы и покажем всем буржуйам, что значит настоящая советская власть. Весь мир про нас узнает!

Ему что, на границе новый мозг имплантировали?! Флешку перезалили? Или Борис Абрамович скоропостижно «съехал с глзда» на почве верноподданнической истерии? Да не сам по себе, а вслед за фрау Айерштенглер и армянином из Салоник?!

К дьяволу такие диспуты!

– Пойдём! – заторопился я, заодно вытягивая из-за стола Марту. – Тут нам не рады.

Идиотское хихиканье бывшего барина провожало нас до самых дверей.

«Красоту» зимних белорусских пейзажей, впрочем, так же, как и богатую страшной историей станцию «Дно», мы с Мартой благополучно продрыхли – до Ленинграда добрались уже глубокой ночью...

---

[61] Цитата из статьи Л. Сосновского (расстрелян в 1937 году) в «Рабочей Газете».

Ни спать, ни читать я не мог – за окнами вагона мерцали огни города, в который я провалился из сытого благополучия 2014 года.

Наконец-то сделан самый первый шаг на долгом пути. Но именно он – самый важный!

Несколько часов свободы в декабре 1926 не дали мне ничего. Зато в тюремной камере и лагере за полтора года пришлось досыта нахлебаться кошмарного варева – судеб безвинных людей Петербурга, заброшенных чекистами в смрад Шпалерки.

Большинство из них до сих пор на Соловках, на барачных нарах или уже под одеялом стылой земли. Тогда как я здесь вновь, пусть лишь в стремлении вернуть артефакт, способный изменить судьбу мира.

– Тёплое место, но улицы ждут отпечатков наших ног, – разгоняя дыханием морозные разводы на окне, тихо прошептал я слова будущего мегахита. – Пожелай мне удачи, Марта! Пожелай мне не остаться в этой земле!

* * *

Доставшийся большевикам в наследство от великой империи Детскосельский вокзал[62] даже в темноте внушал уважение своим видом. Нет, не размерами, соревноваться в масштабах с Берлином – дело пустое. Но там – царство скучного рационализма, а тут, в северной столице – даже клёпаные фермы дебаркадера украшены литыми бутонами цветов.

В залах и переходах тусклые лампы не скрывают, а скорее подчёркивают силу линий и роскошь отделки, выполненной ещё в эпоху свечей.

Кругом разводы орнаментов, крупная, стилизованная под бронзу лепнина женских голов и фигурок богов.

Если лестница – то как в приличном замке, из мрамора и во всю ширь зала. Если механизм «багажной подъёмной машины» – то за вычурной чугунной оправой.

Если окна – огромные как ворота, да ещё большей частью с уцелевшими в революции витражами...

---

[62] Первоначально Царскосельский, с 1918 года – Детскосельский, в настоящее время – Витебский вокзал.

Задержаться в подобии музея не вышло...

Редкая, но целеустремлённая толпа пассажиров живо вынесла нас наружу, мимо двухростовой статуи умершего, но если верить транспаранту, вечно живущего в делах Ленина, к морозу, сугробам и торопливому найму профессионалов лошадиного и моторизованного извоза.

Мы с немецкой делегацией остались ждать обещанного группового бонуса – бесплатного автобуса.

Транспорт опаздывал, так что переводчику пришлось изрядно постараться: занимая время болтовнёй, он успел пересказать краткий боевой путь более чем десятка героев революции.

Соизволившее наконец-то прикатиться антикварное чудо оказалось размером с маршрутку 21-го века.

Руль и, соответственно, водитель располагались справа, так что сперва я предположил английское происхождение повозки. С другой стороны прилипавшая к радиатору кругляшка с буквами «АМО» говорила как минимум об отечественной сборке[63].

В любом случае, втиснуться в промёрзлое нутро удалось с немалым трудом, зимняя одежда и багаж упорно входили в неразрешимые противоречия с доступным объёмом салона.

Двинулись только после долгой возни.

Но стиснутый со всех сторон плечами и чемоданами, с Мартой на коленях, я мог только прислушиваться к натужному вою явно перегруженного мотора и скрежету примитивной трансмиссии...

Угловая махина «Астории» встретила несвежим швейцаром – мешковатое суконное пальто и фуражка с латунной кокардой никак не соответствовали статусу лучшей гостиницы Ленинграда.

Пускай, не отель красит место, а место красит отель...

Кому есть дело до нарядов прислуги, когда слева солидный

---

[63] Первый советский автобус «АМО» вместимостью 14 пассажиров был создан в 1926 году на шасси 1,5-тонного грузовика «АМО-Ф15». Однако конструктивно он соответствовал уровню десятых годов (послуживший базой «FIAT 15 Ter» выпускался с 1913 по 1922 год).

кусок ночного небосклона заслоняет купол Исаакия, справа – на высоком постаменте гарцует вздыбленный конь Николая Павловича?

А ещё где-то совсем рядом, всего в полудюжине кварталов, меня ждёт главный приз – смартфон!

Чистый восторг изрядно поколебал вид интерьеров. Они выглядели как продолжение вокзала. Тяжёлая чугуннаяковка перил, клетей лифтов, широкий мрамор ступенек, барельефы и роспись, промеж них – инородный кумач цитат Ленина, пока ещё единственного и неповторимого советского вождя.

Всё время казалось, что из-за ближайшего угла с пригородного поезда вывалится бесконечная вереница сгорбленных скарбом домотканых крестьян. С последним как-то обошлось, а вот неповторимым ароматом хлеборобских онучей от иных комнат и действительно подванивало.

Полулюкс, за который с меня содрали невообразимые двадцать пять марок в сутки[64], порадовал остатками былой роскоши. Строгая, но явно качественная мебель, аккуратные люстры, но...

Отбитые углы, выгоревшие до безобразных пятен портьеры, мятые рваные покрывала. Превосходный, совсем новый английский ковёр уже испещрён подозрительными пятнами. На трюмо заваленная окурками пепельница и графин, с пролетарской изобретательностью накрытый мутным стаканом. Сохранивший на удивление приличное состояние буфет красного дерева вместо посуды заполнен книгами – весьма кстати, судя по томикам Достоевского, аккуратно подложенным под надломившуюся поперечину кровати.

Роль «глазури на торте»[65] исполняли вездесущие тараканы.

Фрау Кирхмайер крайне сложно назвать избалованной особой, но тут и её покорило.

---

[64] «Фоссише Цайтунг» 26 февраля 1931 г.: «... за потёртую и изодранную роскошь платишь около 25 марок в сутки». «Бернская газета», 24 марта 1931 г.: «... гостиницы Москвы – самые дорогие в мире... Пребывание в Москве обходится дороже отдыха на Ривьере...».

[65] Буквальный перевод английской идиомы «icing on the cake» – что часто используется в значении «последняя капля».

– Такой приятный номер, но почему его не приведут в порядок? – возмущённо спросила она.

– Дорогая, русская революция делалась не для комфорта интуристов, – попробовал пошутить я. – Боюсь, это лучшее, что можно найти в Ленинграде.

– Не успели прибраться после гостей?

Иллюзий относительно советского сервиса у меня не имелось ни малейших.

– Проверь-ка постельное бельё, а я пока посмотрю, что творится с водой.

Ванна уцелела, уже хорошо. Не иначе восставшие матросики поленились тащить на баррикады такой здоровенный кусок чугуна.

Два кусочка почти белого мыла на умывальник положить не забыли, к унитазу газетки подрезали.

Так...

Холодная есть, горячая...

Течёт!

– Живём!!!

– Воняет хлоркой, но вроде свежее, – услышал я в ответ.

– Давай мыться быстрее, пока напор хороший!

Марта явилась без промедления, причём голая и с яблоком в руках – совсем как Ева. Когда успела, искусьительница?!

* * *

Стеклянный, густо забранный металлом переплёта потолок заливал «Зимний сад» мягким светом – главный ресторан «Астории» встретил нас на завтраке во всей красе свежего ремонта.

Многочисленные кадки с пальмами, белоснежные скатерти, снующие между столиками официанты в форменных сюртучках, изысканное меню. Вот где большевики спрятали честные пять звёзд!

Помня об предоплаченных ещё в Берлинском офисе талонах на питание, я, было, заказал рябчика.

Оказалось, за подобные бумажки дичь не подают, чуть погодя нам принесли «что положено», то есть сваренные всмятку яйца, тосты с маслом и сомнительный чай.

– Жулики, – жёлчно прокомментировала Марта «заботу» туроператора.

– Придётся потерпеть, – меня откровенно пугали проставленные в меню цены. – Великую загадку русской души нельзя постигать на полный желудок...

Экскурсионная часть началась с неожиданности. По скудному опыту будущего тысячелетия я ожидал ознакомительный поход по центральным улицам, посещение Зимнего дворца, осмотр сокровищ Эрмитажа, Петропавловской крепости или, на худой конец, Русского музея. Вместо этого наш розовощёкий красавец-экскурсовод огласил первым пунктом программы меховой склад!

Ничто не ново в этом мире, или – назад в будущую Турцию, где редкий турист умудряется ускользнуть от «бесплатной прогулки на яхте с посещением лучшего в округе шоппинг-центра». Но немцам русские меха интересны, мне и вовсе некуда деваться: мужа-уклониста ЧК мигом возьмёт на заметку.

Вчерашний автобусик-недомерок долго спотыкался по набитым в снегу колеям, но всё же доставил нашу группу куда-то на окраину, к мрачному зданию с холодными каменными сводами.

В стальной клетке лифта мы поднялись на последний этаж.

Вытянутое затемнённое помещение с низким потолком тускло освещалось единственной лампочкой в углу. Сверху свисали сотни меховых шуб, создавая причудливую иллюзию загубленных жён Синея Бороды.

В первый и последний раз я увидел, как Марта теряет голову.

Сперва ей приглянулась коричневая сибирская дублёнка, подбитая горностаем, но она оказалась испорченной молью. Шубка из каракульчи выглядела слишком тонкой. Норковая шуба не годилась из-за старомодных оборок. Каракуль выходил мрачным и обыденным.

Дальше внимание фрау Кирхмайер захватила вереница бархатных накидок, просторных, без рукавов, ими можно было укутаться с головы до ног. Среди них особенно выделялись две: с мехом голубого и белого песка.

С тоской я смотрел на конец ряда – там начинался соболь. Тёмно-бурый с проседью, настоящий царский мех. Трудно найти что-то лучше... И дороже.

Излишне говорить, на чём именно остановила выбор моя спутница.

Отсутствие наличных никого не смутило. Проклятые большевики, не моргнув и глазом, приняли чек на сумму двух новеньких «Ford model A» или три с четвертью тысячи марок.

Не забуду, не прощу!!!

Исполняя план страшной мести, на обеде я давился мясной частью «комплекса» – надо отдать должное повару, так безнадежно испортить дешёвым маргарином нормальный кусок коровы способен лишь настоящий талант.

Марта сконфуженно поглощала рыбный вариант – он же второй и последний из предложенных за талоны. Но с шубкой не рассталась – повесила её на спинку стула, наплевав на укоризненно-завистливые взгляды официантов.

Камрады не отстали от последних в солидарном злорадстве, то есть в добавление к неплохим стейкам – все как один заказали пиво по четыре марки за пол-литра.

Пришлось ответить.

Покрытую пенной шапкой кружку мне подали на красной бумажной салфетке с выписанной по кругу цитатой: «Пять шестых земного шара стонет под пятой капитала!». С центра, как раз под донышком, красовалась крупная завитушка подписи – «Ульянов (Ленин)». Для фрау Кирхмайер расстарались на куда более конструктивную идею – «Учиться военному делу настоящим образом, ввести порядок на железных дорогах».

Боюсь даже предположить, что досталось нашим немецким попутчикам. Жаль, что они, без сомнений, приняли надписи за тривиальную рекламу, а значит, упустили всю красоту замысла советских пропагандистов.

Экскурсовод питался где-то за пределами отеля, но поддержки не чинил, наоборот, появился в холле ещё до нашего возвращения из «Зимнего сада». Живо собрал группу и объявил о следующем мероприятии – походе на новый советский балет, оставшееся до вечера время мы могли использовать по

своему усмотрению. Впрочем, своей заботой переводчик нас не обделил, тут же предложил свою помощь тем товарищам, кто соберётся посетить ближайшие магазины.

Марта проявила неслыханную силу воли, то есть отказалась от шоппинга. Хватило всего лишь одного моего взгляда... Правда, очень красноречивого.

Вместо этого мы отправились осматривать близлежащий Исаакиевский собор, благо, рядом, всего-то пересечь симпатичный и неплохо расчищенный от снега сквер. Нельзя сказать, что меня особо интересовал крупнейший православный храм северной столицы, скорее, наоборот, как можно быстрее я желал убедиться в самых важных вещах: во-первых, в самой возможности самостоятельного передвижения по Ленинграду; во-вторых – без слезки...

Первая часть плана обернулась несомненной реальностью: прогулка, в общих чертах, ничем не отличалась от таковой в 21-ом веке. Впору переиначить популярную в эмигрантских кругах шульгинскую присказку «всё как было, только хуже» в свою, попаданческую – «всё как будет, только хуже».

В самом же деле!

Подозрительно мало автомобилей на дорогах?

Зато они плотно забиты пролётками и телегами.

Много людей в обносках?

Зверскую дороговизну мануфактуры я успел прочувствовать на своей шкуре, менять пальто чаще раза в пятилетку даже в благополучной Финляндии позволяют себе единицы.

В самом центре мегаполиса туда-сюда снуют хлебоборобы в чунях?

Но им приходится чуть не локтями толкаться с очень прилично одетыми господами, не раз и не два я замечал в толпе шубы как минимум не хуже той, что на Марте!

Против всяких ожиданий, моим главным и единственным культурным шоком стала прямо-таки неприличная «лениномания». Куда там салфеткам «Астории»! Безвременно усопший вождь большевиков в Ленинграде выглядывал из всех витрин: в мануфактурных лавках его портрет выложен из кусочков сукна; в рюмочных красуется на бутылочных виньетках и ценниках; в парикмахерских образ сложен из женских

волос; скобяная лавка презентовала вполне узнаваемый коллаж из гвоздей, подков и прочей железной требухи. Стены домов, дворцов и церквей разукрашены разнокалиберными цитатами из трудов великого отца-основателя, как мечети аятами Корана.

Нелепая, до смеха примитивная пропаганда, она абсолютно неопасна для моей миссии.

Со второй частью дела обстояли не менее благополучно. Разглядывание отражения в витринах, завязывание шнурков, заходы в магазины, поцелуи и прочие незатейливые приёмы не дали ничего – «хвост» отсутствовал.

Забрать любимый и ненаглядный «LG G3» сегодня, прямо сейчас?

Ведь пустяк!

Дел на полчаса, ещё и на балет успеем!

– Марта, давай возьмём извозчика, катаемся, тут рядом? – начал, было, я.

Но тут же вспомнил свой недолгий вояж 1926 года и... И немедленно отыграл обратно.

– Ох, нет! Ещё в театр опоздаем, чего доброго.

ГПУ не дремлет!

В конце концов, чекистам никто не мешает закрыть посещаемые иностранцами районы сетью агентов, затем спокойно наблюдать за каждым. Достаточно малого – раздать филёрам фотографии или хотя бы описания одежды и внешности. Выход за флажки – попытка к бегству, нетипичное поведение – провокация. Конвой стреляет без предупреждения.

Между тем моя спутница истолковала мои метания по-своему.

– Осталось меньше трёх часов! Хорст, пойдём скорее в гостиницу!

– Но...

– Одеваться, что же ещё?! Ты разве забыл?

– Успеем ещё, – небрежно отмахнулся я. – Не званый обед с королевой Англии.

– Мне нужно погладить красную твидовую юбку, помнишь? Не зря же я её тащила с собой в Россию? Она так хорошо подходит к новой вязаной кофте, той, что с отложным воротничком, я её купила на третьем этаже твоего любимого

«Wertheim». И шляпка, ты ещё спрашивал – зачем, она верно помялась в дороге! Обязательно надо проверить туфли и, кстати, мне срочно нужны перчатки! Белые шёлковые перчатки, без них выйдет совершенно неприлично! А ещё брошь, наверное, розовая, под ленту шляпки, или, наоборот, бордовая...

– Oh, mein Gott!

– Погоди, а ты? – Марта окинула меня критическим взглядом. – Что-то я не припомню в твоём гардеробе галстука! И рубашки – они же никуда не годятся! А ещё к ним нет ни воротничков, ни манжет!

– Нормальные сорочки, чистые, есть даже белая, ты сама же её мне навязала, ну ты, в мелкую полоску, – обиделся я.

– Ты ничего не понимаешь! Совершенно! Солидный человек в тридцать пять лет не может себе позволить появиться в таком виде в приличном месте! Над тобой же смеяться все будут!

Сказать по правде: я сомневался, что в советском пролетарском театре кого-то может задеть внешний вид. Напротив – не то, что без манжет и галстуков! – большая часть зрителей явится вообще без костюмов!

Советский гражданин носит «в пир, мир и добры люди» китель и галифе, дореволюционную студенческую тужурку, жилетку, снятую с сосланного на Соловки барина, молескиновую косоворотку великой войны, а то – и суконную рубаху, за отсутствием присутствия чего-то иного.

Однако...

Шпионов ловят на мелочах!

Иначе говоря: «Что позволено Юпитеру – никак не к лицу быку!».

Аборигенам сойдут с рук любые «ремки», а вот неверно экипированный старпёр-ортодокс из Германии – чью личину я так тщательно «косплею» – вполне может вызвать ненужные подозрения.

– Ну если ты так настаиваешь... В «Астории», вроде бы есть лавка со всякими мелочами, – недовольно пробормотал я.

Какая может быть радость с того, что женщина оказалась права? Да ещё в столь щекотливом вопросе?

Пристёгивающийся воротничок, он же – крахмальный ошейник офисного клерка. Одно из самых идиотских

изобретений культуры начала века, по удобству его можно поставить сразу за носочными подтяжками. Хорошо, что хоть чёртовы резинки не нужны с толстыми зимними носками, покупать же специально для театра туфли я отказался наотрез – подобного авангардизма не требовал ни образ альпийского скупердяя, ни мой здравый смысл.

Дальше – больше: галантерейных изысков для завершения образа оказалось недостаточно.

Под чутким руководством Марты мне пришлось купить и нацепить на себя булавку для галстука и запонки с крупными чёрными камнями, а также – да будет проклят принцип «noblesse oblige» – приобрести совмещённый с рожком для обуви складной крючок, специально для вдевания пуговиц в тесные петельки накладного воротничка.

И всё это по невероятным, грабительским ленинградским ценам!

На представление в театр, прячущийся под мерзким сокращением ГАТОБ[66], мы едва успели.

Свободных мест не было, пёстрая, бедно и буднично одетая толпа плотно заполняла и зал, и балкон – многочисленные головы торчали над ограждением галёрки.

Переводчик с гордостью объяснил, что почти все – трудящихся с бесплатными билетами от профсоюзов.

Не пустовала и царская, а нынче – комиссарская ложа: в её роскоши вольготно расположился товарищ в фуражке и его жена, а может – любимая секретарша, подчёркнуто строго вздёрнутая голова в ярко-красной косынке допускала всякое толкование.

Остальные ложи заполняли проклятые капиталисты, то есть прилично одетые господа с дамами – высокие перила чётко отделяли нас от «народа».

Добавить защитный ров, и получилось бы совсем как в зоопарке.

К счастью, подготовка к спектаклю не затянулась – прозвенел третий звонок, потух свет, и неприятная ассоциация смазалась: лица, слава богу, у людей пока одинаковы.

---

[66] *Государственный академический театр оперы и балета, он же Мариинский театр.*

Ни разу в жизни я не был на балете, но полным болваном в данном «виде спорта» себя не считал: там – фрагмент по телевизору, тут – статейка в журнале, здесь – видео из «вконтактика»...

Глядишь, хватит поддержать беседу, а то – и составить какое-никакое мнение о разворачивающемся на сцене действе.

Однако – едва разъехался тяжёлый, украшенный неизменным портретом Ленина занавес – меня настиг второй за день культурный шок.

Мало того, что представление оказалось неожиданно красочным и динамичным, так ещё и атмосфера в зрительном зале разительно отличалась от той, к которой я привык в кинотеатрах – что Екатеринбург 21-го века, что Европы начала 20-го.

Проработавшие весь день пролетарии, замерев, не отрываясь, смотрели на сцену.

Какой там попкорн!

Не слышалось покашливаний и даже вздохов, лишь когда ожила Коппелия – механическая кукла – где-то на галёрке радостно засмеялись дети.

По окончании действия зрители вскочили со своих мест, но не устремились к выходу в фойе к неизменным очередям гардероба, а наоборот, кучками сгрудились в проходах около сцены.

Оживлённо обсуждая между собой особо удачные моменты, они все как один хотели поближе разглядеть танцоров и похлопать – причём, не всем сразу, а каждому в отдельности, по имени и роли.

От удивления я не сдержал эмоций.

– Да эти рабочие разбираются в балете лучше меня!

Мне тут же вторил сильный голос из соседней ложи:

– Нигде, кроме России, нельзя увидеть такие яркие массовые спектакли, – тучный господин не стесняясь втолковывал окружающим его «театралам» своё мнение на «настоящем» американском. – У них не так уж много средств, но они способны создавать прекрасные постановки. Поклонение искусству – неотъемлемая часть русского образа жизни! Я бы хотел, чтобы мы хоть немного поучились у Советской России глубоко уважать искусство.

Ишь ты, верхогляд, придумал: «Он бы хотел!». [67]

Помоги сперва как-нибудь разнюхать смрад давно не мытых тел! В зале хоть противогаз надевай! Не зря эмигранты вколачивают раз за разом: «Быдло! Быдло!». Вот оно самое и есть: дорвалось до искусства на халяву, тогда как нужно лишний раз постирать подштанники!

Но, стоп!

С какой радости я так разозлился?!

Сидел бы на обеде с «бывшими», удивляться нечему: «Хорошо в образ вошёл, дворянин-нелегал Обухов...».

А тут-то с чего?

Откуда взялась потребность любой ценой хоть в чём-то да уязвить, обидеть, очернить – пусть не открыто, но перед собственным, заботливо выпестованным штампом?

Случайность ли это? Простая человеческая зависть?

А может быть всё куда проще?

Глупо оправдывать, а вернее, обманывать самого себя – непростительная для человека из 21-го века гадость, просачиваясь день за днём со страниц эмигрантских газет, так незаметно стала нормой.

Впору двигать список приемлемых понятий дальше, ближе к крепостному праву и воскресной порке крестьянушек на конюшне. Не забыть про священное право первой ночи, а там – и до совместного похода с нацистами рукой подать.

Нет спору: дурной запах – безусловная реальность, данная мне в ощущениях. Но вот этот самый горластый американец – у него обоняние наверняка ничуть не хуже!

Фрау Кирхмайер – опять же! – сложно упрекнуть неразборчивостью в ароматах, духи она выбирает с уверенностью парфюмера без оглядки на цены и названия. Однако же они не скупятся на искренние комплименты, в глазах светится только восторг и удовольствие.

Ведь правы, чёрт возьми!

Портовые грузчики к вечеру совсем не розами пахнут. Сам таким был, но то – крайний случай.

---

[67] Фрагмент из воспоминаний Т. Драйзера. После поездки в СССР в 1928 он опубликовал по большей части антисоветскую, поэтому не опубликованную в СССР книгу «Драйзер смотрит на Россию» («Dreiser looks at Russia»).

А вот офисные клерки – к которым лучше подходить с наветренной стороны – неприятно удивили меня ещё в первые дни свободной жизни в Хельсинки. Живо тогда вспомнил про отсутствие привычных для 21-го века «тёплых сортиров», то есть структуры водоснабжения и канализации, отлакированных мощной химией, стиральными машинами и дешёвой одеждой.

Так что для буржуев странен вовсе не запах, а... А сам по себе факт присутствия подобных людей на балете! Более того, в их глазах – это не порок, а напротив – огромное достижение Советов.

И кто я после эдакого фейла?

Спаситель мира, как же...

Набрал полные вёдра дерьма, хорошо, хоть расплескать не успел!

Треснувшая в театре картина мира продолжила рассыпаться калёным стеклом – день ото дня на всё более мелкие фракции...

Эрмитаж, до которого мы наконец-то добрались, оказался набит битком, экскурсоводы выбивались из сил с огромными группами старательно приобщающихся к барской культуре рабочих.

Ничего похожего на немецкую галерею Кайзера Фридриха[68], в которой, как мне показалось, три четверти посетителей – богатые туристы. Но это можно считать за достижение – что в Новом, что Старом музее Берлина с аборигенами ещё хуже, в хорошем ассортименте там водятся лишь британские студенты.

Церковь – Александро-Невская Лавра – в которую нас ненадолго завезли – оказалась вполне действующей[69].

После Шпалерки и Соловков я, было, уверился – в

---

[68] В настоящее время музей Боде.

[69] Монастырь формально упразднён в 1918 году, но явочным порядком существовал до 1932 года (в ночь на 18 февраля в Ленинграде были арестованы все монашествовавшие). Последняя церковь комплекса была закрыта в 1936 году.

Советской России не осталось священников вообще, разве что отдельные подвижники в совсем глухих и дальних приходах.

Однако, вот он – самый центр большевистского Ленинграда, но местное поголовье попов и монахов многочисленно, упитанно и в чём-то – даже нагло. Бойко торгует церковная лавка. В ассортименте, рядом со святыми мощами и иконами, в аккурат над высоким резным киотом – портрет Ленина, трёхцветная олеография в золочёной раме.

Молодая пара как раз приторговывалась, они непременно хотели повесить вождя над супружеской кроватью, но никак не могли сойтись с рясоносным продавцом в процентах по рассрочке.

Героически сдерживая смех, я оттеснил молодожёнов в сторонку и за двугривенный приобрёл маленький бюстик четырёхлетнего Ульянова – посмотреть и «вспомнить всё», если вдруг нападёт депрессия.

Следующий пласт раскрылся в столовой Кировского завода...

Наше «случайное» попадание в столь далёкое от туризма место легко объяснимо – прогрессивный пролетариат за рубежом должен точно знать: как питаются классовые братья «в самой свободной стране на земле». Неудивительно и то, что коммунисты – все как один – попросили обед чернорабочего.

На сорок копеек товарищам принесли: мясной суп, котлеты с картошкой, а на десерт – кисель, он же – по словам немцев – «подогретый розовый клейстер». Нам, то есть супругам Кирхмайер, отвалили по семидесятикопеечной доле квалифицированного рабочего: большую тарелку щей со сметаной и куском говядины, котлету с гарниром из картофеля и фасоли, а на сладкое – чай и пирожок с повидлом.

Члены делегации – как и следовало ожидать от доверчивых европейцев – приняли гастрономический спектакль за чистую монету.

У меня же не возникло и тени сомнений – реальных чернорабочих на пушечный выстрел не подпускают к данному заведению. В то же время величина зала – минимум человек на двести – недвусмысленно свидетельствовала против версии камерного ресторанчика для руководителей самого высшего

звена. Посерединке между этими стратами остаются чины уровня начальников отделов, но если их так кормят на самом деле – рабочие, как минимум, тут не голодают.

Следующий сюрприз преподнесла Марта...

Умудрилась обменять деньги на рубли у какого-то бойкого хмыря прямо на улице – я не успел её остановить. Вместо пяти червонцев за сотню марок, которые давала администрация отеля, она неожиданно выручила целую пачку – двести рублей.

Напрасно я пенял на переписанные номера купюр, девушка просто-напросто не верила, что за такую мелочь могут отправить в лагерь.

Вероятно, не особенно ошибалась, иначе на Соловках было бы не протолкнуться от бывших интуристов.

Но, как пессимист, я всё же больше надеялся на бюрократию ГПУ, вернее, на их неспособность в оставшиеся два дня распотрошить спекулянтов и сверить номера с моей таможенной декларацией.

Хуже другое – фрау Кирхмайер подозрительно быстро и точно подсчитала: сколько именно мы переплатили за тур, еду и соболей. Не иначе, наловчилась оперировать с денежными курсами во времена немецкой гиперинфляции.

– Verfluchte Schieße[70]! – начала она своєю «Нюрнбергскую» речь. – Немыслимо! Только представь, мы потеряли без малого пять тысяч! Verarsche! Проклятые капиталисты должны ответить за всё!

– Они-то при чём? – философски заметил я, покусывая от досады губы.

Разница между официальным курсом и чёрным рынком особым секретом не являлась.

Но что бы она была столь огромна?!

Проклятые большевики совсем берега потеряли!

Впрочем, Марта не обратила на мой вопрос ни малейшего внимания.

– Необходимо немедленно предъявить претензию «Астории» и «Советскому туристу», эти грязные свиньи обязаны вернуть наши деньги! И не просто вернуть – в вернуть с

---

[70] Грубое нецензурное ругательство.

извинениями! Ты сможешь мне правильно составить жалобу? Прямо сегодня, прямо сейчас!

– Куда?!

– В полицию, какие могут быть сомнения? Нас подло ограбили, ты что, разве этого всё ещё не понял?!

– Кто?!

– Только что сказала! «Астория» и «Советский турист», кто же ещё!

– Но при чём тут они?

В дебри международной юриспруденции Марта уходить не стала, рубанула по простому:

– Деньги по обманному курсу брали? Брали! Что ещё нужно? Пусть вернут разницу!

Как ей ответить?

Объяснять вслух, да ещё в отельном номере, недокументированные «фичи» устройства советского государства? Реальную роль партии и ГПУ?

Не дождётесь!

Хоть вероятность прослушки и мала, но выходить из роли в границах «триэсэри» я не собирался. С другой стороны, не идти же к чекистам жаловаться на них же самих?

Пришлось юлить.

– Про что-то похожее я где-то читал... Вспомнил! Курс обмена валюты в СССР установлен единый, обязательный для всех организаций.

– Scheiss drauf! – по инерции выпалила Марта. – Да мне наср...ть!

– Тебе-то запросто...

– Русским тоже наср...ть! – фрау Кирхмайер помахала перед моим носом веером свежеприобретённых червонцев. – Видишь?

– Не понимаю до конца, что тут происходит, – с притворным сомнением в голосе я принялся выдавать знания под видом дедукции. – Возможно, «Асторию» принуждают сдавать всю валюту в госбанк без остатка. Таким образом, ты должна обвинять не капиталистов, а саму советскую власть... Полагаю, это не слишком удачная идея.

– Чепуха! – без раздумий отмела мои слова Марта. – Ведь это коммерческие акционерные общества, совсем как у нас в

Германии, мне недавно Николай всё-всё объяснил. Почему бы им не продавать марки на бирже[71]?

– Что он ещё говорил? – вкрадчиво поинтересовался я.

Вероятность тесного сотрудничества переводчика с чекистами виделась мне близкой к семидесяти процентам, оставшиеся тридцать оставались за его непосредственной службой в штате ГПУ.

– Рассказывал про права женщин в СССР! Они невероятные, до сих пор не могу поверить, большевики установили двухмесячный дородовой и такой же послеродовой отпуск! А ещё на детей можно получать специальную помощь до четырнадцати лет и ездить с ними отдыхать на специальные морские курорты!

– Прекрасно! – скривился я.

Мой логический метод объяснения дал безнадёжный сбой – враньё такого эпического масштаба попросту невозможно опровергнуть с помощью разумных аргументов.

– Ах, да... – девушка вернулась от животрепещущей детской темы к деньгам. – Проклятые капиталисты не должны устанавливать огромные цены, это несправедливо!

– Да сколько можно говорить! Не при чём здесь они!

– Ты просто не хочешь мне помогать! О! Надо найти Николая, он покажет, где тут полицейский участок и всё объяснит.

– Стоп! – взревел я, наконец получив для скандала хороший «адюльтерный» повод. – Совсем сдурела?

– Ты сам начал!

– Для начала: твой разлюбленный Николай подворовывает! Сомневаюсь, что у него есть право на обмен денег. Квитанции он не выдаёт.

– Так любого обвинить можно!

– Не верю, что кто-то устоит перед соблазном получить в

---

[71] Биржевая торговля валютой в СССР разрешена в октябре 1922 года. Но уже с 1926 все предприятия обязаны сдавать выручку в Госбанк, частный валютный рынок (в том числе «чёрный») разогнан, запрещён вывоз рублей за границу. В 1928 году запрещён ввоз, то есть полностью отменена конвертируемость рубля. Торговля валютой считается тяжёлым преступлением приблизительно с 1932 года.

четыре раза больше. Но если вскрыется... – я решил нагнать жути. – Чекисты его отправят в лагерь, на эти – как их, бишь? – Соловки, или вообще расстреляют. Хочешь такого?

– Поделом, пусть не ворует! Нужно... Да он же не виноват! Наверняка его начальство заставляет!

– Запуталась? – недобро скривился я. – Так определяйся скорее, хочешь ли убить мальчика?

– Нет! – тут она не раздумывала и секунды.

– Красавчик, да? Жалко? А денег тебе уже не жалко? Кстати сказать, моих денег?

– Тоже жалко, – Марта выдавила ответ после мучительно-театральной паузы. – Но...

– Вот поэтому – никаких но! Я запрещаю тебе обсуждать что-либо с Николаем вообще, ничего, поняла? Даже приближаться к нему! Никогда! Так понятно!?

– Но я только...

Дальше разговор «плавно» перетёк в первоклассную семейную разборку со швырянием книг – за отсутствием посуды, заламыванием рук, а потом – и вольной борьбой в постели. Выдохлись к полуночи, тогда же и замирились окончательно.

Только вот неприятный осадочек у меня на душе остался...

Надо же, всего пять жалких дней в Ленинграде, а против меня уже зреет заговор путаны и воришки. Да ещё густо замешанный на социалистических идеях.

Что они только находят в этой заразе?

Ведь специально предупреждал Марту не один, а наверное, сотню раз! Всё равно, полетела на свет большевистских лозунгов как мотылёк на огонь.

Могу ли я объяснять: что в СССР – правда, а что – наглая ложь?

Да скорее листок свалит дуб, свалившись с его ветвей!

Вовремя бы ноги унести, пока совсем не перевербовали. Только и радуется, что остался всего лишь один день...

Самый сложный день.

* * *

За смартфоном мы отправились после завтрака, я без особых затей сослался на усталость от экскурсий.

Настаивать переводчик Николай не стал, наоборот, постарался поскорее замять тему.

Неужели нас на самом деле прослушивали?!

Или звуки скандала прорвались в коридор и соседние номера?

Если так – повод к отказу от экскурсии вышел достойный.

На улице выла и металась метель...

Продавцы предлагали купить окровавленное мясо в мокрой газетной бумаге, размахивали жирными рыбами, прохожие перебегали через улицу и исчезали в косых полосах мокрого снега.

Тем временем из глубины проспекта, словно гонимая ветром, появилась огромная процессия с красными знамёнами. Бородатые старцы палками нащупывали дорогу, держась за руки, ступали женщины, дети тянули печальный и непонятный напев.

Процессия выглядела как шествие паломников, но вместо хоругви над ними бился растянутый на палках красный стяг «Да здравствует труд слепых!».

Все эти люди с чёрными пустыми глазницами шагали, высоко задрав головы, устремив взгляд в покрытое облаками ветреное небо.

– Хорошее предзнаменование! – подбодрил я ошеломлённую сюрреалистическим действием Марту. – Слепые чекисты нам совсем не помешают.

До нужного дома добирались пешком, не торопясь и не таясь.

Тут – зашли в магазинчик, приценились к оформленной под мавзолей шкатулке и чернильнице с профилем Ильича; там – расчехлил фотоаппарат, чтобы запечатлеть фрау Кирхмайер на фоне особо примечательного фасада со львами.

Почему нет?

Туристы в советском Петербурге редки, как амурские тигры, но город стойко хранит дух одной из великих столиц неразделённого великой войной мира. Мы его часть, мы привычны, мы нормальны.

Поэтому – незаметны...

Дверь подъезда ничуть не изменилась за прошедшие два года, как будто их и не было вовсе.

Лёгкий толчок в облупившуюся филёнку, недоумённый взгляд Марты – мы внутри.

Сквозь грязные окна струится скудный свет, шаги гулко отзываются эхом от высокого потолка.

Всё как тогда, в 1926-ом!

– Пойдём, пойдём же скорее наверх! – резко потянул я свою спутницу за рукав. – Принесёт кого-нибудь нелёгкая!

– Warum zum Donnerwetter[72]! Не дёргай так, тут куски отломаны от ступеней!

– Так разруха же, – я попробовал оправдаться. – Бывает, если ремонт лет десять не делать.

– Похоже на все пятьдесят!

– Вот до чего проклятый царизм довёл страну. Ни подшипников своих, ни автомобилей. Стены, небось, не красили со времён Екатерины Великой!

– Так мать последнего русского царя называли?

– Не совсем... Была однажды природная немка на троне Российской Империи, неплохо границы раздвинула в конце восемнадцатого века.

– Разве дом такой старый? – почему-то Марта удивилась лишь последнему. – Никогда бы не подумала!

Всё же не очень хорошо у неё с чувством юмора. Или это меня на нервах понесло во все тяжкие?

В любом случае, последний этаж остался позади, за ним – всего один лестничный пролёт. Не до весёлой болтовни, хочется перемахнуть его длинным прыжком наискосок – на месте ли мой тайник?!

Первая радость: купленный по дороге чугунный двадцатипятисантиметровый Ленин в роли гвоздодёра не пригодился – замок висел ровно, как я его и оставил, так же легко и открылся.

С натужным скрипом провернулись петли двери.

Вперёд!

За угол к трубе, наклонно уходящей вдоль стропил к коньку крыши.

Раз сегодня у меня на руках нет превосходных перчаток

---

[72] «Какого чёрта!» – более-менее цензурное ругательство.

будущего века – в шлак с хрустом вломилась голова лидера мирового пролетариата. Спасибо неизвестному скульптору – засунутые в карманы руки Ильича обеспечили удобный хват за ноги.

Не прошло и минуты – крышка вождяленного ящика распахнулась передо мной.

– О, маузер! Патроны! На хороший бой хватит, – из-за спины удивилась содержимому Марта. И тут же добавила подозрительно. – Ты что, собрался кого-то застрелить?

– «Мосинка» же, винтовка русская, – я поднял стреляющий механизм поближе к свету и принялся крутить его в руках, пытаюсь найти название модели.

– Немецкая, не сомневайся, – в голосе девушки послышалась насмешка.

– Всё равно! – я небрежно столкнул оружие обратно в ящик. – Без надобности.

Подхватил оставленный два года назад пакет.

Зверски хотелось немедленно вставить батарею, ткнуть кнопку включения, наконец-то увидеть знакомый светящийся экран. Но слишком очевидно – не место и не время.

Пересиливая себя, аккуратно пристроил «LG G3» во внутренний карман. В боковой карман сунул привезённую из Екатеринбурга 2014 года бутылку «Finlandia», не бросать же добро.

– Всё! Валим отсюда скорее!

– Давно пора, – довольно проворчала в ответ Марта.

Едва я притворил вход на чердак, как снизу хлопнула дверь парадного.

Шаги, двое...

Я на секунду замер: переждать или спокойно спуститься мимо?

– Без спеха, Глеб, пуцай глаза малехо попривыкнут, – превосходная акустика лестничного колодца исправно донесла до меня слова визитёров. – Да наган-то вымь, а то сызнава утекут все, покуда ты кобуру нащупашь.

– Михалыч, нет тут никого, – ответил второй, явно помоложе. – Надо же выдумать, дескать, шпиёны из самой Германии затеяли газ отравленный пускать в подъезде. Поди, соседи набздели, вот и поблазнилось невесть что старой дуре!

– Дело у нас нонче невеликое, да раз положено – проверяй!
Служака поганый!

Небось, ещё при царе-батюшке бомбистов ловил, жаль,
Савинкова на него не нашлось.

А жильцы каковы?

Я едва сдержал злой смешок: не иначе, как граждане самой
свободной страны мира приняли нашу с Мартой «немецкую»
пикировку за происки белогвардейцев, а то и хуже – ковар-
ный заговор мировой буржуазии.

Интересно, это ещё паранойя в терминальной стадии или
уже полноценная советская ксенофобия?

– Тише! – прошипел я на всякий случай в ухо своей спут-
нице. – Не шевелись!

– Что случилось?!

– Полиция! Чёрт их побери!

Только тут до меня докатился масштаб проблемы: до нас
вот-вот доберутся!

Отсидеться на чердаке?

Проклятая дверь скрипит на весь квартал!

Уйти крышами?

Зимой, в незнакомом городе?

«Крепкий орешек»[73], часть шестая, она же финальная,
из-за свёрнутой шеи главного героя.

Вытащить и пустить в ход этот – как там его? – маузер?

Долго!

Вдобавок против двух револьверов, на лестнице, с моим
«богатым» стрелковым опытом?

Ненаучная фантастика.

Самое лучшее – бить вождём!

Прикинул в руке завёрнутого в грубую бумагу Ильича –
килограмма четыре лучшего каслинского чугуна. Едва слыш-
но пробормотал зло, по-русски:

– Хоть одного завалю.

Воображение живо изобразило два распростёртых на сту-
пенях трупа. Один, как и задумано, с проломленной головой, а
вот второй, истыканный пулями – персонально мой.

---

[73] Американский боевик 1988 года. Снят режиссёром
Джоном Мактирнаном по роману Родерика Торпа «Ничто не
вечно».

М-да, не лучше ли сдать?

Телефон – в кармане, немецкий паспорт – там же...

Есть неплохой шанс получить на Шпалерке камеру повышенной комфортности...

– Проверят документы и отпустят? – вклинилась в поток моих мыслей фрау Кирхмайер. – Мы же ничего плохого не сделали?

Уф-ф-ф!

Да ведь она права! Мы пока ещё не на Соловках!

С какого перепугу я решил, что нас с налёту примутся хватать, вязать и тащить?

К иностранцам отношение трепетное, да и телефон в моём кармане не слишком похож на баллон с ипритом. Впору с улыбкой спуститься навстречу, помахать книжечкой с тиснёным на обложке орлом, выдать десяток матерных фраз на мочем германском наречии.

А милиционеры в ответ поскребут в затылках мозолистыми пальцами и...

Отпустят восвояси?

– Чёрта с два! – ответил я себе и Марте.

Абсолютно нечего делать честным туристам в советском доме.

Поэтому для начала нас вежливо задержат, всего на пару часиков, тем временем вывернув наизнанку всю округу. И жильцов, и подвал, и тот самый чердак, в котором я на радостях едва присыпал шлаком и мусором тайник...

А на винтовке – совсем некстати! – свежие отпечатки пальчиков. Моих, что очевидно и характерно. От такой убойной улики даже в нормальном суде не отвертеться!

А потом они докопаются до истории Обухова...

Что мы забыли в этой дыре – вот главный вопрос...

Так нужно дать ответ! Сломать их мозг, в ключья порвать шаблон. Ещё не поздно!

– Скидывай шубу! Прямо сюда, на ступени! – тишайшим шёпотом, но резко скомандовал я.

Благородный мех стёк с плеч Марты на заваленный подсолнечной шелухой гранит без малейшего промедления.

Ордунг! Порядок!

Ох, как мне повезло с ней! Ни слова возражения, ни тени

сомнения. Надо – значит, на самом деле надо.

– Раздевайся быстрее! Быстрее, как можно быстрее! – поторопил, быстро срывая с себя пальто, обувь, пиджак, а за ним – и брюки с трусами.

Взгромоздился прямо поверх соболей, резко подтянул девушку к себе на колени. Не таясь впился в знакомые губы длинным громким поцелуем.

«Если арестуют – то этот секс, возможно, последний в жизни!», – мысль неожиданно разогрела меня да так, что вместо притворного ёрзания дело пошло по-настоящему.

Марта изогнулась с послушным стоном, резко дёрнула на себя охватившие её бёдра руки.

Никогда прежде мы не начинали так резко, так быстро и так глубоко! Всего несколько бесконечно длинных мгновений – и уже сердца обоих готовы выскочить из груди от бешеного ритма любовной скачки, к пику, к тому самому, в котором исчезают понятия «ты и я», но остаётся одно целое – «мы». Единый пульсирующий организм, ощущающий каждую клеточку партнёра, как свою собственную, навсегда, и вдруг взрывающийся миллиардом ярчайших искр, взлетающих фонтаном прямо в бездонную синеву неба.

– Арг-х-х!

Обессиленная Марта упала мне на грудь.

Краем глаз я заметил, как снизу, с противоположного лестничного марша, на нас безотрывно пялится колоритная милицейская парочка. Старый и молодой, оба в одинаковых тяжёлых шинелях, тонкие длинные шеи торчат из воротников, как карандаши из стакана. Лица худые, хищно заострённые, совсем как у здоровенных крыс, вдоль челюстей на щеках – впалые полосы. В руке каждого – револьвер, с недоумённым бессилием опущенный вниз. На глазах застыло выражение...

Вот только чего именно, я так и не смог точно рассмотреть. Однако не сомневаюсь – подобного зрелища им не довелось видеть во всей их жизни.

– Тут тебе «Астория», – прорычал в порыве гениальности.

Прорычал, разумеется, на немецком, но особо выделив последнее, не нуждающееся в переводе слово.

Затем, не выпуская Марту из объятий, медленно завалился назад.

Пусть весь мир подождёт!

Подъездная дверь хлопнула через несколько минут...

Советской власти подавай шпионов – иностранцы-извращенцы ей без надобности.

Хотя совсем, как я, было, надеялся, бравые милиционеры не ушли. Они вежливо дождались нас на морозе, а затем, неуклюже маскируясь, проводили до самой гостиницы. Хорошо хоть автограф не попросили!

Ещё неторопливо и устало топая в гостиницу, я дал себе честное-пречестное слово: включить телефон только после ужина. Но прекрасно отогревшийся во внутреннем кармане

пиджака «LG» дразнил при каждом движении, пришлось пойти на сделку с самим собой, поторопиться – в ресторан мы за явились первыми...

За убогой пародией на тирамису[74], но под удивительно приличный кофе, я уже предвкушал забытое ощущение экрана под пальцами, но...

Планы сорвал Коля-переводчик...

Мало того, что весь вечер пялился на Марту, как козёл на кочан капусты, так ещё устроил прощальную вечеринку для членов немецкой делегации – не исключая нас.

Причём подошёл к процессу с несоветской обстоятельностью. А именно: от лица туроператора выставил на столики полдюжины бутылок вина, да не дешёвого крымского – что по семь пятьдесят целковых за бутылку – а настоящего «Château d'Yquem».

Крайне неудачный выбор для дижестива, зато – реально дорого: в меню «Астории» данная марка шла аж по полтиннику.

Причина мотовства представлялась более чем прозаичной. Всего-то просьба поставить автограф под пространной и ни к чему не обязывающей резолюцией для прессы, что-то вроде «условия труда, соцкультбыт, зарплаты и прочие блага несравненно улучшились по сравнению с царским временем, большевики каждодневно ведут русский народ к прогрессу, просторным яслям и светлым детским садам».

Фрау Кирхмайер, вспомнив про курсовую разницу, отказалась наотрез. Мне с притворным сожалением пришлось следовать её примеру. Зато коммунисты из братской Германии подмахнули бумагу все как один.

Мелочь?

Отнюдь, скорее – тонкая чекистская игра на человеческой психологии: далеко не всякий иностранец после подписи сможет публично обвинить СССР в смертных или житейских грехах...

Из-за дурацкой винно-пропагандисткой суеты апофеоз экспедиции наступил, когда часы пробили десять...

---

[74] Тирамису изобретён во второй половине 20-го века, но ГГ про это не знает.

Пока Марта плескалась в ванне, я торопливо вбил в смартфон батарейку и нажал кнопку включения. Несколько десятков положенных на загрузку секунд разогнали сердце до вполне «чердачных» темпов, и – враз отпустило. Тихая полузабытая мелодия, волшебные красно-синие клубы экранной заставки...

О великий трансвременной катаклизм!

Работает, работает чудо корейской техники!

Риск и траты не напрасны!

«Таран истории» опять в моих руках!!!

Радость? Торжество? Счастье?

Чувство выполненного долга?

Блаженные, но краткие секунды...

Осуществлённая мечта принадлежит прошлому. Настоящее не замедлило поставить ребром новый вопрос: «Куда прятать?».

Для зарядного устройства место нашлось быстро. Тоненький проводочек я аккуратно обмотал вокруг шнура питания полуторафунтового дорожного утюжка «Baby Betsy» производства фирмы «Ross Electric». Вилка питания последнего в своё время восхитила меня комбинацией обычной пары штырьков с цоколем для закручивания в патрон лампы – нынче даже в Европе не везде можно найти розетку. Тут сложность вышла к месту – миниатюрный блок питания 21-го века полностью потерялся на фоне массивной конструкции из меди и бакелита[75].

На очереди главный артефакт...

Сложные тайники негодились – после пережитого я натурально боялся выпустить бесценный артефакт из рук. Таким образом, наиболее предпочтительным казался самый простой вариант – положить в карман и надеяться, что пограничный контроль обойдётся без личного досмотра.

Я, было, уже совсем решился, но тут очень кстати разобранный для смены плёнки «Kodak» дал идею получше.

Гармошка объектива открывалась внутрь камеры чудовищным по меркам будущего «кадром» размером в почтовую

---

[75] Бакелит – распространённый пластик начала века (запатентован Лео Бакеландом в 1909 году). В СССР известен как «Карболит».

открытку, причём – между рёбрами гофра и задней крышкой оставался приличный зазор...

Как раз положить смартфон!

Причём после установки свежего рулончика плёнки устройство выглядело полностью работоспособным. То есть объектив исправно выдвигался и задвигался обратно, плёнка проматывалась, спуск нажимался.

Запасные аккумуляторы лишились броской маркировки и пошли в дополнение к фотоаксессуарам: коробочкам со сменным объективом, катушками, рамочкам, светофильтрам и прочей мелочёвке.

В конце концов, батарейки в начале второй четверти двадцатого века никакой экзотикой не являются – миниатюрный фонарик-трубочку «Eveready» можно найти в багаже каждого второго туриста.

А что форма странная...

Так мало ли какая блажь взбрёт в голову проклятым буржуям?

* * *

Дорога обратно, до самой границы «триэсэрии», прошла на нервах: каждый попутчик мнил себя приставленным персонально ко мне чекистом.

Сон не шёл, активный словарный запас немецкого языка сократился до сакральных «ja, nein, doch, scheisse» [76], книжные буквы расплывались в глазах на непонятные кракозябры. Только подстёгнутое призраком Соловков чувство голода отрывалось по полной программе – прихваченные в дорогу припасы я начисто уничтожил в первые же часы...

После кошмара ежеминутной подготовки к аресту советская пограничная таможня не просто удивила, а натурально обманула.

Невероятно, но факт: наши чемоданы на латвийской границе даже не потрудились открыть.

---

[76] В немецком языке есть три формы ответа «да и нет» (ja, nein), doch говорят, когда отвечают положительно на отрицательный вопрос. Scheisse – распространённое ругательство.

Хотя, если подумать, чекисты манкируют службой вполне обоснованно – вывозить из страны после десяти лет советской власти абсолютно нечего.

Деньги – бессмысленная бумага, контрабанду не делают, оставшиеся с имперских времён золото и драгоценности давно иссякли.

Остались лишь люди, а вот их-то как раз бдят с прежним прилежанием: моё лицо сличали с фотографией не менее трёх раз.

Ну, а латвийских пограничников я встречал с полным стаканом водки «Finlandia» в руке.

– Здравствуйте и – до свидания! Трезвыми мы больше не увидимся!

5. ОШИБКА ВЫЖИВШИХ

Москва. Апрель – май 1930 года
Три месяца до рождения нового мира

– Так вот, товарищи! – докладчик с бородой испанского гранда, он же – главный идеолог дискуссии, отставил опустошённый жадными глотками стакан куда-то вглубь кафедры.

– Мне задали вопрос: «Каковы же масштабы предстоящих свершений?». Отвечу вам как настоящий коммунист, то есть честно и прямо. Как вы уже все знаете, принятый два года назад генеральный план развития СССР рассчитан на пятнадцать лет. Согласно ему в одном только сорок втором мы должны провести работ на сумму, превышающую по стоимости все существующие на сегодня фабрики и заводы в пять, а лучше – в шесть раз. Иначе говоря, в тридцать три раза больше, чем в прошлом году! Много это или мало? Героическая эпопея Магнитогорского завода[77] нынче на слуху у всех, поэтому я могу сказать просто: «Через двенадцать лет мы будем легко строить по двести сорок «Магниток» в год!». И это, товарищи, лишь начало нашего пути к коммунизму!

Ого, смело рубанул...

Пяток крупных комбинатов в год – верю охотно, нормальный темп стартующей с низкого уровня страны. Десять, тем более, двадцать – реально, ценой энтузиазма и лишений, большевики пока ещё горазды на подвиги, могут и вытянуть. Но двести сорок – это же абсолютно за гранью здравого смысла!

Между тем зал взорвался бурными овациями.

Издержки возраста – подростки при советской власти парни и девчата наивны и смелы, верят большевикам, поэтому готовы хлопать любой чепухе о светлом будущем.

Но куда смотрят старшие, отягощённые возрастом и пиджаками граждане?

Прошли через революции, голод и войны – а ума не нажили? Никак не могут насторожиться, вдуматься в бредовую нелепость заявленных объёмов?

Неужели какие-то другие люди ещё всего лишь три года назад яростно громили леваков с высокой трибуны: «Строить «Днепрогэс» для нас то же самое, что для мужика покупать граммофон вместо коровы...»[78]?

---

[77] Пересказ фрагмента из книги Л. Сабсовича «Советский Союз через 15 лет. Гипотеза генерального плана построения социализма в СССР». Книга неоднократно и значительным тиражом издавалась в 1928/30 годах (в том числе на французском языке), активно продвигалась сторонниками сталинских планов ускоренного развития.

[78] Слова И. Сталина на апрельском пленуме ЦК 1927 года.

Переждав шквал аплодисментов, обладатель испанской бородки осыпал восторженную аудиторию новыми наглыми числами.

– Сорок восемь «Днепростроев»! В сто пятьдесят раз больше автобусов, трамваев и автомобилей! Сто тридцать миллионов тонн нефти! Жилищное строительство вырастет в двадцать раз! Шестьдесят тысяч километров[79] новых железных дорог, или сорок «Турксибов»! Всё это только за один 1942-ой год!

«Зовите санитаров!», – чуть было не выкрикнул я на весь зал.

Интересно, из какого клауда горе-специалист высосал сей массив безумных данных?

Ответа не пришлось ждать долго.

– И что для этого нам нужно математически? Да всего лишь убыстряющийся темп роста промышленности, всего-то от двадцати процентов в год в начале, до двадцати семи к концу периода. Эта моя гипотеза в прошлом году принята в качестве рабочей в Комиссии Генерального Плана Советского Союза[80]!

Тут докладчик оторвался от бумажки и обвёл аудиторию медленным многозначительным взглядом от левого края к правому.

– Однако совсем недавно, оценив невиданные успехи нашей индустриализации, я решил её пересмотреть. Полагаю, что уже к концу первого пятилетия темпы ежегодного прироста выйдут на пятьдесят процентов! Только так, товарищи, мы сможем догнать и обогнать капиталистические Соединённые Штаты!

Чёрт побери!

---

[79] В 1937 г. нефти добыли вместо 130 млн. т. – только 28 млн.т. Реальные темпы жилищного строительства не выросли, а упали с 22,6 млн.кв.м. в год до 17,2 млн.кв.м. Железных дорог построено с 1927 по 1940 год всего 30 тыс. км (рост с 76 до 106 тыс. км). То есть в среднем строилось немногим более 2 тыс. км. в год.

[80] Сложно сказать, что и где было реально принято в 1928 году (цифры постоянно пересматривались), но И. В. Сталин на XVI съезде ВКП(б) объявил по развитию промышленности в 1928/29 – 124,3 %; 1929/30 – 132, 1930/31 – 147 %.

Полгода назад, ещё в Константинополе, мне попался экземпляр карл-либкнехтовской «Die Rote Fahne», в котором немецкие коллеги большевиков до небес превозносили советские экономические успехи. Центровым доказательством шёл отчёт о неслыханном прогрессе – на целых пятьдесят семь процентов за два года первой пятилетки. Но только сейчас до меня дошло реальное значение названной цифры.

Если оттолкнуться от «доказанного» коммунистами уровня, то...

То чисто математически докладчик совершенно прав! Берём тривиальную формулу сложных процентов, и вот оно – увеличение объёмов!

Как раз выйдет что-то вроде тридцать трёх раз за пятнадцать лет.

Остаётся кинуть чуть побольше в значимые отрасли, поменьше в соцкультбыт – и попробуй, оспорь выкладки.

«Однако есть нюансы...», – пробормотал я про себя.

Не зря чуть ли не наизусть заучены сохранившиеся в смартфоне «История экономики» Конотопа, «Мировая экономика» Булатова, вузовская «История государства и права России» и прочие образчики учебников 21-го века...

Картина происходящего в стране с натужным хрустом извилин провернулась в моей голове: существовавшие досель в параллельных мирах детали наконец-то заняли положенные места, высветив тем самым суть грандиозного лукавства.

Дикую процентовку роста большевики относят к «промышленному производству» в целом, но данные показывают исключительно по отдельным продуктам.

За руку кремлёвских ловкачей никто не ловит, так как для рынка такая логика в общем и целом верна: если чугун выплавлен – значит сковородка из него отлита, обработана и продана домохозяйке. Никому из зарубежных экономистов и в голову не приходит, что ценный материал можно тупо извести на брак или отправить в отходы.

Таким образом, графики на сталь, уголь, нефть – важные, но всё же отдельные индикаторы низкого передела – будут лететь вверх по десять-пятнадцать процентов в год всю советскую историю.

Близко не обещанные «двести сорок «Магниток», но вроде как есть чем похвастаться...

В теории...

На практике же – двукратное превышение уровня США по выплавке чугуна почему-то не спасло СССР от деградации, а потом – развала 80-х.

Автомобили и трактора благодаря купленным за границей фабрикам дадут к 40-му году ещё лучший результат.

Кривая роста грациозно пробьёт потолок на плакатах, и только немногочисленные работники советского МИДа будут знать, что у соседей отраслевой процесс идёт чуть не на порядок быстрее.

Кроме того, к войне перелицованные американские модели 20-х устареют окончательно, вытягивать Красную армию из грязи придётся полумиллиону ленд-лизовских «Студебеккеров». А ещё лет через двадцать коммунисты вновь потащат из-за морей и океанов технологии, станки и целые заводы для новой, накачанной брежневской нефтью модернизации.

Удивительно?

Да ни грамма!

Ведь экономика неизмеримо сложнее «угля и стали».

Средний же прирост валового продукта в ходе советской индустриализации составит... Четыре с половиной процента в год[81]!

Приличный, но далеко не выдающийся результат, если смотреть через призму истории прошлого и будущего.

Примерно столько же получалось в США перед Первой мировой. Славное послевоенное тридцатилетие даст Франции стабильный пятипроцентный рост. Итальянское чудо начала 60-х покажет около шести процентов. Китай конца 80-х будет устойчиво держать результат между шестью и семью процентами. Южная Корея дотянется аж до восьми. Но безусловный рекордсмен – Япония, которой удастся в отдельные годы пробивать десятипроцентный барьер.

Все эти страны обойдутся без красивых отчётных графиков

---

[81] Прирост ВВП в течение 1928-40 гг., по оценке В. А. Мельянцева составил около 4,6% в год (по другим оценкам – от 3% до 6,3%).

выплавки чугуна. Не понадобятся пятилетки за четыре года и великие комсомольские стройки. У них не случится тотальной карточной системы, городских землянок и великого террора. Тем не менее, из индустриально-технологической гонки они выйдут победителями.

Но кому нужно знание будущего?

Я оглядел разогретый великими перспективами зал.

– Сегодня проще разбить атом, чем предрассудки! – и пошёл проталкиваться к выходу.

Вслед недобро зыркнула соседка, симпатичная стройняшка в перетянутой ремнями юнгштурмовке[82]. «Чужак!», – презрительно блеснула звёздочка над примятым козырьком её фуражки.

По дороге домой удалось поймать «попутку» – крестьянскую телегу, влекомую в нужном направлении чуть отъевшейся на свежей траве клячей.

Всего двугривенный – и можно небрежно покусывать прошлогоднюю соломинку да болтать ногами над медленно проплывающей под ними землёй...

Всё же удивительное время...

Диктатура пролетариата, репрессии ЧК, Соловки по малейшему подозрению...

И в тот же самый момент практикуются публичные дискуссии по весьма острым вопросам государственного строительства.

Третьего дня зацепил в самой «Правде» афишку на тему «Социалистический город будущего»[83], соблазнился

---

[82] Юнгштурмовка («тельмановка») – куртка или гимнастёрка, как правило, цвета хаки, использовалась в качестве комсомольской формы. Название пошло от отрядов КПГ «Красный Юнгштурм». Инструкторы ОСОАВИАХИМа и члены КОП имели право носить её со знаками различия.

[83] Публичное обсуждение идей Л. Сабсовича проходило по инициативе Комакадемии ЦК ВКП(б) шесть раз с октября 1929 по май 1930. Процесс сопровождался многочисленными публикациями в печати, стенограммы выступлений публиковались отдельными сборниками.

посмотреть сразу и на организацию мероприятия, и в теме разбраться, что называется, из первых рук.

Почему нет?

Выходной – слава «непрерывке»[84]! – выпал как по заказу, добраться на Волхонку до Комакадемии ЦК труд невеликий.

Результат же вышел...

Сложный...

Желающих слушать собралась тысяча – никак не меньше. В зал все не влезли, проходы забили, как в трамвае. Не по разнарядке, сами пришли.

Говорить, вернее задавать вопросы, никто не стеснялся, крыли такой правдой про реальный быт рабочих – белградский редактор РОВСовского «Военного вестника» за стенограмму не пожалел бы левой почки.

Особенно интересно, что докладчики не прошли жёсткого отбора, кто загодя записался – тому и место за кафедрой. Известных людей типа Щусева или Крупской сменяли едва ли не студенты. Поэтому на недостаток по-настоящему революционных предложений жаловаться не пришлось.

Ультраурбанисты в своих фантазиях легко добрались до прообраза «Стальных пещер» Азимова, то есть – до циклопических зданий километрового диаметра, сразу на миллион жителей каждое. Их антагонисты, напротив, упирали на идею города-сада, являвшего собой конгломерат небольших частных домиков, разбросанных «в живописном беспорядке» вдоль железнодорожных магистралей.

Но тон, без сомнения, задавали соцреалисты, которые весьма аккуратно вывели из потребностей индустриального производства концепцию соцгорода, или суперобщезжития. Фабрика-кухня, механическая прачечная, кинозал, библиотека, детсад – всё общее, вернее сказать, доступно в виде сервисов. Таким образом, экономия – по сравнению с обычными многоквартирными домами – выходила немалая. Стройматериалы, площадь, обслуживающий персонал,

---

[84] С осени 1929 по декабрь 1931 года действовал революционный календарь – «непрерывка». Все рабочие разделялись на пять групп (жёлтую, розовую, красную, фиолетовую, зелёную). Каждый «цвет» имел отдельный от других выходной день раз в неделю.

пищевые продукты, электроэнергия – буквально всё, вплоть до детских игрушек, получалось дешевле, больше, качественнее. А ещё – полностью в русле коммунистической идеологии.

Почему реальный СССР в известной мне истории не пошёл таким очевидным путём? Что помешало?

Перед загадкой безнадёжно пасовали логика, послёзнания и прорва прочитанных учебников...

«Подошла бы мне для жизни идея соцгорода?», – спросил я сам себя и тут же ответил. – «Да, безусловно!».

Комнатка в приличной общаге в бесконечное количество раз удобнее приютившего нас с Александрой и Яковом сарая, который, кстати, по местным понятиям – настоящий класс-люкс...

Надо сказать, что первое знакомство с арендованным Блюмкиным флигелем оставило в моём сознании неизгладимое впечатление: в Европе так живут только нищие...

Всё про всё – тесная комнатка квадратов на двенадцать.

Потолок – домиком, у стен – впору пригибать голову, зато к середине, неожиданно высоко, селёдочным хребтом торчала белёная известью балка. Едва дотянуться до керосинки, свисающей с «того самого» суицидального крюка. Засаленные шторы, напаянные на туго натянутые крест-накрест верёвки, растаскивали невеликое пространство на четыре закутка. В каждом, как бы в подтверждение нерушимости однажды заведённого порядка, свой стиль и оттенок грязи на стенах. Слева от входа – бок печки, покрытый над топкой жирным слоем сажи. Высыпавшаяся из подувала зола перемешана с гнилушками – остатками дров. У низкого окна напротив – покосившийся комодик, из-под которого, будто наблюдая, торчала калоша. Её тупой, покрытый засохшей бурой слякотью нос просил угощения в виде доброго пинка...

Человек не лошадь, не к такому приспособится, тем более – после Соловецких «университетов»...

Было бы желание – можно и землянку обставить по всем канонам социалистического комфорта. Добавить узких панцирных кроватей с никелированными шарами на высоких спинках, новеньких, с капельками смолы табуретов, ополовиненный в революции комплект барских тарелок розового

кузнецовского фарфора и ворох нужной в хозяйстве рухляди. Главное – не забыть на видном месте выставить в ряд от малого до великого семь морщинистых гипсовых слоников...

Быт частнособственнического хозяйства по меркам будущего невероятно суров. Каждое утро начиналось с яростного шипения пламени – Александра добывала завтрак.

Мешкотный процесс...

Сперва нужно долить в латунный бачок примуса керосина из жестяного бидона. Затем подёргать рукоятку убогого насоса – системе нужно давление. В чашечку под чугунной головкой испарителя плеснуть немного топлива и поджечь его. Спустя несколько минут, после должного разогрева, открыть иголку форсунки-жиклёра, пуская в горелку керосиновые пары.

Далее – можно ставить на факел синего огня кастрюлю с водой под кашу. За ней – чайник. А ещё чуть погодя – сковородку: пожарить несколько яиц, желательно с колбасой и хлебом, заготовить «мужикам-кормильцам» обеденный перекус.

Хочешь, не хочешь – а час уходит.

Поэтому встаёт наша «хозяйюшка» аж в четыре утра – нам с Яковом нужно поспеть к восьми в Москву, на работу.

Днём ей отдыхать некогда...

В СССР нет – и ещё лет сорок не будет! – стиральных машин, холодильников, микроволновок, полуфабрикатов, пылесосов, электрочайников и ещё целой кучи привычных в 21-ом веке мелочей. Даже водопровода – и того нет.

Поэтому Саше нужно принести с колодца воды, ведра три-четыре минимум. Постирать в деревянном корыте, выполоскать, развесить сушить, а потом погладить наши вещи. Приготовить сытный обедо-ужин: мясной или куриный суп, картошку – если есть время и керосин – разварить до съедобного состояния каменную американскую фасоль. Сходить в магазин за мелочами – нитки, иголки, соль, в хозяйстве всё время что-то требуется. Прибраться, полы подмести, пыль протереть. Штопка-починка – вещи из натуральных волокон непрерывно рвутся.

В итоге – день пролетает как не бывало.

Ох, не зря хитрый Блюмкин так охотно кооптировал

девушку в коллектив – идейная, а значит бесплатная кухарка куда удобнее наёмной. Справиться без неё с бытом возможно разве что в теории...

«Пошёл бы я в столовую вместо завтрака с примуса? Отдал бы вещи на стиральную фабрику? Доверил бы мытьё полов горничной?», – всплыла в сознании серия новых вопросов.

Риторических, без сомнения: прошлый европейский год я именно так и делал. Жил в арендованных апартаментах, питался в кафешках и ресторанчиках, сдавал одежду в прачечную, чинил обувь в мастерской, заказывал уборку... И прочие услуги.

Воображение услужливо отрисовало образ раскинувшейся по простыням Марты, да так отчётливо, что, верно, это стало заметно со стороны.

Торопливо пробормотал, снимая наваждение:

– Всё придумано до нас. Идеологи соцгородов – не новаторы, а плагиаторы!

Хотя, трудно спорить, для лапотной России подобные идеи – серьёзный, можно сказать, что эпохальный прорыв. Попытка силком через колено протащить массы в новую историческую формацию.

В которой забитая мужем домохозяйка внезапно натягивает кружевные перчатки, фильдекосовые [85] чулки, душит селективной парфюмерией и садится на скамеечку в парке листать томик с пьесами Тенниси, повествующими о конфликте духовного и плотского начал. А если откинуть горячечные мечты – идёт работать машинисткой в контору заводоуправления, а то – и прямо встаёт к токарно-винторезному станку.

Цинично, грубо, да профит того стоит – без малого удвоение количества рабочих рук с одного и того же жилфонда. Совсем не мелочь для страны, если к заводу на десять тысяч рабочих мест понадобится пристроить не десять тысяч квартир, а всего пять. Минусы же пустяковые и преодолимые – перевоспитать взращённого на традициях домостроя крестьянина.

Не вышло...

Реальные большевики напрочь отказались использовать

---

[85] Фильдекос – (фр. *fil* – волокно, нитка, и *d'Ecosse* – шотландский). Особого рода бумажные нитки и ткань из них.

бонусы своей же религии. То есть вместо адаптированных под соцгорода кластеров принялись строить самые тривиальные отдельные квартиры, точно такие же, как при проклятом царизме. Мучились, уплотняли, пилили перегородками пяти-шестикомнатные хоромы под идиотские коммуналки, но на уровне проектов не меняли ровным счётом ничего.

С тех времён и замерли вдоль широких и светлых московских проспектов «окрашенные нежным светом утра» «сталинки».

Наглядный результат прямо перед глазами – слева и справа косогор вдоль дороги изрыт сотнями землянок. Поселение грабарей, очевидно, тут и там разбросаны сарайчики для лошадки-кормилицы, запаркованы похожие на короткие гробы телеги – основная движущая сила любой великой советской стройки...

Неожиданное понимание ударило организм одновременно с попавшей под колесо кочкой: «Бл...дь! Да это же натуральная «ошибка выживших!».

Взять хоть легендарный «Дом на набережной» [86]...

Он такой – в стране не один. Чуть не в каждом советском городке возводят похожие элитные кварталы. Естественно, исключительно своим: партийным деятелям, чекистам, командирам РККА, на крайний случай – для показухи и пропаганды! – случайным везунчикам из передовиков производства.

Тут просто-напросто нет ни малейшей нужды экономить!

Всем им положены апартаменты господские, с огромными светлыми холлами, высокими расписными потолками, немецкими или британскими лифтами. Обязательно предусмотрен второй, чёрный вход со стороны кухни – прислуге положено приходить с утра пораньше, не будить же из-за этого сладко почитающих совбуров?

Окухарках, дворниках, сантехниках и поломойках, впрочем, неплохо заботятся: предусмотрительно закладывают в проект отдельные этажи или секции под клетушки-коммуналки.

---

[86] *Официальное наименование – «Дом правительства». В квартирах (всего 505 в 24 подъездах) были дубовый паркет, художественная роспись на потолках. На первом и втором этажах располагались коммуналки для обслуживающего персонала.*

Спасибо Василию Шульгину, я знаю как это называется – «всё, как было, только хуже».

Остальным – как и положено при старом добром феодализме – полагаются землянки и бараки[87]. Концлагерь-лайт. Предельно рациональный и экономичный способ содержания и контроля рабочей силы. Убийственный быт средневековой общины из-под портрета вождя мирового пролетариата в красном углу.

Пролетарии от передовой идеи соцгородов не отказались, напротив – совбуры спустили все доступные ресурсы на свои «хотелки».

К счастью, после смерти «кремлёвского горца» вожди малость опомнились, взялись за жилищную программу не изобретением новых лозунгов, а реальным делом.

Но время обособленных домохозяек уже миновало, в моду всё больше входили холодильники, «стиралки» и прочие пылесосы. Советские городах приросли огромными районами «хрущёвок», а позже – и «брежневок».

От прошлого «выжили» одни только господские кварталы. Квартиры в них недурны даже по меркам 21-го века – славная эпоха высоких потолков и широких парадных всегда в цене.

Да только стоит ли этим гордиться?

* * *

Александрю я заметил ещё с дороги...

Извечный женский рядок у перил недавно подновлённого крыльца экспрессивно, но неразборчиво мыл кому-то кости. Страшная сила, если разобраться: полудюжина тихих домохозяек способна любому противнику отравить душу, а то и само тело. Хорошо одно – меня с Блюмкиным не трогают.

Кроме прочих достоинств Саша проявила себя как хороший

---

[87] В период индустриализации такой тип жилья составлял 80-90% жилого фонда. Например, по данным вышедшей в 2001 году книги «Московское метро» Д. Нойтатца к концу 1932 г. для «Метростроя» выстроили 50 бараков на 5352 рабочих (без разделения на комнаты), три квартиры и шесть бараков с 84 комнатами для ИТР. В постройке – ещё 32 рабочих барака, 128 квартир для ИТР и 8 семейных бараков на 156 комнат.

«PR-менеджер», то есть не просто стала своей в местном серпентарии, но умудрилась как-то складно и непротиворечиво растолковать любопытным соседям детали наших тройственных отношений.

Хотя...

Возможно иное...

Полуголодное существование в тесноте общих барачков живо отбивает иллюзии. Не до высокой морали, когда сосед – или соседка – развлекается любовью рядом, рукой достать за лёгкой занавеской.

Прилюдный промискуитет распространён, как общие вши. Зато по руке, протянутой к чужому куску хлеба, без колебаний бьют топором.

То есть местным сплетницам попросту неинтересны тонкости социально-половой жизни нашей тихой «МЖМ-коммуны». То ли дело посудачить: «А что у них сегодня на обед?».

Однако по-свойски обсудить на проходе – дело святое.

– Шурка, гляди-ка, твой нарисовался! – выкрикнула одна из женщин.

Головы повернулись в мою сторону как по команде «равняйся!».

Разговоры притихли.

– И чё мы седня так рано? – сдула нажёванную шелуху с толстых губ жена слесаря с бывшего «Дукса».

– Уволили, поди-ка! – радостно подхватил мысль стоящая рядом подруга.

– Сократили!

– Выгнали, выгнали! – быстрый говорок полетел во все стороны.

– Выходной сегодня, – разочаровал я коллектив доброжелателей. – Вот...

– Явился! – резко перехватила инициативу Александра. – Повадился к партийным на митинги, всё слушаешь да слушаешь! Откуда только взял такую моду?

– Может, и перед нами вступит? – хохотнула местная комсомолка, племянница вагоновожатой.

– Тьфу, пропастина рыжая! – взвилась супруга бухгалтера,

вычищенного из Наркомзема за «правый уклон». – Чтоб ты, сволочь, своими карточками подавилась!

– Ага, не нравится!

– Да я тя счас!

Скорее, пока не замотало в глупую свару, отбарабанил выверенное:

– На моём участке уже есть коммунист и двое кандидатов! Вот так!

– Ох, горяшко моё! – притворно всплеснула руками Александра. – Теперь и по выходным помощи не дожждаться.

– Вот придёт к нам светлое будущее... – припомнил я один из главных тезисов градостроительной дискуссии. – Будут машины женскую работу делать... Гм... Всю, даже эту самую!

– Пошли уж, заодно чайник поставлю.

– Чистюля пошёл голову в корыте полоскать! – прыснул в спину обидный смех, но тут же стих, хватило одного взгляда.

Уважают покуда мужика-кормильца... Даже того, что «со странностями».

И хорошо.

Качественный, но не опасный для советской власти бзик дорогого стоит...

Ну, кипятит сосед постоянно воду, ну, гремит по столу или полу тазиком... Так то дело насквозь понятное и житейское – заразы боится, а потому мыться любит. Не то, что следить да подсматривать – такого даже обсуждать неинтересно. Разве что подшутить лишний раз.

В результате никто не мешает товарищу Блюмкину под свист примуса пилить толстые гвозди ножовкой на сотни роликов – поражающих элементов. Резать, гнуть и паять жёсть под корпус мины тоже вполне комфортно.

Всё согласно конструкции «МОН-50» [88] с плаката военной кафедры УрФУ, попавшей в смартфон благодаря полезной привычке «на всякий случай» фотографировать учебные материалы под параноидальным грифом «ДСП». Только заряд слабее и зона поражения значительно уже.

Случайные жертвы нам без надобности...

---

[88] Масса мины «МОН-50» – 2 кг, масса заряда (ПВВ-5А) – 0,7 кг. Количество поражающих элементов 485/540 шт. Дальность сплошного поражения – около 50 метров.

– Вода у нас есть? – поинтересовался я, едва переступив порог.

Конспирация штука хорошая, но после работы на самом деле помыться не мешает!

Не понимаю, как советские граждане умудряются ходить в баню раз в две недели. Зачем терпеть такое издевательство над организмом, если вода – чуть ли не единственный ресурс, доступный в Москве свободно и практически в любых количествах?

– Ты неисправим, – Александра со смехом сняла с примуса не успевший остыть чайник.

– Всего пять минут – и как новый, – отшутился я, скидывая пропотевшую за день рубаху.

Какое уж тут смущение, если приходится жить теснее, чем в иной семье?

Скорее, даже странно – вроде и симпатичная девушка рядом, на расстоянии неловкого движения, и желание зримое, но при этом – ни-ни! Боевой товарищ, и ни дюймом ближе.

– Держи! – вслед за чайником Саша передала мне пачку мыла. Со значением выделила голосом. – Последняя осталась.

Не просто так старается...

Когда я в номере турецкого отеля покрывал брусочки тротила толстым слоем «Ivory soap» от «Procter&Gamble», никак не думал, что нам придётся на самом деле им мыться. Но ничего сравнимого тут не нашлось даже в новоявленных коммерческих магазинах[89]. Поэтому мы решили не только использовать ценный ресурс по прямому назначению, но подгадывать его расход под дату финального «бадабума».

Кстати сказать, тогда, на Принкипо, лентяй Блюмкин уговаривал не заниматься чепухой – взрывчатку несложно найти и в СССР. А тут риск – тащить аж шесть пачек на двоих через парходы, поезда и таможду, по целых четыреста грамм на брата.

Мне удалось настоять на своём, упирая прежде всего на неочевидное качество советского – а то и старого царского!

---

[89] Коммерческие магазины появились в конце 1929 года, но поначалу торговали в них только одеждой и обувью. Постепенно ассортимент расширяли – сначала до бытовых мелочей, потом, ближе к середине 30-х годов, до продуктовых товаров.

– тринитротолуола: у нас всего одна попытка, в которой нет места экспериментам даже с фабричными составами.

Говорить про самостоятельное изготовление чего-то годного «в кастрюльке» – вообще смешно. Экзерсисы с гремучей ртутью времён «Народной воли» ничего кроме безглювого недоумения у меня не вызывают. Как и кружок районной самодеятельности «имени господина Ларионова» с чудовищно тяжёлыми, но абсолютно бестолковыми гранатами Новицкого.

Впрочем, к чему вспоминать былые споры?

Здесь и сейчас всё готово.

Корпус собран и тщательно отмыт от отпечатков пальцев в уксусе и – на всякий случай! – в спирте. Склеены в единую многослойную пластину поражающие элементы. Установлены привезённые из Турции взрыватели. Осталось надеть специальные перчатки и доложить в конструкцию последний брусок превосходного английского тола.

Есть место. Есть план. Время придёт...

Вымывая из волос дорожную пыль, я не удержался от декламации подцепленного ещё в Риге четверостишия:

«Мир – рвался в опытах Кюри
Атомной, лопнувшей бомбой
На электронные струи
Невоплощённой гекатомбой...».[90]

– Это ты про что сейчас? – вмешалась Александра.

– Так, вспомнилось к слову.

– Скоро уже?

Невинный вопрос, но по голосу сразу понятно – девушку интересуют вовсе не житейские мелочи.

– Думаю об ошибке выживших, – ляпнул я и в ответ на недоумённый взгляд пояснил. – Из старых зданий остаются только самые красивые и прочные – только потому, что остальные сносят, а не реставрируют. С людьми, впрочем, обычно поступают так же.

Пауза затянулась...

Я успел домыться, обтереться, стянуть с верёвки постиранную домашнюю косоворотку и натянуть её на себя. Только после этого Александра созрела на новый вопрос.

---

[90] Из поэмы Андрея Белого «Первое свидание», 1921 год.

– Ты – страшный. Видишь будущее... Нет, не спорь, мне всё стало понятно, когда ты после самоубийства Маяковского[91] страшно накричал на Якова, как будто предупреждал, предупреждал его сотню раз, а он – гад такой! – и пальцем не пошевелил ради старого друга.

– Уже объяснял, ну сколько можно?!

– Да разве одно это!

– Никак в толк не возьму, как всё это связано с рассказом про ошибку, – я неловко, по-детски приобнял девушку за плечи. – Всего-то по дороге смотрел на землянки, да вспоминал новостройку по Всехсвятской...

– Знаю, знаю. Там здоровенную домину для совбуров возводят, аж в дюжину этажей, – быстро перебила меня Саша. – Не то, всё не то! Прошу – нет, умоляю! – скажи, а про всех нас будут помнить потомки?! – она заглянула мне в глаза. – Как я боюсь ошибиться!

– Хочешь сказать... Историю пишут победители! – удивлённо протянул я. – Занятное же следствие ты вывела из «ошибки выживших»!

– Так прославят или проклянут?!

– Надеюсь, они про нас вообще не узнают. Герои, знаешь ли, редко живут долго. И вообще, определись уже: чего хочешь? Возмездия или славы? А может, покоя?

– Возмездие – жизнь. Слава – смерть. Ты на это намекаешь? Но как быть с нашим убийцей Мирбаха? Или взять хотя бы Савинкова?

– Савинков-то тут вообще при чём? – я постарался увести разговор в сторону, от скользкой натуры Блюмкина надо держаться как можно дальше.

– Кровавый бомбист – и вдруг военный губернатор Петербурга, правая рука Керенского, отец когда-то говорил, что без малого диктатор всей России!

– В итоге самоубился в большевистской тюрьме. Или убили, чтоб лишнего не болтал.

– Всё равно, потомки его не забудут!

– Плохо ты их знаешь... – проворчал я в ответ.

– Оба они убивали, бомбами, для революции, а потом и для

---

[91] Маяковский покончил самоубийством 14 апреля 1930 года.

себя – я вчера перечитала «Бледного коня». Всё – правда, на самом деле правда, жизнь после встречи в поезде мне чудится сном. Будто пришла в этот мир, чтобы умереть или убить. Нет, не так. Прервать чью-то жизнь, а затем умереть. Меня отравляет ненависть, понимаешь, я ведь любить... Уже не смогу никогда. А раз так... Ты прав, верно, сам не понимаешь, насколько ты прав: зачем мне слава без смерти? Возмездие? Но ты скажи, можно ли вообще так жить, без прощения и покаяния? Неужели для жизни надо научиться убивать... Для себя? Стать, как они?

– Постой, постой! Зачем такие крайности?! Достаточно вовремя остановиться!

– Остановиться? Ты серьезно? Нет же, опять лукавишь! Дай подумать... Но не жди, присаживайся, поешь пока. Картошку бери и икру. Она «задумываться» начала, так я её перемыла всю, но сегодня обязательно доесть надо!

Как тут спорить?

Гибкий ум, неженская логика и тяжёлый сумрак Достоевщины с его «тварью», наложенный на метания «революсьонных» бомбистов.

От Мессии к Дьяволу и обратно, со всеми остановками. Поход не за результатом, не убивать, и даже не умирать.

Это путешествие внутрь себя, по прочитанному, услышанному, пережитому, во второй, третий, десятый и сотый раз. Маршрут, на котором потерять разум так же легко, как выпить стакан водки.

Каков всё же подлец Блюмкин!

Походя залил адский коктейль в механизм поворота истории.

Зачем?!

Мы прекрасно можем обойтись вдвоём!

Но бывшему чекисту наплевать. Он во что бы то ни стало хочет замазать девушку в «бадабум», требует хоть малую, но личную лепту.

Смешно...

Как будто следователям – если вдруг до них дойдёт – будет хоть какое-то дело до тонкостей.

Мне проще – страсти давно выгорели...

Нет личной ненависти, скорее, мной движет то самое

нудное злое чувство, с которым приходится чинить сломавшийся в ночи унитаз. Отсутствие эмоций, минимум рисков, максимум вероятности поражения цели.

Просто сделать и забыть...

Когда-то я уцепился за эти слова и продолжаю держаться за них, как за маяк.

Работа попаданца в прошлое – жизнь или смерть. Он врач у постели больной истории.

Долго и старательно я искал вариант с «жизнью» – не вышло...

Блюмкин обещал, клялся, но, по-моему, даже не попробовал. Ему нравится убивать. Он тоже читал проклятых «коней» Савинкова.

Поэтому – будет «смерть».

Даже чужая – страшный выбор, но иного у меня нет.

Александра тяжело вздыхает. Под тонкой тканью сорочки её грудь ходит порывисто и глубоко.

– Ты купишь мне пистолет? Маленький такой, но надёжный?

О время!

Что ты с нами делаешь?!

– Бомбой бы вас всех, безусловно! Атомной![92]

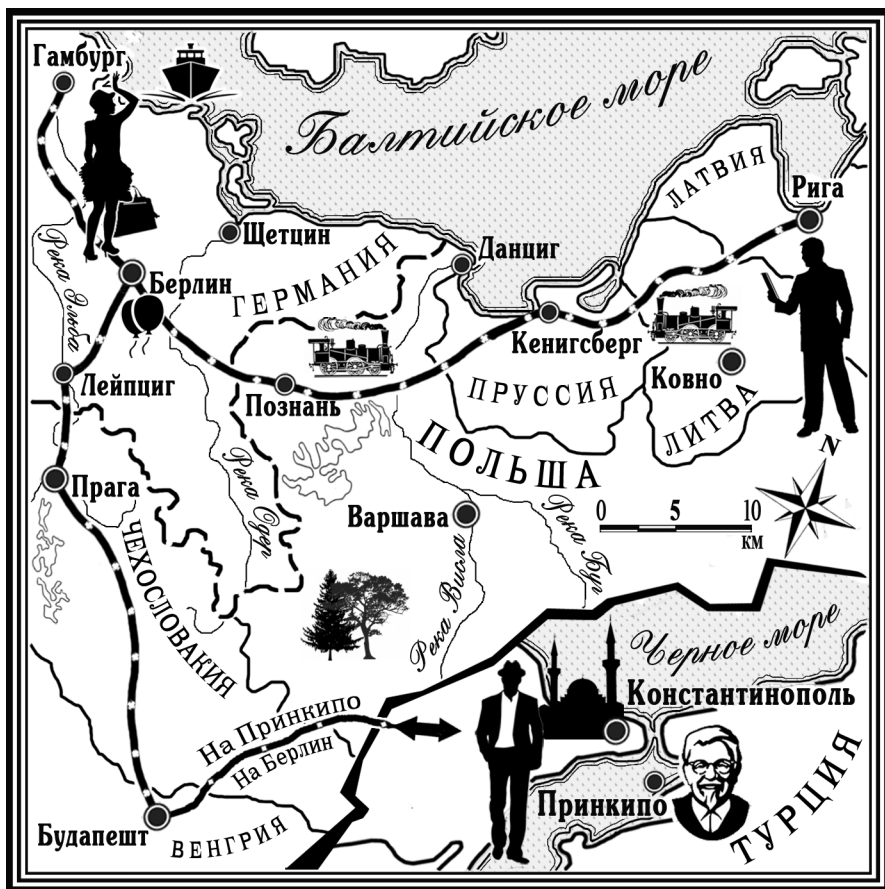
---

[92] Дополненная цитата из «Коня бледного» Б. Савинкова.

6. ПЕРЕКРЁСТОК ИДЕЙ

Рига. Июль 1929 года

Год до рождения нового мира

Огромное закатное солнце медленно тонуло за неровной стеной домов. Страшно далеко по меркам астрономии и вместе с тем совсем рядом, где-то в районе Рижского порта. Багровые

отсветы пятнали высокий потолок, мягко растекались по обоям, а в завершение – растворялись на золотистом сиянии дубового паркета арендованной квартиры. Несоразмерно дорогой и совсем ненужной, но – положение обязывает.

Глава солидного биржевого аналитического агентства «The Wave Principle» не может позволить себе перебиваться дешёвыми клоповниками. Только полноценное жильё в новой, недавно отстроенной пятиэтажке по улице Кришьяна Вальдемара.

Позади полтора месяца упорной работы. На кону остаток франкфуртского клада. Завтра – край послезавтра – ответ на вечный вопрос: быть мне с деньгами или без оных. Иначе говоря, продолжать игру за перелом советской истории или на десяток лет забиться в стонущую под гнётом великой депрессии, но всё же сытую глушь Вирджинии – писать футуристические романы да зарабатывать стартовый капитал.

Как я докатился до преступной авантюры?

* * *

После успешного, но, мягко говоря, недешёвого вояжа за смартфоном в большевистский Ленинград пришла пора исполнять обещание – рентовать Марте приличную лавку с репутацией и товаром.

Тут-то и выяснилось страшное: денег нет. Не сказать, что совсем нет, но приобрести за оставшиеся тридцать тысяч марок устойчивый бизнес в Берлине никак не получалось. От забегаловки в Гамбурге – несбыточной мечты былых дней – Марта каждую ночь энергично отказывалась.

Стимуляция воображения оказалась не напрасной – используемые в процессе изделия фабрики герра Фромма натолкнули меня на следующую идею: производство и продажу латексных воздушных шариков[93].

Встреча с презервативным магнатом прошла конструктивно. Он не забыл странного эмигранта и полученную за счёт его

---

[93] *Современные латексные воздушные шарики начал производить в 1931 году Нейл Тайлотсон. Его компания имела огромный успех.*

инновации прибыль, поэтому согласился за свой счёт изготовить технологическую оснастку и опытные образцы новой непрофильной продукции.

Дело оставалось за малым...

Мы с Мартой учредили в равных долях компанию с нехитрым названием «Kinderluftballons», а затем – занялись открытием торговых точек. Сразу трёх – несложный расчёт показывал, что меньшего количества на достойную жизнь попросту не хватит.

Затраты рисовались вполне посильными – я рассчитывал уложить весь проект в десять тысяч марок. Знай я тогда – хоть примерно! – как чудовищно затратен процесс, то не размахнулся бы так широко...

Но бесчисленные мелочи затягивали в свои жернова медленно: день за днём, марку за маркой. Мы постоянно спотыкались на скрытых платежах, лгущих прямо в лицо подрядчиках, бракованных витринах, криворуких сотрудниках. Красной строкой в бюджете прошли немецкие бюрократы, российские чиновники следующего века по сравнению с ними – суть невинные младенцы. Везде хоть немного, да заплати, подтолкни, объясни, надави.

Чего стоила одна лишь проблема с гелием...

Мне как-то попалась заметка об участии наполненных им дирижаблей в Первой мировой[94], так что особых сложностей с поставками не ожидал.

Кто же знал, что чуть ли не единственный промышленный производитель – Соединённые Штаты?

Им несказанно повезло – месторождения природного газа содержат аж несколько процентов гелия, чуть не в сто раз больше, чем у большинства европейских коллег.

Однако в Германию продавать стратегическое сырьё категорически запрещено.

То есть разоружили немцев по Версальскому миру качественно, однако бояться всё равно не перестали – добывают тяжёлое дирижаблестроение с помощью эмбарго.

---

[94] ГГ ошибается, первый в мире наполненный гелием дирижабль, был изготовлен в 1921 году. Им был американский «С-7».

Пришлось заказывать баллоны для заправки шариков контрабандой из Бельгии.[95]

Наши смешные количества никого всерьёз не интересовали, но неприятно удивила конечная цена. В итоге «Непостижимое и чудовищное»[96] вытрясло из моих карманов ровно втрое больше запланированного. Проще говоря – все, до последней сотни марок.

Для оплаты аренды первой точки в торговом центре «Wertheim» Марта заложила в ломбарде советских соболей. Обеспечительный платёж – тысяча марок, столько же вынь да положь за первый месяц.

Однако дело того определённо стоило...

Под жадные крики киндеров фрау и герры расхватывали перевитые в фигурки зверюшек «сосиски» так, что пришлось ставить за прилавок сразу несколько продавщиц.

Уходило три-пять сотен шариков в день, по двадцать пять пфеннигов, что сравнимо с ценой булки белого хлеба. Месячный оборот – под три тысячи марок, или почти тысяча чистой прибыли. Невероятно, фантастически много!

Марта чертила таблицы по завоеванию Франкфурта, Парижа и Вены, кривая доходов загибалась вверх подобно количеству пользователей «Фейсбука». Наш банковский счёт лет через пять грозил посрамить состояние семьи Ротшильдов.

Вот только время...

Время нам выпало очень уж неудачное...

Учебники истории 21-го века недвусмысленно подсказывали – уже через год берлинцам станет не до развлечений. Через два – о продаже шариков лучше забыть. Глупо рассчитывать на сбыт детской чепухи, когда в стране половина мужчин сидит без работы.

---

[95] «Helium Control Act» от 1927 года. Кстати, печально известный дирижабль «Гинденбург» (в постройке с 1931 года) изначально проектировали под гелий (до прихода к власти НСДАП были надежды на снятие эмбарго), но позже его переделали под водород.

[96] Название главы романа Джека Лондона «Путешествие на Снарке», в котором он сталкивается с похожими финансовыми проблемами.

Ближе к маю я начал осознавать масштаб своей ошибки. Продать бизнес до «чёрного четверга» 24 октября 1929 года малореально.

Во-первых, упрётся практическая Марта, что ей рассказы о каком-то там кризисе в Нью-Йорке?

Во-вторых, найти нормального покупателя не так и просто. Не привыкли тут к диким «стартапным» скоростям, любой инвестор для начала потребует хотя бы годовой отчёт. И будет совершенно прав, кстати сказать.

Олдскульное, оффлайновое дело не способно долго расти по гиперболе. Масштабирование затратно, то есть каждая новая точка требует перед стартом вложения как минимум своего полугодового дохода.

И ладно бы всё упиралось в деньги, но нет, ещё нужны люди и время.

Вдобавок конкуренты не дремлют. Пока они предпочитают занимать свободные территории, но это ненадолго. Скоро мы столкнёмся лоб в лоб, столкнёмся ценой.

Таким образом, выходить на биржу во время Великой депрессии придётся не более чем с десятком тысяч марок – более выдернуть из «Kinderluftballons» не удастся при всём желании.

Много это или мало?

Совсем недавно, ещё прошлой осенью, я не сомневался – подобного капитала более чем достаточно.

Логика событий выглядела просто...

Во время первого биржевого краха «Доу-Джонс» гарантированно рухнет в разы. Если поставить на него с обычным для интернет-трейдеров кредитным плечом[97] один к ста, то можно без особого риска выручить около миллиона. Далее, имея перед глазами хотя бы приблизительный график, даже самый пустоголовый брокер сумеет за несколько лет довести состояние до размера, позволяющего реально влиять на судьбу мира.

Точные цифры из учебников 21-го века – совместно с

---

[97] Имеется в виду финансовый левверидж, сейчас для форекс-трейдинга он обычно составляет 1:100. Но ГГ просто не в курсе, что обычное «плечо» для фондового рынка сейчас составляет 1:2 – 1:5. То, примерно, так же, как в 30-х годах.

технологическим примитивизмом текущей реальности – разнесли в песок и щебень простой план обогащения.

«Чёрный четверг» навсегда станет синонимом крушения эпохи процветания, однако индекс в этот день обвалится всего лишь на «ужасающие» одиннадцать процентов. Голубые фишки – того меньше, некоторые даже умудряются подрасти. В целом за неделю падение составит «кошмарные» сорок процентов. Затем, чуть не на полгода, начнётся медленный восстановительный рост. Совсем нестрашно на фоне РТС[98], который в конце 2008 года упал в пять раз, да так толком и не поднялся до моего провала в прошлое.

Нельзя сыграть и количеством: занять на один свой доллар сотню чужих под залог акций – как это делают на «Форексе» будущего – попросту невозможно. Причина чисто техническая: в Берлине 1929 года – впрочем, как и во всём мире – товары и бумаги покупают и продают с голоса. Совершенно буквально: брокеры, помогая себе хитрой жестикующей, выкрикивают предложения у биржевой стойки, распоряжения же получают через телефон или с ленты телеграфа.

Реакция такой примитивной системы занимает в лучшем случае минуты[99]. В результате приемлемой точностью исполнения заявок считают несколько процентов.

Что это значит в деньгах?

Для торговли «на свои» разница в один процент мало заметна. Но с кредитом, когда клиент открывает позицию в сотню раз больше своего депозита, промах на всё тот же один процент ведёт к немедленному исчерпанию залоговых средств клиента и убыткам брокера.

Поэтому никто в здравом уме и твёрдой памяти не станет добавлять к доллару новичка более двух-трёх своих. Более того, подобные махинации прямо запрещены правилами.

Итого, со своими жалкими десятью тысячами и вероятными двадцатью кредитными в «Чёрный четверг» я получу всего три тысячи прибыли. Повторив операцию несколько раз, деньги можно удвоить или утроить.

---

[98] *Индекс РТС (RTSI, RTS Index) – фондовый индекс, основной индикатор фондового рынка.*

[99] *Во время «Чёрного четверга» котировки отставали от реального времени аж на два часа.*

Однако о миллионах лучше забыть сразу и навсегда.

Не видно сказочного богатства и со стороны «Kinderluftballons»...

По прикидкам к осени 1930 её цена едва ли превысит семьдесят тысяч марок. Ведь ничего по-настоящему оригинального у нас нет. Итого, при большой удаче, мы получим «за всё» где-то около тридцати тысяч долларов.

Роскошный куш по меркам Марты – половины ей с запасом хватит на обустройство где-нибудь в Балтиморе. Но для разворота истории СССР на новый путь – смешные гроши...

В отчаянии я пустился во все тяжкие...

Снял на час студию звукозаписи и без лишних свидетелей нарезал на пластинку «The Great Pretender» и «Wind of Change» с диска «величайших хитов».

Продюсер вежливо выслушал, покивал головой и пообещал связаться со мной позже. На лице ясно читалось: «как же меня задолбали любители безумной какофонии!».

Следующим ходом – перепечатал и отправил в издательство случайно завалявшийся на флешке телефона книгу «1984» Оруэлла.

Получил в ответ чуть прикрытое политкорректными оборотами пожелание «засунуть свой скотский «новояз» в самое глубокое душло и никогда оттуда не вытаскивать».

Заняться бы пиаром и рекламой, нанять переводчика, стенографистку, машинистку, адаптировать под текущую реальность кучу текстов или треков. Завести серьёзное аналитическое издание. Ни грамма не сомневаюсь, на этом пути меня ждёт изрядный успех, но...

«Kinderluftballons» жрала время почище, чем юристы – деньги...

Частенько мы с Мартой добирались до кровати ближе к ночи и просто засыпали рядом друг с другом.

Казалось, что весь мир ополчился против. Обстоятельства настойчиво толкали на лёгкий путь: что если история вообще неизменна, а любая попытка заранее обречена на провал?

Всё изменил давний знакомый, господин Ларионов...

Нет, он не вскрыл инкогнито герра Кирхмайера – а всего

лишь совместил высказанную мной идею по забросу антибольшевистской пропаганды в Ленинград с моими же воздушными шарами[100].

Вернее сказать, изделия из латекса он заказал свои – побольше, поглубже, не такой вычурной формы. В дополнение к ним запустил в мелкосерийное производство примитивный механический таймер, способный по истечении заданного времени «отпустить ниточку».

Остальное оказалось делом техники...

Выждав подходящий ветер, бравый капитан вышел из Териоки поближе к Кронштадту на какой-то каботажной шаланде. С её борта он и запустил в сторону Ленинграда аж три сотни летающих «спам-боксов», каждый чуть менее фунта весом.

Уже через час чекисты в панике метались по улицам северной столицы – с пустого неба тут и там нескончаемым потоком валились листовки.

Небольшие, размером с игральную карту, они были напечатаны с двух сторон на тонкой, но прочной водоотталкивающей бумаге, по верхнему краю шло яркое трёхполосие российского флага.

Небывалое зрелище привлекало каждого – прохожие гонялись за бумажками, как за дорогими подарками. Заполучив в свои руки – с удивлением рассматривали табличку «сравнение цен и заработков за границей и России», хмыкали над объяснением «у большевиков кончается царское золото, теперь ради мировой революции будут грабить своих», задумывались над прогнозом «скоро грядёт страшный голод».

Своего читателя нашла хорошо если сотая часть из четверти миллиона отправленных прокламаций. Жалкие крохи для миллионного Ленинграда.

Однако слухи и пересуды быстро превратили досадный для властей перформанс в событие большой политики. Уж очень острый подобрался момент...

---

[100] Главный герой преувеличивает свою роль. Впервые использовать аэростаты в целях пропаганды предлагали в 1794 г. Парижские коммунары в 1871 забрасывали с аэростатов листовками осаждавших город солдат.

Разверни Ларионов свою программу на пару лет раньше – граждане СССР над ним бы только посмеялись.

Личные письма тогда не досматривались вообще, а зарубежная пресса была доступна по подписке любому и каждому[101]. Цензура спорадически выхватывала с почты лишь откровенно антисоветские материалы. И то, на мой взгляд, напрасно – члены Политбюро собачились друг с другом на страницах «Правды» пуще, чем с бывшими врагами.

Да и поездки за рубеж выходили относительно доступными, или, по крайней мере, казались таковыми. Хотя на практике через проверку в ГПУ и поручительство двух граждан СССР[102] проходили далеко не все.

К 1929 году правила жизни в социалистическом мире изменились кардинально.

Ввоз новой периодики запрещён полностью, старые газеты и журналы старательно вычесаны из библиотек. Научная и техническая литература ограничена самыми далёкими от политики темами. Частная переписка поставлена под негласный, но тотальный контроль.

«Информационный колпак» был надет настолько плотно, что даже руководители высшего звена получают свежие мировые новости исключительно через идиотский еженедельный дайджест[103].

Немотивированный выезд за пределы страны перешёл в разряд пустых фантазий, для пересечения границы требуется санкция на уровне одного из девяти крупнейших обкомов партии.

С другой стороны – запусти бравый капитан свои шары на пару лет позже, то попал бы в разгар Великой депрессии. Двадцати-тридцатипроцентная берлинская безработица,

---

[101] Свободная подписка на зарубежную прессу была официально запрещена в 1927 году. Но сворачивание доступа началось с 1925-го года, например, в 1925 в СССР ввезли 83 890 номеров газет и журналов, в 1926 – только 8 017.

[102] Такой порядок был установлен в 1922 году.

[103] Речь о еженедельнике «Сводки белоэмигрантской прессы». Кстати, уже с марта 1930 он был закрыт в пользу «Бюллетеня заграничной печати» – в котором давался только краткий пересказ зарубежных источников.

накат фашизма, массовые демонстрации – крайне плохие аргументы в идеологической борьбе. Денег на «благородное дело борьбы с мировым большевизмом» никто не даст – выжить бы самим.

А далее, году к тридцать пятому, станет окончательно поздно. В сознании советских людей прочно закрепится состояние осаждённой крепости.

Листовки станут восприниматься примерно, как весточки из соседней галактики, смертельно опасные и абсолютно непонятные.

А вот теперь, летом 1929-го – самое то.

В наличии: очереди, рост цен, угроза голода – падение жизненного уровня очевидно и понятно каждому. У ленинградцев появилась веская причина задавать вопросы, а вот животный страх от одного только вида клочка бумаги с текстом на иностранном языке укорениться не успел.

Поэтому эффект превзошёл все немыслимые фантазии: через неделю большевики взвыли, будто у них разбомбили Воронеж и Кострому.

Возмущённые петиции полетели в Париж и почему-то Лондон.

В Хельсинки – ещё и угрозы.

Северную столицу – и на всякий случай Москву – захлестнула волна митингов, журналисты и карикатуристы соревновались в издевательствах над «бессмысленной агонией гидры империализма».

Чекисты грозили Соловками всем, кто только осмелился прикоснуться к вражеской бумажке.

Наркоминдел, вбухав шальные деньги в симметричный ответ, то есть в печать аналогичных по качеству листовок на одной из берлинских типографий, только обогатил производителей шариков и бразильских владельцев плантаций каучуконосов.

Но первый же опыт показал тщетность усилий – «недалёкие» финны натурально ржали над рекламой «неизбежно грядущего коммунизма».

Судорожные метания не остались без внимания.

– Большевики въ ужась! – обрадовались РОВСовские функционеры. – Такъ побъдимъ!

И стряхнули пыль со спонсорских контрактов, благо, на латекс, таймеры и водород у Ларионова ушло всего-то пятьсот долларов.

Генерал Кутепов выступил с горячей речью в поддержку изобретательных господ-офицеров, призвав не жалеть денежных средств на «слова правды».

В результате красивые бумажки начали засыпать не только Ленинград, но ещё и близкие к западной границе Минск с Одессой – желающих поглумиться над Советами хватало как в Румынии, так и в Польше[104].

Ощутимого эффекта, впрочем, никак не выходило. СССР не думал разваливаться.

Зато для меня перевернулся весь мир. Окончательно и бесповоротно стало ясно – историю менять можно, а значит – нужно...

– Б-з-з! – телефонный звонок как нарочно поставил точку в размышлениях на тему смысла жизни. – Б-з-з!

– Алло? – я добрался аппарата ещё до третьего «б-з-з!».

– Они согласились! – моя рука невольно отдернула телефонную трубку подальше от уха.

Голосистый попался клерк. Он же – знающий как минимум пять языков переводчик с простым, но древним именем Владимир, а в жизни – доверчивый парень из недавно графской, а теперь эмигрантской семьи. Всё ещё штудирует якобы мою книгу и непоколебимо верит в уникальную методику биржевой игры от «The Wave Principle». Надеюсь, горькая правда не погубит в нём веру во всё человечество.

Захлёбывающийся от радости голос продолжил:

– Принесли с телеграфа срочную ленту, только что из Лондона!

– Сколько на этот раз? – я подпустил в голос толику холода.

Хорошо, что клерк не может видеть выражение восторга на моём лице.

Телеграф тут примерно используется как «факс» или

---

[104] В реальной истории с весны 1954 до ноября 1956 г. из Европы в сторону стран соцлагеря было отправлено почти 600 000 аэростатов с 300 000 000 листовок.

«е-майл» в будущем – при заключении сделок практически в роли официального документа. Поэтому «отбить на ленте» – практически то же самое, что поставить печать.

– Они готовы для пробы купить минимальный пакет из пяти акций.

– Разумный выбор, – одобрил я. – Отбей им наше согласие завтра прямо с утра, а по телефону, пожалуйста, напомни, что обещанные девяносто три процента распространяются только на «голубые фишки»[105].

– Сделаю в лучшем виде, мистер Эбегнейл[106]!

Ну вот, даже не надо ждать утра...

Долгая игра закончена, осталось получить деньги и раствориться в пространственно-временном континууме европейского интербеллума.

Преступление?

Увы...

Angry birds...

Остаётся утешать себя тем, что небольшая математическая афера – ничуть не худший криминал, чем игра на бирже по историческим графикам, а ожидаемые шестьдесят тысяч долларов не разорят крупного брокера.

Да что там, ставлю будущую тридцатиметровую яхту против краюхи черняшки – они ещё заплатят столько же за сам секрет.

Только на сей раз уже не мне, а через надёжного поверенного – в пользу благотворительного эмигрантского фонда.

Смею надеяться, простота замысла их не слишком разочарует...

Всё началось с перетряхивания смартфона на предмет относящихся к бирже книг...

Среди кучи хлама самым объёмным и богато иллюстрированным оказалось творение Ральфа Эллиотта «Волновой

---

[105] *Акции наиболее крупных компаний. Термин используется с октября 1928 года.*

[106] *Фамилия главного героя из фильма «Поймай меня, если сможешь».*

принцип»[107]. Графики, формулы – ничего не понятно, зато выглядит научно, а значит, годится на роль «вишенки на торт» с наживкой.

Правка текста на предмет фамилий и дат много времени не заняла, механизм обкатан на Оруэлле. Сделать качественные фотографии с экрана ещё проще. Более ничего полиграфистам не требуется.

Всего за восемьсот марок я получил сотню экземпляров превосходных книг за авторством Фрэнка Эбегнейла. Оставалось добавить многоязычные рекламные буклеты, визитки с золотым тиснением и разослать по ведущим брокерским конторам Европы.

Но перед этим – выбрать место.

Нарушать закон желательно подальше от Германии и её бдительных полицейских.

Рига – полный авантюристов всех мастей «маленький Париж» – подошла как нельзя лучше. Ехать недалеко, уже есть открытая годовая виза, вместе с тем – там всё ещё сильны российские имперские традиции, иначе говоря, чиновники с уважением относятся к коррупции. Плюс важный момент – никого не напрягает не только русский акцент, но и сам по себе русский язык.

Так я оказался в столице настоящей и будущей Латвии...

Обустройство много времени не заняло. С фальшивым удостоверением личности связываться не стал: проще оказалось найти номинального владельца – выжившего из ума старика благородной наружности. Чуть приодеть, заучить пару фраз, подготовить слезливую историю о себе, как великом, но разорившемся биржевом игроке...

Бюрократы и банкиры понимающе хмыкали, мысленно навешивая на меня не выплаченные где-то в Париже долги. Документы не просили, сразу намекали на небольшое вознаграждение.

Консультационное бюро «The Wave Principle» открылось скромно, но со вкусом. Небольшой офис на улице Вальню, что идёт от Пороховой башни. Бездельничающая секретарша,

---

[107] Данный труд был впервые издан в 1938 году, предложенная теория до сих пор актуальна.

деловитый клерк и вечно отсутствующий начальник. Всё по заветам незабвенного Остапа Ибрагимовича.

Ещё в Берлине я составил список будущих жертв: сотню брокерских контор. От лица компании мы разослали им книги и буклеты.

Выждав положенное на доставку время, Владимир принялся названивать им по телефону, а нащупав контакт – предлагал за большие деньги купить услуги по прогнозу курса акций.

Понятное дело, что никто не согласился.

Однако на данном этапе ничего подобного не требовалось. Напротив, мой клерк-полиглот тут же предлагал «пробник» – получить совершенно бесплатное предсказание по какой-нибудь позиции, например – «General Electric».

От халявы редко отказываются – обещания надо исполнять...

Прогноз был «отбит» лично мной, причём, с небольшим нюансом – одной половине списка заявлено повышение курса, другое – понижение.

На следующий день Владимир связался только с теми, кто получил правильную информацию. Затем я повторил процесс по бумагам «АТ&Т», разделив пополам оставшихся брокеров...

На третьем ходу авантюры в активе нашей компании имелось восемь брокеров, получивших правильный прогноз три дня подряд. В пассиве – десяток гневных звонков, изрядно попортивших настроение секретарше, которой пришлось извиняться, мол, «методика экспериментальная, мы постоянно работаем над её совершенствованием и обязательно свяжемся с вами чуть позже...».

Математика неумолима, и пятая итерация заставила меня провести серьёзные разговоры с оставшимся двумя «счастливыми». Шутка ли, безошибочный прогноз пять раз подряд?!

Торг шёл жестокий!

Но я твёрдо стоял на стартовой цене в шестьдесят тысяч, не уступая и цента. Возможно, напрасно – не сговариваясь, оба претендента взяли тайм-аут.

Не иначе, решили тщательно изучить присланную книгу, а то и посмотреть на дела «The Wave Principle» вблизи.

Всё решил шестой ход...

Перед «проигравшим» я извинился персонально. В конце концов, мы обещали только девяносто три процента, а никак не сто. Так что расстались на позитиве – «если вы предоставите верную информацию ещё два раза, мы непременно заключим с вами контракт». Маленький шанс на крайний случай – угадать два раза подряд в общем-то реально без всяких трюков.

Не пригодилось.

А «победитель» задумался, и вот...

Сломался, сломался, сломался! [108]

Теперь дело за малым – уйти, не говоря слов «гуд бай».

* * *

Из патефона привокзальной кафешки неразборчиво брякал древний регтайм. Последние часы перед отправлением поезда, самое время подводить итоги...

Полученный чек я немедленно обратил в тысячедолларовые пятипроцентные «Mortgage bond of Western Railway Company». Пока это вполне осязаемые документы с симпатичными отрывными купончиками на каждый год, а не именные записи в электронной базе данных.

Странное действие для биржевого аналитика, но у всех свои причуды...

Если кто из служащих и подозревал неладное – острые углы сгладила аренда сейфовой ячейки. Надеюсь, полицейские не обидятся, когда обнаружат в ней лишь один из последних экземпляров книги о волновых принципах.

Держать в неизвестности обманутого брокера не стал. Честно отбил телеграмму: «К сожалению, я несколько преувеличил возможности теории. Последнее исследование показало вероятность правильного предсказания всего в 50%. То есть – можно выиграть, а можно – проиграть. Прощайте. P. S. Если вы хотите узнать секрет прошлых прогнозов – свяжитесь с моим поверенным».

---

[108] *Описанный способ был применён на практике в 50-х годах. Успешно.*

Сегодня – совесть спокойна, деньги – в кармане, солнце – на небе, кофе – на столе. А вот радости нет.

Груз ответственности...

Несладок и неприятен.

Страшен соблазн – послать орлов с кольцом послёзнания в сторону Ородруина, а самому махнуть на Заокраинный Запад в Валинор-Вирджинию, но...

Но больше похоже, что я уже встал на предназначенный судьбой путь. Осталось получить поддержку эльфийского владыки, сколотить братство и отловить садовницу. Вопрос, собственно, один: где искать Ривенделл?

Отдать «мою прелесть» засевающим в Кремле большевикам?

Вот они обрадуются!

Тут же откажутся от ложной доктрины мировой революции, отложат лет эдак на полсотни коллективизацию, распустят каэров с Соловков, а Гитлера подкупят и отправят с оказией в Бразилию – писать с природы весенние разливы Амазонки[109].

Ха-ха...

Удручающе реальны советские танки на берегу Ла-Манша и фонащие радиацией руины Москвы, Парижа, Лондона.

Довериться белой эмиграции?

У этих ребят вообще не просматривается позитивных сценариев!

Или ждать лет пятьдесят, или возвращаться в обозе оккупантов – к выжженной пустыне на месте родных очагов. Ведь читателей «Правды» – как и любых религиозных фанатиков – нельзя сломить силой оружия, только уничтожить.

Хотя...

Есть одна узкая лазейка. А именно: жестокая, но конструктивная критика социалистической экономики без политических обвинений коммунизма и коммунистов, примерно как в Китае, в сочетании с мирным перетаскиванием ведущих экономик мира через Великую депрессию – возможно посредством мирного ленд-лиза – в многополярный глобализм. Выглядит до крайности заманчиво...

Есть ли среди экспатов гиганты мысли, которым по плечу эдакая сверхзадача?

---

[109] Автор знает, что Амазонка расположена в тропиках.

Вытянул из-под блюда с булочками свежий номер «Часового» – в образе Фрэнка Эбегнейла я избегал покупок подобных журналов.

С парадной стороны – государь-император со свитой на Освободительной войне 1877 года. Обратная радуется рекламой «омоложение и льчение организма» посредством порошка «Калефлюидъ».

В середке, исходя из прошлого опыта, надо ждать охапку приказов по неправдоподобно длинному списку армейских корпусов РОВС, идиотскую аналитику о значении танков в грядущей войне, а также поросшие мхом воспоминания о бывших баталиях.

Говоря иными словами, читать нечего, но заголовки посмотреть полезно.

«Исторіи російскихъ полковъ» – вечный сериал, тянущийся аж от первого Романова.

«Портретная галерея міровой войны» – сравнение недавно усопшего Фоша и балансирующего на грани уголовного скандала старика Гинденбурга.

«Какой флотъ нуженъ Россіи» – по-детски наивный проект не просто великого, но великодержавного владычества над четырьмя морскими театрами.

На следующей странице – «Конецъ нашей эскадры». В Бизерте всё ещё пилят на патефонные иголки ушедшие из Севастополя остатки Российского Императорского Флота.

Далее – «Въ логовъ врага»...

– Опять?! – я не удержался от восклицания. – Ну ты даёшь, Ларионов!

Две странички разворота пролетели перед глазами за мгновения. Следующее, куда более вдумчивое прочтение заняло не один десяток минут.

Если говорить кратко, то бравый РОВСовец решил последовать ещё одному моему совету: напасть на советский концлагерь в районе Белого моря.[110]

---

[110] Идея не оригинальна. В 1940 году начальник штаба французского флота Жан Дарлан писал премьеру Даладье: «... в районе Мурманска и в Карелии содержатся тысячи политических ссыльных, и обитатели тамошних концентрационных лагерей готовы восстать против угнетателей...».

План капитан разработал предельно простой и дерзкий: долететь на гидросамолёте до Белого моря; по возможности скрытно высадиться неподалёку от печально известной Кемской пересылки; сбить немногочисленную охрану; а затем уже с помощью заключённых захватить Кемь и контроль над мурманской железной дорогой.

При большой удаче и широкой поддержке уставшего от новой власти населения – поднять мятеж, способный положить начало Великому Освободительному Походу против засевших в Кремле евреев-большевиков. В случае серьёзного сопротивления – пробиваться на запад.

На экипировке Ларионов на этот раз не экономил – в

качестве личного оружия закупил неприлично дорогие маузеры, основным поставил ручные пулемёты Браунинга[111]. Отобрал из офицеров-добровольцев десяток хороших бойцов. Провёл полевые тренировки. Предусмотрел взрывчатку, взрыватели, гранаты, медикаменты, специальное питание и «стопятьсот» иных мелочей. Арендовал двухмоторную летающую лодку «Dornier Whale», способную тащить почти две тонны полезной нагрузки – как раз на десяток полностью экипированных диверсантов.

Ничто не должно было помешать победе...

Кроме пятой колонны «красных» осведомителей, пронизывающей структуру РОВС чуть более чем полностью. ГПУшники знали о предстоящем теракте всё, вплоть до мельчайших деталей. Соответственно и готовились – вытянули в окрестности Кеми батальон РККА с тяжёлым вооружением и чекистов – без счёта.

Всевышний хранит пьяных и дураков: сложно сказать, кого он спас в данном случае.

Но факт остаётся фактом – штурмана в полёт не взяли из-за перегруза, а пилот каким-то образом умудрился отклониться на полсотни километров южнее, перепутать реки Кемь и Выг, а затем – Кемский пересыльный лагерь с посёлком лесопильщиков имени расстрелянного интервентами рабочего Солунина[112]. В результате Ларионов со товарищи оказался вовсе не там, где рассчитывал, но понял это далеко не сразу...

В советской Карелии лесопилки и заключённые без друг друга не обходятся. К ним в комплект нашлись и вооружённые вохровцы, и красноармейцы-охранники.

Видя малочисленность атакующих, они, было, приняли бой. Но против десятка пулемётных стволов не сдюжили, быстро отступили в сторону станции.

Преследовать их Ларионов не стал – в первую очередь

---

[111] «Браунинг М1918» был разработан специально для пехотинцев, идущих в атаку, его вес составлял от 7 до 10 килограммов (в зависимости от модификации).

[112] В настоящее время на этом месте стоит городок Беломорск (с 1938 года), он же конечная точка Беломор-Балтийского канала. Но в 1929 году это всего лишь небольшой посёлок рядом со станцией Мурманской ЖД.

ринулся освобождать несчастных узников из имевшихся в избытке вонючих лагерных бараков...

Три четверти «спасённых» оказались обычными вольнонаёмными рабочими.

Расстроиться капитан не успел – нашлись доброты из местных, подсказали: «Третьего дня через нас состав солдатух провезли, не иначе беляков ловить». Сложить два плюс два особого труда не составило, поэтому на митинг с объявлением свободной Карельской республики боевики РОВС задерживаться не стали.

Охотников с боями прорываться в Финляндию обнаружилось не больше дюжины. Но сперва пришлось расчистить путь через станцию Сорокская.

Вот тут-то и разгорелся серьёзный бой – «момент был решительный»!

Большевики успели укрепиться и стояли насмерть.

Один из офицеров погиб, многих ранили, в их числе – Ларионова. Но класс и превосходство в вооружении скоро взяли своё – через три четверти часа последних комиссаров забросали гранатами в здании вокзала.

Лошадей, крестьянушек, телеги и подвернувшееся под руку продовольствие реквизировали, захваченное с боя оружие раздали внушающим доверие «зэка» из «бывших». Подожгли склады и стоящие под погрузкой вагоны, подорвали пилораму, железнодорожные пути, разнесли станционный телеграфный аппарат, повалили столбы.

Покончив с нанесением невосполнимого ущерба советской власти – отправились на запад по тракту республиканского значения – суть обычной грунтовке.

Первое время никто и ничто не мешало движению обоза.

Лениво сменяли друг друга бесконечные болота, озёра, леса... Места глухие, от деревеньки до деревеньки – чуть ли не дневной переход, жителей – хорошо если на пару десятков изб наберётся.

Предупреждённые слухами активисты уходили в лес, продовольствие на всякий случай пряталось.

Охранники редких лагерных «командировок»[113]

---

[113] Отдельные места работ, которых в Карелии насчитывались по меньшей мере несколько сотен.

бросали спецконтингент без борьбы, так что отряд быстро разросся до двух сотен человек.

На четвёртую ночёвку Ларионов остановился в местном райцентре, а точнее – в только что отстроенной больнице села Ругозеро. Главврач встретил офицеров как своих, помог разместиться и обеспечил медпомощь. Захват государственного продмага позволил забыть о голоде. Только уголовники умудрились подпортить идиллию: разгромили аптеку и добрались до спирта. Но их малочисленность и усталость спасла жителей от насилия, а капитана – от пятна на репутации.

Утро началось с бешеной пальбы – неполный взвод пограничников совершил невозможное: поднялся на лодках из Выга по Онде и перерезал «ретирадное шоссе». Неожиданность, уверенность в своих силах, огромный опыт... Раньше этого хватало. Но теперь к отчаянной решимости «бывших» добавилась превосходная огневая поддержка.

Красных прижали к земле пулемётами и смяли беспощадной контратакой.

Победа оказалась пирровой – убитых и раненных изрядно добавилось, а патроны фактически иссякли. Начался драп. Главврач с женой и детьми уходили вместе с отрядом...

Быстро двигаться с обозом оказалось не просто. Уже на следующий день кавалерия РККА повисла на хвосте, от ментального разгрома спасал только категорически «антилопадиный» рельеф местности, начисто исключавший любую мысль об атаке с флангов.

К счастью для Ларионова до границы оставались считанные километры, а белые ночи позволяли без труда отбивать ночные атаки преследователей.

Пробиться с ходу через погранзаставу села Реболы[114] не удалось: против выставленного на подготовленную позицию «Максима» без артиллерии не пойдёт. Пришлось всё бросать и уходить пешком.

В ключьях предрассветного тумана, под спорадическим огнём большевиков, с грузом больных и раненых на плечах

---

[114] После революции крупное село Реболы решило присоединиться к Финляндии, которая обеспечила защиту – до батальона солдат. Но в 1920 СССР получил село – уже пустое – обратно в обмен на Петсамо (Печенга).

– по описанию Ларионова – очередной «решительный момент» выглядел былинным подвигом. В реальности, полагаю, господам офицерам банально повезло – на пути не попалось стоящего болота, озера или бурной полноводной реки...

– Удачливый сукин сын! – оторвался я от текста. – Надо бы послать ему в подарок «Скотный двор», не всё дрянь дешёвую на головы людей кидать с воздушных шариков.

Поддев на палец чашку кофе и чуть прикрыв глаза, я откинулся на спинку стула...

Бегство между деревьев под пулями чекистов, пот, кровь...

Чёрт возьми, как же приятны подобные воспоминания...

Вдали от карельской тайги!

– Простите, месье... – перед столиком как ниоткуда материализовался улыбающийся толстячок лет тридцати пяти. Мешая русские слова с французскими, он продолжил. – Не возражаете, если составлю вам компанию?

– Пожалуйста, присаживайтесь, – ответил я на языке Вольтера, медленно, но с удовольствием вспоминая старые тюремные уроки.

– О! Как можно было сомневаться? Конечно, вы говорите по-французски! – незнакомец кинул жалобно звякнувший саквояж на скоблённые доски пола и неуклюже взгромоздился на стул. – Позвольте мне представиться: Анри Тюпа, предприниматель.

– Э-э-э... Иван Петров.

Не вышли ли на мой горячий след частный детектив или того хуже шпион-чекист? Костюм мятый, но более чем приличный и точно в размер, хомбург не дешевле моего, на ногах изрядно запылённые, но настоящие английские вингтипсы.[115]

Ищейкам такое не потянуть! Да и не всякому разъездному коммивояжёру такой «прикид» не по карману...

– Хрым! – сдержанно хрюкнул в ответ толстячок, выказывая одновременно пренебрежение строгостью правил приличия и недурное понимание русских реалий.

Но всё же оспаривать явно выдуманное имя не стал, лишь

---

[115] *Хомбург (homburg)* – популярный в первой половине века фасон шляпы. *Вингтипсы (wingtip boots)* – мужская обувь с перфорированной фигурной накладкой на носке.

заметил с мягким укором:

– Мой поезд отправляется ближе к вечеру... Рад знакомству. Надо же...

Только я надумал съездить, посмотреть, чем дышат французы, прикинуть, можно ли их вовремя сподвигнуть на борьбу с набирающим силу фашизмом, а тут на ловца и зверь бежит.

Вскинул вверх руку, подзывая кельнера.

– Два кофе, пожалуйста, и что-нибудь перекусить. Мне и моему новому другу!

– О, месье!

– Просто обязан сделать для вас эту малость.

– Позвольте, позвольте!

Анри наклонился, едва не падая со стула, выволок из своего саквояжа и торжественно водрузил на столик изрядно початую бутылку.

– Ром? Ямайский? – удивился я, разглядев на этикетке серую полустёртую надпись. – О-го-го, вот это да! Аж семидесятого года!

– Большевики ни черта не понимают в алкоголе – купил его в Ленинграде буквально за копейки!

– Пожалуйста, принесите пару... Что-нибудь подходящее, – озадачил я кстати вернувшегося кельнера. – Ещё льда захватите, – вопросительно посмотрел на собеседника. – Или его лучше с соком?

– Ни в коем случае! – Анри остановил меня резким жестом. – Я научу вас пить «кафе аррозе»[116], так все делают на моей родине, в Руане.

– С превеликим удовольствием!

Скоротать в ожидании поезда часик-другой да в приятной компании?

Why not!?

Тем более что смесь кофе, рома и сахара зашла неожиданно хорошо.

Мы обсудили погоду в Риге, английских лейбористов, Герберта Гувера, шляпку прошедшей мимо дамочки,

---

[116] После ПМВ одним из самых любимых напитков на севере Франции становится «кафе аррозе» (кофе с ромом), а сам ром успешно конкурирует с традиционными для Франции напитками.

нового канцлера Австрии с трудно выговариваемой фамилией Штреерувиц, пакт Бриана – Келлога, перспективы последнего на получение Нобелевской премии мира, цены на автомобили...

В общем, всё, чем должен интересоваться любой уважающий себя джентльмен.

После четвёртой чашечки тонкий ледок недоверия растаял окончательно, развеялся флёр аккуратных вежливых фраз, мои же лингвистические способности, напротив, поднялись до недостижимых прежде высот.

– Больше всего я соскучился по родному языку, – признался Анри. – Только представь себе: сейчас в Москве никто не говорит по-французски! Азиатчина, кошмар, мне пришлось нанимать переводчицу! Настоящая княжна, не поверишь. Великая война забросила её мужа в Париж, но она до сих пор никак не может к нему уехать!

– Надо было валить сразу, ещё в девятнадцатом или двадцатом, – вставил я.

– Везу к нему письма, – толстячок вытащил из внутреннего кармана пухлый конверт и помахал им в воздухе, – Лизетта умоляет прислать денег на еду, а лучше – найти возможность дать взятку за разрешение на выезд. По слухам, это жутко дорого, но только так можно продвинуть дело в ГПУ.

– Пусть поторопится, если, конечно, он ещё хочет видеть супругу, – предупредил я. – По Риге ходят упорные слухи... В общем, скоро и деньги не помогут.

– Да-да, она мне говорила нечто подобное, – Анри деланно вскинул глаза в небо и перешёл на корявый русский. – «Живу как в фотографической комнате, ни одного луча со стороны, а внутри всё освещено красным фонариком...»[117].

– Бедная женщина! – подыграл я.

– В сущности, она неплохо устроилась, – на лице моего собеседника явственно проступила презрительная ухмылка. – Референтом в Коминтерне, не так уж много в России осталось людей со знанием шести языков. Платят сносно. Ну и дело-то житейское – знакомство свела с товарищем при должности, надо сказать, очень немалой, он аж с Бухариным дружбу водит.

---

[117] Немного изменённые слова писателя Михаила Пришвина, сказанные в июле 1929 года.

– Всё равно, – я опасно передёрнул плечами. – Как бы большевики досюда со своими порядками не добрались.

– Куда там! – беззаботно отмахнулся Анри. – Лизетта часто мне рассказывала про их привычки и методы. Дикая негры и те умнее. Сам посудите: с кем ни решат Советы революцию устроить – результат всегда один. Ловкие парни из левых кружков вытрясают из коминтерновцев все деньги, а потом откидывают благотворителей в сторону, совсем как ненужный мусор.

– В смысле?!

На сей раз я удивился ничуть не поддельно.

Как-то привык для себя считать, что безнадежная поддержка «вставших на путь социалистического развития» царьков-людоедов началась намного позже, как бы годах эдак аж в шестидесятых.

Однако новый знакомый поспешил доказать обратное:

– Очень рекомендую вчерашний «Le Figaro», там превосходный разбор Китайского вопроса по случаю конфликта на КВЖД. Смешно выходит: большевики лет пять заигрывали с милитаристами-националистами. Сам Сталин торжественно призывал доверять их главному лидеру Чан Кай-ши[118], щедро снабжал его деньгами, оружием, высылал военных советников. Даже с Англией из-за узкоглазых разругался! А что взамен?! Гоминьдановцы без колебаний устроили кровавую резню в Шанхае! Советы ответили восстанием в Кантоне – но без малейшего успеха. И тут, и там коммунистов перебили без счёта, а кто из них успел сбежать – теперь мыкается в монгольских горах без смысла и надежды. На КВЖД, опять же, дело к настоящей войне идёт, впору делать ставки на победителя.

– Россия посильнее будет!

– Китайцы, вне всякого сомнения, вояки аховые, да ведь и Советы не многим лучше.

---

[118] Лидер Гоминьдана (Китайской Национальной народной партии) Чан Кай-ши договорился о сотрудничестве с Советской Россией в 1923 году. В 1926-1927 гг. при активной поддержке СССР объединил Китай под своей властью, но уже 12 апреля 1927 г. разорвал союз (так называемая «Резня красной гвардии в Шанхае»), многие коммунисты были арестованы и казнены (до десяти тысяч человек).

– Справятся, – я не смог сдержать улыбки. – Причём – не только с китайцами.[119]

– Деньги-то в любом случае потеряны, – не принял спор Анри. – Огромные деньги[120]! Да ещё в Индии всё по тому же самому сценарию идёт.

«Рабиндранат Тагор...», – у меня нашлась лишь одна подходящая к теме ассоциация.

Хорошо, хоть собеседник не стал дожидаться моей реакции.

– Подумать страшно, какие средства Советы вложили в забастовку бомбейских текстильщиков. Провал. Теперь не жалея золота раздувают по всему миру значение никчёмного Мирутского процесса[121]. Но ты скоро сам увидишь, Неру обведёт весь Коминтерн вокруг пальца как малолетнего ребёнка!

– О, Неру – это голова, – оживился я, услышав таки знакомую фамилию[122].

– Точно! Он ещё британцев ни с чем оставит!

– То – в Азии, – я решил вернуть тему разговора поближе к шкурным интересам. – В Европе всё другое.

– Ничуть не лучше! В двадцать третьем большевики чуть-чуть революцию в Германии не устроил. Читал как-то, как марки из советского торгпредства прямо в чемоданах по боевым ячейкам разносили. Ничего не жалели. Результат? Пшик, всё ушло как вода в песок! Вдобавок, торговля на год

---

[119] *Нанкинское правительство (создано Чан Кай-ши 18 апреля 1927 года) объявило о разрыве дипломатических отношений с СССР 20 июля 1929 года. Боевые действия с 22 июля по 9 сентября 1929 года.*

[120] *Американский историк С. Коэн относит китайскую катастрофу 1927 года к наихудшим событиям в политической деятельности Бухарина как лидера Коминтерна.*

[121] *В марте 1929 г. английские власти начали судебный процесс над 33 деятелями рабочего движения (14 из них были коммунистами) обвинив их в тайном заговоре. На «раскачку» революции только по линии Коминтерна безвозвратные ассигнования составили не менее 750 тысяч долларов.*

[122] *ГГ слышал только про Джавахарлала Неру, но в данном случае речь об его отце Мотилале Неру, лидере Индийского национального конгресса.*

колом встала. Была бы общая граница – непременно бы войну устроили.[123]

– Ошибки у всех бывают...

– Но не так же часто! – перебил меня собеседник. – В двадцать пятом, кажется, английские леваки создали Англо-Русский комитет единства. Кричали с трибун дешёвую чепуху, катались в Москву с рассказами о тяжёлой жизни и ведь не зря – получили деньги на шахтёрскую стачку. Впрочем, это всё мелочи, основные суммы московские фантазёры потратили на подкуп политиков.

– Прямо в Лондоне?!

– Именно! Предвкушали вступление лейбористов в Коминтерн, не иначе. Но связался чёрт с младенцем – хитрые британцы пару лет поигрались, вытрясли из большевиков что можно и нельзя, да и разогнали комитет к чёртовой матери. А чтобы мало никому не показалось – разорвали дипотношения. До сих пор кремлёвские дипломаты пороги Форин-офиса обивают[124].

Где мне найти другого столь интересного рассказчика? Да и ром, признаться, у него очень неплох. Поэтому я старательно подначил месье Тюпа на развитие темы:

– Научатся же когда-нибудь...

– Если бы... – Анри скривился, как от зубной боли. – Неужели ты ещё ничего не слышал про антисоветский бойкот?

– Ох, нет!!!

Вот что значит неделю не читать серьёзные газеты!

– Какой-то идиот из бывших русских недавно решил поиграть в героя: сколотил банду сорвиголов и устроил вылазку на советскую территорию. Жаль – сумел вернуться живым. Вдвойне жаль – притащил с собой в Хельсинки едва не две сотни каторжан. Финны их под давлением Москвы уж чуть было назад по тюрьмам не отправили, но навалились журналисты, давай на весь мир трубить, как бедных заключённых

---

[123] Только полуофициально, через Профинтерн «на помощь германским рабочим» выделили миллион золотых марок. Но по тайным каналам, судя по мемуарам Б. Г. Бажанова (секретаря И. В. Сталина), ушло несравнимо больше.

[124] Дипломатические отношения восстановили в октябре 1929 года.

голодом морят, непомерной работой убивают. А там и правда – что ни история, то сюжет для Виктора Гюго. Да ещё, как назло, полтора десятка священников промеж бандитов затесались. Короче говоря – общественное мнение, то, сё... Папа Римский долго думать не стал – объявил крестовый поход против большевиков за религиозные преследования, архиепископ Кентерберийский пошёл ещё дальше – выступил за военную интервенцию. В Париже назначили специальную консультативную комиссию против товаров, ненормально дешёвых из-за бесплатного труда «коммунистических рабов». В Белом доме собираются наложить эмбарго на импорт советского леса. Сенатор Копленд вообще как с цепи сорвался, на каждом углу кричит про запрет любых поставок из России.

– Ну ничего себе! – шквал новостей буквально размазал меня по стулу.

– Самое главное: большевики в ответ грозят прекратить всяческие закупки в странах, поддерживающих борьбу против советского демпинга[125]!

– Контрсанкции?!

Но Анри несло, он не обратил ни малейшего внимания на моё замечание.

– Одна надежда осталась, на Горького.

– Максима Горького? – переспросил я. – Он-то тут вообще при чём?

– Вот... – Анри подтянул к себе саквояж и вытащил из его недр газету «Известия». Протянул мне разворот. – Сам по-русски читай, тут его репортаж. Специально взял с собой, а то парижские щелкопёры непременно постараются обойти материал стороной.

– «Соловки»[126], – прочитал я броский заголовок над знакомым вислоусым фото. – Кажется, сегодня я уже ничему не удивлюсь!

Великий пролетарский писатель действительно побывал

---

[125] Практически всё перечисленное произошло в реальной истории, но позже, в 1930-1931 годах. Так, подобное постановление СНК СССР было вынесено 20 октября 1930 года.

[126] Максим Горький действительно побывал в 1929 году на Соловках и написал хвалебный репортаж об условиях жизни в концлагере.

на проклятом острове и «нашёл» там «на удивления годные для жизни условия»: просторные и светлые казармы; восьмичасовой рабочий день; регулярное питание и повышенный паёк за тяжёлую работу; обучение заключённых грамоте; отдельные топчаны и матрасы для каждого; белёные стены Кремля... А также: превосходную монастырскую библиотеку, ботанический сад и оранжерею с цветами... Довольные сытые лица, изукрашенную зелёными островками серебряную гладь Красного озера...

– Вот же старая продажная бл...дь! – не удержался я, отшвыривая газету, как ядовитую змею. – Испортил себе некролог!

– Ты что-то знаешь про эти Соловки?

– Враньё! Враньё! Всё враньё! – я не заметил, как перешёл на русский, впрочем, собеседник всё равно меня прекрасно понял. – Лживый старикан! От первого до последнего слова – наглое враньё!

– Вполне вероятно, – с удивительной лёгкостью согласился Анри. Однако тут же продолжил гнуть своё. – Блокаду торговли никак нельзя допустить. Для Франции – мелочь, но моему бизнесу дамского белья придётся туго. Пострадают друзья и партнёры. Советы же... Да и чёрт с ними.

– Но ведь там живут такие же люди, как и мы!

– Так русские сами виноваты, – развёл руками француз. – Полагаю, им нравится, когда большевики – как бы в интересах государства – открыто выдают ложь за правду. Я не видел в Москве ни малейших протестов.

Древний как мир взгляд на чужие проблемы сквозь призму собственной корысти. Простой, циничный... И оскорбительно-хлётский, как неожиданная пощёчина.

– Коварный напиток, – стиснув зубы, пробормотал я, не узнавая собственного голоса.

Чёртов лягушатник, выдумал себе оправдание – «сами виноваты». Так и немцы при Гитлере выйдут «сами виноваты». Китайцы – при Мао. Корейцы – при Киме. Вьетнамцы... Камбоджийцы...

– Арни, ты – эгоист и сволочь!!! – я аккуратно отодвинул в сторону чашечку, мысленно прикидывая, с какой руки ловчее воткнуть кулак в сытую морду еврокапиталиста. – Я же – русский! Это моя страна!

Тем временем, отравленный алкоголем мозг действовал сам по себе, раскручивая цепочку мыслей: «Чёрт побери, как же он прав!».

Никто не заставлял людей сажать на загривок большевистское ярмо, а потом тащить тяжёлый воз под ударами партийного кнута.

Сами, всё сами...

Сами прятались от настоящей правды и аплодировали трибунным горлопанам.

Сами надевали лживые алые банты.

Сами жгли барские усадьбы, с садистским удовольствием кидали на штыки офицеров.

Сами писали доносы, сами отбирали у соседей квартиры, избы, лошадей и подштанники.

Спустя десять лет после революции сами давятся в очередях за скудными пайками, но по-прежнему верят в торжество коммунизма.

Скоро сами подставят затылки под пули.

Вместо того чтобы стрелять в чекистов из собственных наградных наганов.

Если сам для себя не найдёшь верный путь, никто в целом мире не станет его для тебя искать.

Французы в сороковом под танками Гитлера...

Сами виноваты...

Слабое утешение...

Негодная, порочная в самой своей основе логика.

Самый настоящий «Скотный двор», из которого нет выхода.

– Мне показалось, ты давно порвал с Россией, – попытался сгладить неловкость собеседник.

– «Сердце моё полно жалости...», – я с трудом вылез из-за стола. – Но учти, будущего у твоего бизнеса всё равно нет. Советским пролетаркам кружевные лифчики без надобности. А скоро и в Европе они никому не будут нужны.

Кинул на столик первую попавшуюся купюру из крупных и пошёл прочь, на всякий случай не оборачиваясь.

Как Ларионов в «Bellevue», год назад...

Кстати, капитан таки сумел обернуть обиду в триумф! Какой ещё намёк нужен мне?!

Незачем ехать в Париж, Лондон или Нью-Йорк – друзей среди коммерсантов мне не найти.

Зато врагов...

Им станет любой, кто узнает секрет будущего.

Впору искать врагов среди врагов, точнее сказать – врагов, которые сильнее моих врагов.

Почему нет!?

Но кто? Нацисты?

Ну уж увольте!

Чан Кай-ши? Неру? Муссолини?

Час от часу не легче...

Как там говорили классики?

Худшие враги – бывшие друзья. Иначе говоря, худшие враги коммунистов – другие коммунисты. Они же, выходит, мои друзья.

Бред.

Или...

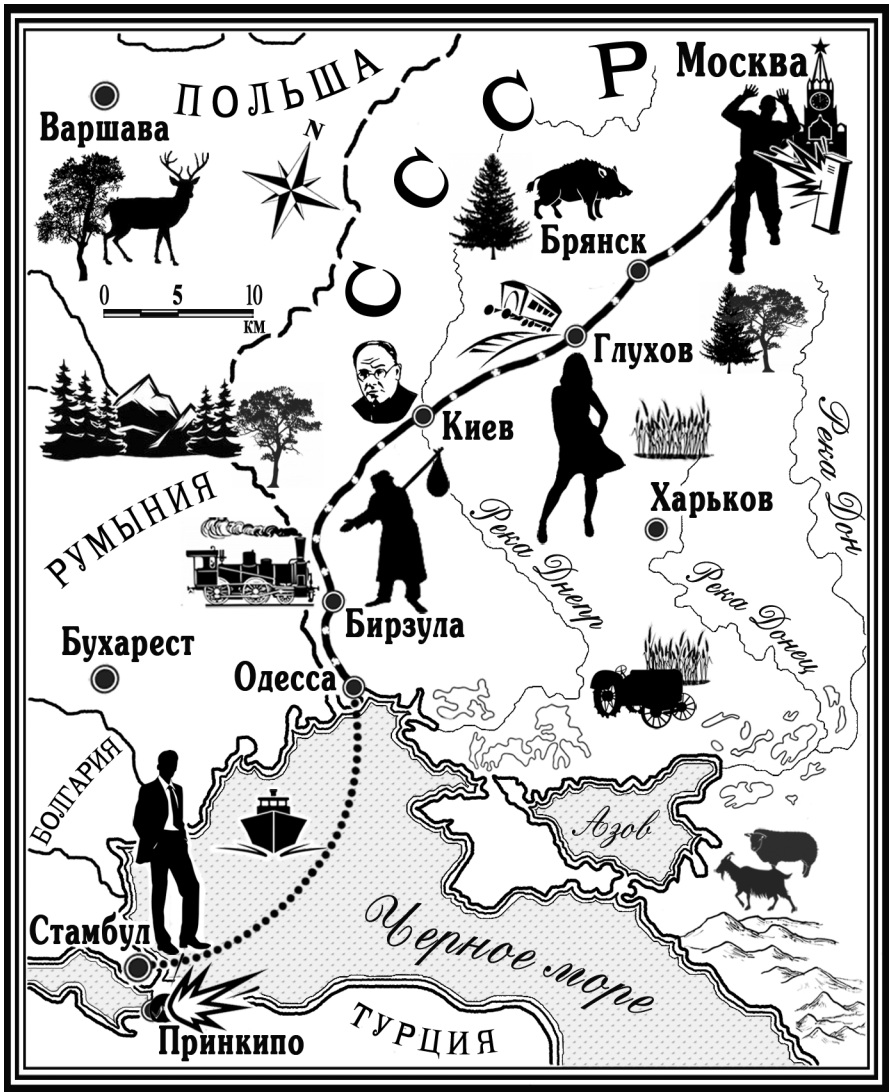
Постойте, постойте!

Есть же прекрасный вариант!

Я обернулся к уже далёкому ресторанчику, помахал рукой всё ещё недоумённо сидящему за столиком французу и прокричал что было сил:

– Merci beaucoup, Анри!

7. ВРАГ МОЕГО ВРАГА

Константинополь – Берлин – Константинополь.

Лето 1929 года

Год до рождения нового мира

Стальная понтонная махина едва заметно дрогнула под моими ногами. В утреннюю суету Галатского моста [127] вплёлся звонок пока далёкого трамвая.

Кто бы мог подумать, что настоящий центр Константинополя, перекрёсток главных водных и сухопутных путей, находится прямо посередине залива Золотой рог?

Позади, на южном берегу – жалкие пеньки феодосиевых крепостных стен, круговерть стекающих с холмов узких улочек, карандаши минаретов и огромная парковка таксомоторов.

Впереди, на севере, цепочками супермаркетов и дорогих бутиков выстроились современные многоэтажки.

Водяная гладь поделена не менее основательно.

Древняя сточная труба Византии, кажется, заснувшей в прошлом веке – по блестящей на восходящем солнце глади бухты плавно скользит бесчисленное множество небольших парусных посудин и вёсельных лодок.

Нечего и пытаться понять, куда и зачем они направляются, ведь оба берега, насколько хватает взгляда – сплошная пристань.

Внешняя же сторона моста – солидный дебаркадер для пассажирских пароходов местного сообщения.

Большая их часть занята перевозкой пассажиров в рабочие кварталы, что широко раскинулись на азиатской стороне

---

[127] Четвёртая конструкция Галатского моста (ширина 25 метров, а длина 466 метров) была закончена немецкой фирмой «MAN» в 1912 году и стояла до 1992 года.

Босфора, но есть и специальные маршруты. Например, до железнодорожного вокзала, в соседние городки или ещё куда-нибудь...

Я оттолкнулся от перил, стряхнул с ладоней чёрную пыль из угля и золы.

Пора идти...

Письма отправлены, свежие газеты куплены, рейс на Принкипо отправляется через четверть часа. Как раз хватит времени занять удобное место на скамейке под тентом верхней палубы и на час погрузиться в созерцательную полудрёму...

Так упрощающую переход из суетливого мегаполиса в курортное забвение.

Кто бы мог подумать, что погоня за бывшим наркомвоенмором приведёт меня на крохотный клочок суши, затаившийся у восточного края Мраморного моря?

Неделю назад я начал с советского консульства в Константинополе, куда – как писали в газетах – коммунисты вывезли товарища Троцкого с женой и сыном. Однако «Лев революции» успел оттуда съехать – сперва в неплохой отель, затем – на виллу в пригороде.

Узнать адрес оказалось не просто.

Первый же совсотрудник, к которому я обратился, метнулся прочь – уж не знаю, какой из страхов превалировал в его душонке – перед своим начальством или недобитыми белогвардейцами. Скорее второе, ведь после явного непонимания ведущей тройки европейских языков я рискнул перейти на русский.

В любом случае желание углублять знакомство с «товарищами» у меня пропало начисто.

Выручила полиция...

Прикинувшись любопытным немецким журналистом, я нагло вломился в ближайший участок.

– Wo ist Leon Trotskis Haus? – обратился я к эффектному парню, форма которого удивительно сочетала в себе непомерно широкие, заправленные в высокие ботинки тёмно-серые бриджи, тесный, усыпанный пуговицами китель цвета хаки и пробковый шлем с массивной кокардой.

- Не могу знать! – выпалил тот в ответ. – Могу спросить!
- Будь так любезен...

После долгой и оживлённой перебранки на языке янычар откуда-то выполз старичок в штатском.

- Троджки[128]?!

– Лев Троцкий, СССР! – уточнил я, а про себя добавил: «Пенсионный резерв РККА...».

– Леон Троджки, – устало вздохнул старичок. – Поезжайте на остров Принкипо, там его найдёте.

Так я попал в сонное царство старых оттоманских вилл и рыбацких лачуг, к лениво колеблющемуся зеркалу моря, бездонной голубизне неба, утопающим в зелени листья улочкам.

Идёшь по таким и кажется, что разрываешь тёплые ниточки солнечных лучиков.

Их можно почувствовать – каждый в отдельности – нужно лишь не торопиться.

Стакан айрана и жаренная на углях рыбка с ничего не говорящим названием «серан» в портовом ресторанчике. Белёсая муть анисовой водки поверх осколков льда и свежий белый сыр в крохотной деревенской таверне. Чашечка кофе на распахнутой в море гостиничной террасе...

Так я узнал многое...

Где искать виллу Троцкого и родословную его соседей. Сколько советское правительство платит за аренду этого замечательного трёхэтажного домика и во сколько обошёлся его ремонт. Перечень продуктов, закупаемых кухаркой опального вождя. Цену осла, которого почтальон купил для перевозки обрушившегося на него вала корреспонденции[129].

А ещё узнал – в качестве абсолютно бесплатного приложения – бесконечное количество никчёмных новостишек, местных сплетен и бесполезных советов...

---

[128] По странному стечению обстоятельств фамилия Троцкий до сих пор в Турции записывается как Троцкі, и читается как Троджки.

[129] Для примера, только за апрель – ноябрь 1928 года Троцкий направил своим единомышленникам около 800 писем и 500 телеграмм. Он от них получил около тысячи писем и семьсот телеграмм.

Только перед самым закатом я добрался до улицы Иззет-паши, дом 29.

Постучал в двери увесистым бронзовым кольцом.

Ожидание изрядно затянулось, но всё же отозвалось энергичными шагами в глубине дома.

Я уже было приготовился увидеть одного из величайших людей эпохи...

Наивный юноша!

Через узкую щель на меня уставилась заросшая чёрной курчавой шерстью физиономия.

– Нет дома господина, – произнёс привратник на ломаном немецком.

– Врёшь, бездельник, – оторопел я. – Передай товарищу Троцкому, что у меня есть архиважные новости из России! Немедленно!

– Нет дома господина!

– Вопрос жизни и смерти!

– Нет дома господина!!!

– Да чтоб ты провалился, – сдался я. – Завтра господина будет?

– Потом.

Оказывается, эта обезьяна знает ещё одно слово!

Великое достижение ататюрковской школьной реформы.

Расстраиваться, впрочем, я не стал. Придёт новый день, тупой охранник сменится на вменяемого...

Главное – не торопиться!

Наутро практичный и простой план дал сбой – ни образа, ни ответы не поменялись.

К вечеру история повторилась...

То же – на следующий день, с тем лишь отличием, что на меня обратили пристальное внимание местные полицейские.

Осталось предположить, что «господина» и вправду в отъезде, тем более что нигде в округе не наблюдалось повышенной активности репортёров, издателей, диссидентов-коммунистов и прочих охотников за левыми идеями[130].

Для очистки совести я накатал для Льва Давидовича

---

[130] В реальной истории всё это на острове будет, но... Несколько позже. Летом 1929 года ещё мало кто успел просто возникнуть в ситуацию.

пространное письмо, к которому приложил фотокопию вузовского учебника истории СССР. Отослал и всерьёз занялся отдыхом.

Последнее – не оговорка, местное толкование «аллклюзива» весьма далеко от принятого в 21-ом веке...

Квадратно-гнездовой, четырёхэтажный, но при этом увенчанный парой соборных куполов отель «Splendid Palace» в сравнении со своими европейскими собратьями честно тянет звезды на три, больше нельзя дать из-за неизгладимого налёта провинциальности – богатые иностранцы обходят Принкипо стороной. Привычных европейских забав тут нет: ни променада, ни бутиков, ни кино, ни театра, ни даже телефона.

Море и пляж, напротив, великолепны, да только никому особо не нужны. Аборигены купаться не любят, а чужаки типа меня в гробу видали светскую тусовку, представленную брюхастыми чиновниками средней руки, их болтливыми жёнами и кричащими отпрысками.

На всё же одно действительно стоящее занятие на острове существует – это рыбалка...

После обеда мы вышли на неё со стариком Хараламбосом[131].

Его мир не распространяется далее дюжины километров от родной деревни, он не умеет читать и писать, не говорит ни на одном из иностранных языков, более того, ни разу в жизни не был в Константинополе.

Он простой рыбак. Его отец, и дед, и прадед, и дед его прадеда были рыбаками. Сеть подчиняется малейшему движению его пальцев, он может уложить её под водой идеально ровным кругом или спиралью, в зависимости от конфигурации дна. Камни, которыми ту принято загонять рыбу в сеть, летят из его рук точно в нужное место, совсем как шары у профессионального игрока в петанк.

Но мне не нравятся инструменты браконьеров. Поэтому мы не рыбачим, а охотимся на омаров.

Теория не сложна: Хараламбос видит убежище

---

[131] Имя рыбака и часть местных деталей позаимствованы из дневников Л. Д. Троцкого – всё равно в описанном мире они никогда не будут написаны.

рака-переростака сквозь воду под камнем, который и опрокидывает шестом с железным наконечником. Лишённый защиты омар, понятное дело, пускается в бегство.

Моя задача – поймать будущий ужин специальным сачком и вытащить в челнок.

Вроде бы просто, но...

Действие происходит на глубине пяти-восьми метров! Преломление света, игра теней, сопротивление неподатливой среды, а также неожиданно быстрая реакция крупных ракообразных превращает детскую забаву в по-настоящему сложный и увлекательный процесс.

Вот только с погодой нам на сей раз не повезло. Не успели добыть десяток «зверей», как гладь моря подёрнулась мелкой рябью.

Для Хараламбоса – не проблема, он умеет ловко бросать с пальцев масло на воду и смотреть в глубину через жирные зеркальца. Отдать ему сачок, самому вооружиться шестом – и можно было бы продолжать, но...

Зачем?

Для вечерней забавы у костра уже хватит, продавать же омаров смешно, они – еда бедняков и ничего не стоят на рынке.

Под неодобрительным взглядом старого рыбака я стянул с себя рубаху и скинул штаны. Поймать крупного носителя клешней голыми руками – всё ещё моя несбыточная мечта.

– Полцарства за маску! – крикнул я негромко, ныряя в воду.

Увы...

Снорклинговое снаряжение отсутствует в продаже, возможно, его ещё даже не изобрели[132].

– Бам! Бам! – в самый последний момент меня догнал звук близких выстрелов.

Глубже, ещё глубже, чтобы никто не достал! Потом в сторону...

Куда?

В прозрачной как слеза воде, в сотне метров от берега удирать от лодки вплавь?

Проще убежать от снайпера в чистом поле!

---

[132] Похожие на современные маски и трубки были изобретены только в 1938 году.

Аккуратно, не делая провоцирующих резких движений, я выставил из воды голову.

Хараламбос возится в своей посудине, живой, весёлый – раз бубнит под нос местный мотивчик. Не иначе – перевязывает нитками клешни омарам.

И никого более!

Хотя...

Я в несколько гребков обогнул лодку.

Рядом, всего метрах в полста, какой-то рыбак то ли ставил, то ли вытаскивал сети. Рядом суетился помощник или, вернее сказать, наниматель – явный европеец, уже пожилой, но высокий и крепкий. Вот он выпрямился в полный рост, вытащил из-за пояса пистолет...

Я едва не нырнул снова!

Но к счастью стрелок направил его в противоположную от меня сторону.

– Бам! Бам! Бам!

Прочь от него куда-то вдаль понеслись плавники и спины афалин.

– Вот напугал, сволочь! – выругался я, подгребая к корме.

Знаю ведь, что местные жители ни капли не церемонятся с дельфинами-воришками, видят в них не более чем очередную добычу. Но не думал, что всё происходит вот так вот запросто и без затей. Да ещё в исполнении новичка-туриста, который едва появился, а уже не стесняется палить во все стороны.

Откуда он такой наглый?

Стёкла-кругляшки на носу, круглое лицо с небольшими усиками, чёрные растрёпанные волосы...

Ба! Неужели?!

Да это же Троцкий, собственной персоной!

– Лев Давидович! – крикнул я во всё горло прямо из воды.
– Давным-давно вас разыскиваю!

Эффект превзошёл все ожидания...

Бывший наркомвоенмор мгновенно скрылся за бортом, а вот дуло пистолета...

Уставилось прямо в мой беззащитный лоб. Чуть погодя показалась и голова – не иначе, плавающий в воде парень показался «Льву революции» не слишком опасным противником. А то бы пристрелил, как бешеного дельфина.

– Лев Давидович! – повторил я свой крик. – Мне известно будущее. Ваше, друзья, России. Могу всё-всё доказать!

Вместо ответа Троцкий сел на вёсла и бодро погнал лодку к берегу.

Мне теперь что, собирать манатки и валить в Берлин несо-лоно хлебавши?

Поставить окончательный крест на правке мировой истории?!

Ну уж нет!

– Вы только прочитайте мои материалы! – с надрывом за-вопил я вслед. – Посылал от Обухова! Там и обратный адрес есть!

Заспанный портье разбудил меня утром, рано на рассвете.

В холле ждал старый знакомый, очевидно, посыльный от Троцкого – такое зверски небритое с рождения лицо сложно перепутать с другим.

Завидев меня ещё на лестнице, он не стал размениваться на приветствие.

– Господина очень зовёт!

– Зачем?! – с издёвкой поинтересовался я. – Раньше ка-ким местом думал?

– Очень... Зовёт.

Вот незадача, над таким даже поиздеваться не выйдет!

– Пойдём уж, мечта антрополога...

Дорога коротка, как молитва священника у ступеней эша-фота. Тут, на острове вообще всё рядом.

Хочется прибавить шаг и уже до обеда решить задачу «трёх нет», то есть: обвести Россию мимо ужасов коллективизации, кровавого террора и войны, а затем...

А затем со спокойно душой засесть в таверне, поближе к анисовой водке и томлёным брюшкам омаров.

Представить точный план я при всём старании не могу. Вне сомнений лишь одно – для повторного охолопления крестьян, великого террора и сползания в ужас Великой Отечественной требуется медленное, едва заметное, но непре-рывное и однонаправленное изменение границ допустимого в головах десятков миллионов людей.

В 21-ом веке данный процесс получит название «сдвиг окна Овертона». Печатное слово в нём важнее пулемёта, газета не уступит полку, а книга – армии.

Для удержания окна в границах «нормального уровня средневекового зверства» нет особой разницы, примется Троцкий громить своего товарища Сталина слева – во имя победы мировой революции, или справа – по примеру осторожного ревизионизма Хрущёва[133]. Не до жиру, быть бы живу, в смысле: о хорошем мечтать можно и нужно, однако оставаться на месте – уже достаточный повод для оптимизма.

Так что пусть бывший наркомвоенмор пишет сотни писем и статей, изобличает ренегатов, вдохновляет соратников на борьбу, раскачивает послушные массы. Висит старательной гирей на любых движениях Кремля. Призывает к вселенским бойкотам. Цепляется за малейшие ошибки и промахи. Распространяет прокламации. Вербует в ряды оппозиции чекистов, машинисток и колхозных председателей. Организует загонную охоту на партийных активистов. Изворачивается жабой, гадюкой, аллигатором, что-то придумывает. Умеет же!

Когда у окопавшегося в кремле горца появится крепкий враг – он мигом повернётся лицом к народу: «Братья и сёстры! К вам обращаюсь я, друзья мои!.. Какие-такие репрессии? Зачем коллективизация? Забудьте, я же пошутили и больше не буду!».

И вот по мановению хозяйской руки уже никто никому не стреляет в затылок.

Останавливаются бессмысленные стройки заполярных железных дорог, попы возвращаются в разграбленные приходы, на плечи недобитых офицеров садятся золотые погоны, кирпичные клетки «шарашек» украшают вывески престижных НИИ.

Справится ли товарищ Троцкий?

Хороший вопрос...

Для широких советских масс – он уже бывший, но пока ещё великий вождь великой революции.

У него сотни тысяч убеждённых сторонников, ещё больше сочувствующих, в том числе на высоких постах.

---

[133] Скорее Г. М. Маленкова, но ГГ не разбирается в таких тонкостях советской политики.

Многие из них имеют богатый опыт работы в подполье, прекрасно знают с какой стороны держаться за револьвер и винтовку, не стесняются ставить на кон жизнь – свою и врагов.

В истории моего мира их сгубила идиотская позиция загнанного в политическую ловушку лидера: он до самого последнего момента призывал клеветов «честно и прямо работать на дело социалистической революции и первое в мире пролетарское государство» – пусть даже выражая открытое несогласие с отдельными решениями Политбюро и ЦК.

Многие тысячи оппозиционеров оставили работу, службу, потеряли льготы, пошли в ссылки, а то – и в тюрьмы. Но никто и подумать не мог о жёсткой идеологической борьбе против партии, и уж тем более – вооружённом противостоянии ЧК.

Короче говоря, нет и ещё долго не будет для Советской России опаснее человека, чем её же бывший наркомвоенмор.

Поэтому мне придётся помочь врагу моего врага.

Хотелось бы вдобавок направить его на нужный путь, только боюсь, не отросла «направлялка». Но всё же хочу надеяться, что Льву Давидовичу достанет здравого смысла: он выберет правый проект, так хорошо показавший себя в руках Дэн Сяопина.

Как там говорили: «Одна страна – две системы?»[134].

Вот пусть и подумает, чем госмонополизм НЭПа хуже непонятного социализма?

Для обоснования позиции мне даже не требуется ничего изобретать...

В учебнике истории приведён готовый «солюшен» по «квесту» «Большой скачок в Китае», который местные коммунисты устроили в аккурат к десятой годовщине своей победы в своей же гражданской войне. Три года – то есть с 1958 по 1961 год – китайский народ под мудрым руководством Мао Цзэдуна догонял и перегонял, загонял сам себя в коммуны, удваивал, утраивал, а выпуск стали – так вообще удесятирял. То есть провели каноническую индустриализацию с опорой на агрессивную коллективизацию.

---

[134] ГГ совершенно неправильно трактует данный лозунг. На самом деле он в первую очередь нацелен на формальное объединение с Гонконгом, Макао и Тайванем.

План в отчётах съездов с блеском перевыполнен, ордена и почётные маузеры выданы, враги уничтожены, но...

Но за ширмой газетных листов – от голода погибло до пятидесяти миллионов китайцев [135], валовый продукт упал на треть, а за зерном пошли на поклон к «бумажным тиграм» из Канады и Австралии. То есть итог вышел вполне большевистский, пусть с поправкой на масштаб.

Далее, на выходе из кризиса пути деятелей из КПК и ВКП(б) разошлись кардинально: товарищи из Поднебесной оказались заметно смелее советских коллег. Не только признали допущенные перегибы, но и вынудили к покаянию своего кормчего. Вдобавок – как великие прагматики – запустили деколлективизацию в деревне и реприватизацию в городах.

Тем и спасались лет пять, пока недобитый Мао не свалил страну в новую кровавую смуту – «Культурную революцию»...

Выходить из которой, опять таки, пришлось уже опробованным путём – через иностранную помощь и частную собственность. При всём богатстве выбора альтернативы не нашлось...

Так почему Троцкому заранее не перепрыгнуть чуть правее?

Всё равно на уставшее от потрясений мировое сообщество накатывает волна реакции – разумные политики взяли этот тренд в ум без всякого послёзнания.

Сама логика момента кричит вождям СССР: «Сдайте чуть назад, укрепитесь, переждите. Откажитесь – пусть на время – от жупела перманентной революционной войны с капиталом, перестаньте трезвонить на каждом углу о советском термидорианском перерождении, наоборот, допустите «мирное сосуществование...» [136].

Какая, в сущности, проблема подвести под надстройку базис в виде хитрой теории циклических процессов?

Так ли «первороден грех» возвращения к парламентскому пути еврокоммунистов будущего?

---

[135] Согласно данным американского издания «The Epoch Times» – вероятно, несколько преувеличенным.

[136] Данный принцип к 1929 году отнюдь не нов. Впервые его выдвинул Г. В. Чичерин по поручению Ленина на Генуэзской конференции 1922 года.

И вообще, чем плоха борьба за достойные пенсии, лояльное к рабочим трудовое законодательство, прогрессивные налоги для капиталистов и другие понятные людям «ништяки»?

Пусть отмороженные экстремисты реагируют энергичным набросом гов...а на вентилятор, зато...

Зато, глядишь, навстречу потянутся вхожие в парламенты господ из числа респектабельных социал-демократов. Помогут с визами в европейские страны, откроют легальный офис в Лондоне или Париже, учредят толстую ежедневную газету, а то – и радиостанцию прикупят. На крайний случай – если всё же не примут в свою компанию – уж точно не станут чинить препятствий в создании Четвёртого Интернационала правее сталинского[137].

Должен же кто-то обещать легковой пастве скорую и окончательную победу коммунизма во всём мире...

Лет эдак через сто-двести...

Но о столь далёких и смутных перспективах пусть болит голова у вождя. Только не сорвался бы он во все тяжкие...

Хотя...

Куда ему деваться?

Мне не составило особого труда добавить несколько уточняющих фактов в «вордовский» текст терещенковской «России XX века», так что Сталин при любом маневре останется кровным врагом Троцкого.

Хоть на правом, хоть на левом пути, но альпеншток, убийство детей и тотальное уничтожение соратников простить невозможно никогда и никому...

* * *

Вот и знакомая, прежде неприступная дверь позади. Не заметил, как добрался.

Из сумрака холла выступил хозяин.

– Проходите, товарищ Обухов, не стесняйтесь.

---

[137] В реальной истории «Правый Интернационал» существовал с конца 1929 года – под брендом «Международная коммунистическая оппозиция». В него входили 15 организаций, многие из которых (например, шведская и испанская) были значительно популярнее официальных «просталинских» компартий.

Надо же, каков почёт. Ни тебе секретаря, ни ожидания перед кабинетом.

– Доброе утро, Лев Давидович, – сделал я шаг вперёд.

Нерешительно протянул руку для пожатия, но хозяин дома уже развернулся ко мне спиной, только зачёсанные набок волосы метнулись по высокому лбу да блеснули стекляшки пенсне[138]:

– Пойдёмте! Нам определённно есть о чём побеседовать!

В строгом чёрном костюме вождь выглядел весьма импозантно – непривычно высокий, лишь чуть ниже меня, голова величественно вскинута над широкими массивными плечами. Шаги широкие и быстрые, по лестнице куда-то на второй этаж.

Мне волей-неволей пришлось спешить следом по натёртому до блеска паркетном полу, часто перечёрканному решёткой теней от оконных переплётов.

Лишнее напоминание – обросших до потери индивидуальности охранников оказывается всё же двое, и оба топают сзади.

– Неплохой евроремонт, – пробурчал я тихо, рассматривая мастерски подновлённые перила. – А вот обстановочка... – завершил фразу уже про себя: «Нет никакой обстановки, пусто, хоть шаром покати...».

Кабинет, до которого мы скоро добрались, я поначалу перепутал с кладовой.

Всё те же неудобные голые стены, дощатый письменный стол, в углу громоздится шаткая пирамида фанерных ящиков, из которых во все стороны торчат папки и конверты. Ближе к окну несколько разнокалиберных стульев.

Спинку одного из них товарищ Троцкий прямо на ходу небрежно толкнул ко мне.

– Присаживай... тесь.

Сам опустил напроотив, закинул ногу на ногу. Тяжело опёрся на колено руками и резко наклонился вперёд, ко мне.

---

[138] По воспоминаниям современников Л. Д. Троцкий сбрил бороду и изменил причёску. Ему «мерещился бывший русский офицер, причём, конечно же пьяный, ярый антисемит, в состоянии глубокой депрессии и из чувства ненависти к большевикам совершающий покушение на него и членов его семьи».

– Чепуха! Невероятный вздор! Но чертовски тщательно и логично. Откуда?!

Глаза! Синие, глубокие, безнадежно уверенные в своей силе. Тот самый демонический взгляд сквозь линзы, о котором писали друзья и враги. Ни капли доброты, ни молекулы злобы – отточенный скальпель хирурга, занесённый над моими будущими словами.

Однако отступать поздно, да и если сказать честно – особо некуда.

– Пожалуй, начну с самого начала, – я выразительно покорился в сторону замерших у дверей охранников.

– Они не знают русского, – Троицкий отнёс сомнения выразительным жестом руки.

– Надеюсь, – скептически скривился я, но спорить не стал. – Родился в четвёртом году, в Екатеринбурге. Обычное детство, пока зимой семнадцатого не пропали родители. Просто как-то вечером ушли проводить знакомого и не вернулись. Никогда... Хорошо, хоть тётка приютила, с ней кое-как пережил лихое время, гимназию окончил. В двадцать втором поступил в Уральский политехнический, и всё бы хорошо, да после третьего курса началась чистка. А у меня происхождение – из дворян. Даром, что уж пять лет как один живу, а отец был простой инженер на железке, всё равно комсомольцы из института выгнали. Поехал в Ленинград, думал, что поступлю куда-нибудь. Да не вышло, по ротозейству угодил в облаву. Дальше – хуже, оказался полным тёзкой какого-то известного скаута, хоть и младше его лет на пять. Думал, в ЧК разберутся, отпустят, а они взяли и сослали меня на Соловки. Всего один раз допросили, и сразу на три года... За что?!

– *Guerre et pitié ne s'accordent pas*[139], – неожиданно вставил Лев Давидович. – Бывают у нас перегибы к сожалению.

Пойманый на лишней строчке счёта официант и тот сочувствует клиенту искреннее!

– *Jeux de chat, larmes de souris*[140], – с неподдельной злой досадой фыркнул я в ответ. – Хорошо, хоть мне повезло, можно сказать, прямо как Дантесу. Один из заключённых Шпалерки

---

[139] *С французского.* – «Война жалости не знает».

[140] *С французского.* – «Кошке – игрушке, а мышке – слёзки».

перед смертью рассказал о сокровище в банковской ячейке немецкого банка, такой, что доступна сказавшему нужный пароль. Вот я и рискнул, рванул из Кеми прямо к финнам через тайгу и болота. Полгода работал грузчиком в Гельсингфорсе за билеты и визу. Потом чуть не год – в Гамбурге, надо было заплатить арендную плату банкирам. Но всё же до обещанного золота я добрался. Не обманул старик.

– Bravo! Вы превзошли в подвигах не только Le Comte de Monte-Cristo, но и самого Квотермейна[141]! – не на шутку воодушевился сюжетом Трощкий. – Поразительное дело! Нет, нет, мне непременно нужно знать вашу историю во всех подробностях! Такой материал для «Бюллетеня»! Но всё же извольте продолжить, я по-прежнему не понимаю, как ваши необыкновенные приключения связаны с присланными вами фотографиями книги.

– Да просто всё... Кроме золотых украшений в ячейке нашлось вот это, – я вытащил из кармана и передал собеседнику смартфон, предусмотрительно «залоченный» на гостевой доступ.

Вождь принял незнакомый предмет с опаской, но без особого страха – очевидно, время мощных компактных бомб ещё не пришло. Качнул в руке, удивляясь неожиданному весу, всмотрелся в своё отражение на чёрном зеркале экрана, царапнул тщательно обработанным ногтем логотип «LG».

– Нажмите на кнопку сзади, – попросил я. – Да-да, вот эту!

– Бл..дь! – при виде появившегося изображения маленькой книжной странички с Трощкого слетел всякий интеллигентский лоск.

– Всего лишь «Учебник истории России XX века», – небрежно бросил я.

– Что! Это! За! Ху...ня?! – на каждом слове вождь судорожно встряхивал руку с зажатым в ней смартфоном.

– Чёрт его знает, – легко соврал я. – Изучал устройство полгода, но всё ещё не сумел открыть все возможности. Там, внутри есть маленькая библиотека, кинематограф, патефон, телефон, фотоаппарат и ещё куча непонятных штук. А

---

[141] Аллан Квотермейн – литературный персонаж, главный герой цикла приключенческих романов Рейдера Хаггарда. Охотник и путешественник.

ещё – судя по датам на экране и внутри корпуса – оно изготовлено не ранее 2014 года.

– Неужели... Машина времени?!

– Более чем вероятно, – согласился я с пытающимся сохранить самоконтроль вождём. – Этот ящик Пандоры не перестает меня удивлять каждый божий день.

– Так значит, всё правда...

Неистовый взгляд Троцкого потух, из него как будто вытащили стальной стержень. Плечи бессильно завалились вниз, вперёд выкатился изрядный животик. Под глазами проявились прежде незаметные синяки, белок глаз, оказывается, давно залит кровью. Наверняка читал всю ночь напролёт...

Несчастный старик у обломков разбитого мира...

В комнате повисла тягучая тишина, только где-то за моей спиной недоумённо топтались волосатые амбалы.

Бывший наркомвоенмор приходил в себя необычайно долго, мне показалось, что миновала целая вечность, прежде чем он вновь смог сфокусировать свой синий взгляд на моём лице.

– Мои все убиты. Да и меня... Альпенштоком! Он – не просто посредственность, он – настоящее усатое чудовище! Предатель! Каин! Сколько сотен тысяч раз я должен был его уничтожить! Он погубил Мировую Революцию! Наша жизнь оболгана термидорианской сволочью! Нет! Я не могу поверить в такую немыслимую ложь! Одна Наталочка вырвалась из рук изувера, только она...

– Над Кремлём развивается флаг временного правительства, – плеснул я керосинчику в костёр чувств. – Есть цветные фотографии, куча. Да и с новой великой войной как-то не очень получилось...

Перестарался...

Не дослушав, Троцкий резко вскочил со стула и крупными шагами бросился к двери.

– Ната! Наташа! Где ты?! – уже из коридора, куда он выбежал мимо замерших в ступоре недотёп-охранников, до меня донеслось. – Всё, всё – правда!!!

«Мою прелесть» – смартфон – что характерно, уволок с собой. Поистине коммунистическая бесцеремонность, но скорее забавная, чем страшная – без пароля там только учебник и доступен. Только бы он не разбил от избытка чувств сам аппарат.

Вернулся не один – под руку с супругой, невысокой, стройной для своего немалого возраста дамой. Оба бледные, с растрёпанными волосами, однако на лицах нет следов растерянности, лишь злая сосредоточенность.

Мало мне одного вождя...

Но делать нечего, пришлось натягивать улыбку пошире, расшаркиваться в обряде знакомства.

От предложенного мужем стула Наталья Ивановна отказалась, встала за его спиной, опёршись на спинку локтями. И два пронизательных взгляда одновременно прорвались через преграду моих глаз и пронзили мозг до самого затылка – вернее любого детектора лжи.

Пусть, не страшно, я готов к любому вопросу.

– Вы поможете нам?

Запрещённый приём!

Из всей кучи вариантов женщина вытянула именно ту невероятность, про которую я тупо ни разу не подумал!

Даже ребёнок прочитал бы растерянность на моём лице. Пытаясь найти ответ, я отметил некрасивый тяжёлый нос и седые пряди в волосах госпожи Троцкой[142]. Рассмотрел стёртую позолоту сбившегося набор пенсне главнокомандующего миллионных армий. Обнаружил пару выпавших сучков в досках письменного стола.

Хочу ли я их спасти на самом деле?

– Нет! – короткой отрицание вырвалось против моей воли. – Нужно отвести страшную беду от СССР. Понимаю, что звучит невыносимо пафосно и глупо. Но это, по крайней мере, правда. Мне кажется... – я подался навстречу да так резко, что за плечами нервно задышали амбалы. – Это вы должны мне помочь.

– Я имела в виду нашу революцию!

– Пролетарская революция есть несомненное благо для разумных людей всего мира, – горячо поддержал жену Троцкий. – Немыслимо подвергать её сомнению!

«Он действительно в это верит!», – восхитился я про себя, но вслух лишь аккуратно подвёл «базис под надстройку», как и положено ортодоксальному советскому студенту.

– Именно поэтому я и здесь! – затем неожиданно для самого себя признался. – Страшно устал тащить груз ответственности в одиночку.

Жалоба похоронила под собой лукавство.

Наталья Ивановна легонько толкнула мужа в спину.

Всё же удивительная пара – очкастый кот и лиса! Где-то я это видел...

– Что, тяжела ноша миллионов судеб? – слабая улыбка преобразила лицо Троцкого. – Ты чертовски прав, спасти революцию в тысячу раз сложнее, чем её совершить.

– Мы... Неужели мы на самом деле сможем обойтись без

---

[142] Наталья Ивановна жила под своей фамилией – Седова, более того, Л. Д. Троцкий въехал в Турцию с паспортом на фамилию Седов. Но ГГ этого не знает.

репрессий и войны? – я запустил в ход одну из своих домашних заготовок.

– On les aura[143]!

– Нам слишком много пришлось узнать... – вмешалась Наталья Ивановна.

– Конечно, – заторопился я навстречу её словам. – Но знаете, на самом деле мир будущего совсем не такой страшный. Есть фотографии, они такие яркие! Немыслимое качество, вы непременно должны их увидеть! А ещё кинофильмы – их там штук тридцать!

– Но как?!

– Очень просто, я всё покажу. Аккумулятора хватит часов на пять! Только вот... – я кивнул в сторону пародии на охранников.

– Пойдёмте на наш пирс, там есть зонтик и кресла, – вождь, как будто опомнившись, наконец-то вернул мне смартфон.

– Распоряжусь насчёт чая, – деловито подбила предварительный итог его супруга...

Просмотр фотографий будущего!

Я заранее отобрал только часть, тщательно, можно сказать параноидально.

Никаких привязок к Екатеринбург, в стороне от зеркальных витрин, даже очков, в которые могло ненароком попасть моё отражение. Ничего, явно связанного со студенческим прошлым.

В основном – случайные городские снимки, туристические мелочи, забавные картинки из «Сети», завязшие в папках мессенджеров.

Всего кадров двести-триста, лишь бы хватило доказать, что мир будущего – не иллюзия, но неплохо документированная реальность.

Чета Троцких рассматривала картинки с жадной быстротой и вместе с тем – скрупулёзно. Каждая вывеска, деталь одежды, даже состояние асфальта – всё подвергалось тотальному обсуждению.

При этом Лев Давыдович азартно водил пальцами по

---

[143] «Справимся!» – эти слова очень любил повторять Л. Д. Троцкий.

экрану, Наталья Ивановна делала пометки в блокноте, я же держал язык за зубами – ведь любое случайное слово могло выдать понимание неочевидных деталей.

Против ожидания особых сенсаций не случилось...

Плотный поток транспорта на узнаваемых улицах Петербурга, едва одетые девчонки на пляжах, огромные авиалайнеры без винтов, вездесущие экраны телевизоров, стеклянные свечки небоскрёбов, огни билбордов...

Спорить нельзя: снято в будущем, учебнику соответствует.

Однако бывший наркомвоенмор во всём искал революцию с политикой – само собой, без малейшего успеха. На «смарте» разворачивалась скучная жизнь: городская суета, путешествия, еда, развлечения – кажется, в мире за почти сотню лет кроме декораций ничего не изменилось.

Спокойное равновесие взорвал рекламный ролик о сборке «Мерседесов» на роботизированной конвейерной линии. Все пять минут превращения кусков железа в самый сложный автомобиль Троцкий молча смотрел на экранчике «LG», затем, «без объявления войны», провалился в глубочайший транс – откинулся на кресле и реагировал на окружающее пространство не иначе, как короткими междометиями и покачиванием головы.

За исчезновение горячо любимого пролетариата переживает, или впечатления наконец-то достигли критической массы?

Разбираться в причинах я не стал.

По-тихому попрощался с Натальей Ивановной и умотал восвояси...

Следующий день мы открыли просмотром «Чёрного зеркала». Часов с трёх пополудни, по одной серии в день, с остатками и повторами – в попытках найти логику или смысл.

Удавалось сие далеко не всегда даже мне, при этом Троцкие – надо отдать должное их интеллекту и вкусу – прекрасно понимали, что смотрят художественный вымысел, а то – и фантастический гротеск. Однако использованные в сюжетах возможности технологий они, очевидно, принимали за чистую монету.

Сериального компьютерного буйства хватило на неделю.

За ними пошёл подробный разбор скучного, но куда более актуального момента «Учебника новейшей истории Европы и Америки» Кредера.

После него – ролики с «youtube». Один из них, с роботом-трактором на поле, вызвал неподдельный сердечный приступ «Льва революции» – крестьянство, получается, в будущем тоже всё повывелось...

По вечерам, за скромным, если не сказать скудным ужином – в блюдах которого чётко прослеживалась зависимость от утреннего улова – меня изрядно донимали расспросами. Вполне ожидаемо: как, где, с кем, когда. Не раз и не два пытались поймать на деталях, да получалось из рук вон плохо.

Екатеринбург 20-х годов – не мой конёк, но всё же десяток названий улиц я помнил. Общая география, уверен, тоже изменилась не фатально: река и плотины на месте. Центральные кварталы тем более – кучки старых домов дотянули до двадцать первого века. Что до окраин – однорядки деревянных избушек с огородиками не считаны и одинаковы по всей стране.

Против любого местного – никудышная легенда, да только Троицкие не знали и такой малости...

С образованием – сложнее, сразу после попадания меня выдавало абсолютное незнание старой орфографии[144]. Но в камере Шпалерки и бараках Соловков подобные мелочи никого не беспокоили. В Хельсинки же пришлось быстро подучиться – эмигрантам «лес без буквы ять не так шумит», только попробуй использовать в их среде советскую «упрощёнку». Поэтому – спустя три года да уйму прочитанных книг и написанных писем – мои навыки прекрасно соответствовали переходному периоду. То есть – оба варианта письма я использовал свободно, но с грубыми перемежающимися ошибками.

После попадания в застенки ЧК – совсем просто: реальность соответствовала словам практически полностью. Любая информация от оставшихся в Ленинграде левых оппозиционеров или финских товарищей могла лишь подтвердить детали моей транскарельской авантюры.

Сложно сказать, делали ли Троицкие запросы в те края

---

[144] Реформа орфографии была проведена в 1918 году, так что азы ГГ всё же должен был знать.

на самом деле[145], или сказалось полное «отсутствие присутствия» иных соратников, однако к моменту знакомства с «Angry birds» доверие ко мне достигло уровня семейного круга. Именно там, зачастую в язвительной и острой полемике с женой, Лев Давидович обкатывал идеи своих будущих статей и книг.

Моё участие не смогло поколебать традицию – но только по форме. Что касается сути, то определённо дело коммунизма стоило бы начать с нуля...

Каноническая цель революции состояла в ликвидации силами пролетариата двух главных паразитов – буржуазного государства и капиталистов.

Последних планировалось уничтожить буквально по принципу – «нет класса – нет проблемы».

С бюрократическим же аппаратом так просто не получалось даже в теории.

Бородатые отцы «данный в ощущениях момент» отметили и на время переходного периода разработали три обуздательные меры: выборность и сменяемость лидеров в любое время; плату не выше, чем у рабочих; постепенный переход контроля в руки широких народных масс.

Всё бы ничего, да только практика СССР оказалась заметно сложнее пыльных инкунабул...

Товарищ Троцкий – как автор Манифеста Коммунистического Интернационала – осознал сей печальный момент одним из первых. Не зря ещё в двадцатом встал за откат к НЭПу[146].

Однако конечную, стратегическую цель он при этом не менял ни на йоту: возврат к рыночным отношениям – особенно в деревне – для него всего лишь тактическое отступление, необходимое, но обидное, как пощёчина.

---

[145] Л. Д. Троцкий никак не мог связаться со своими сторонниками в СССР летом 1929 года. Только ближе к зиме ему удалось восстановить часть контактов – через Берлин, Париж и Осло.

[146] Ещё в марте 1920 года Троцкий подал в ЦК заявление, в котором, по сути, предлагались будущие тезисы НЭПа, впрочем, очень осторожные (процентное отчисление вместо изъятия излишков и т. п.).

От этой позиции и до самого моего появления бывший наркомвоенмор чихвостил термидорианского ренегата Сталина – «мы обязаны безотлагательно бороться с кулаками через союзы бедноты, только они в состоянии мобилизовать широкие деревенские массы»[147].

Будущий кровавый коллективизатор...

Яро защищал НЭП, поэтому громил леваков-троцкистов с высокой трибуны без всякого вежества, говоря: «Только последние идиоты полагают, что индивидуальное хозяйство исчерпало себя, наоборот, мы обязаны его поддерживать...»[148].

И тут я – весь в белом!

Выясняется, что не пройдёт и полугодя, как ВКП (без буквы «б» – согласно принятому с подачи Троцкого глоссарию) повернёт курс внутренней политики градусов эдак на сто пятьдесят, при этом так ловко и жестоко расправится с частниками, что левая оппозиция обнаружит себя справа[149]! Из всего богатства левой фразеологии изгнанный из СССР большевик-ленинец сохранит за собой право только на жалкий огрызок – бренд перманентной мировой революции. Эксплуатируя эту сомнительную лошадку, он сумеет добыть перманентную славу среди будущих поколений отморожков, однако никакой реальной поддержки от современников не обретёт.

Но этого мало – будущие коммунисты и капиталисты примутся играть поперёк правил...

---

[147] Оригинальная фраза Троцкого: «... поставленная XVI конференцией задача о борьбе с кулацким засильем может быть действительно выполнена лишь при организации местных союзов бедноты, которые единственно в состоянии мобилизовать для защиты социалистического хозяйства широкие массы деревни».

[148] Оригинальная фраза Сталина: «... есть люди, думающие, что индивидуальное хозяйство исчерпало себя, что его не стоит поддерживать... Эти люди не имеют ничего общего с линией нашей партии...».

[149] Далеко не безобидное обвинение. В «Правде» от 30-го марта 1930 была напечатана статья Ярославского «Слева направо», посвящённая «переходу» левой оппозиции Троцкого... в лагерь социал-демократии (то есть «вправо», на позиции «контрреволюции»).

Активисты Интернационала благополучно допинают международное братство и рабочую солидарность до чудовищной Мировой войны.

Китай, объединённый и накачанный ресурсами под «мудрым» руководством Сталина, пойдёт по жизни своим собственным путём, на прощание больно хлопнув СССР по носу островом Даманским.

Вьетнам, едва оправившись от войны с США, тут же затеет аж две новые – с Китаем и Кампучией.

Югославия на национальной почве забредёт в дебри безнадежной гражданской резни.

Что сделают друг с другом социал-племенные вожди в Африке – учебники будущего разъясняют смутно, как будто на чёрный континент вернулись времена доктора Ливингстона.

В свою очередь «поджигатели империалистической войны», опираясь на зелёную[150] и научно-техническую революции, сумеют подкупить пролетариат с крестьянством наверняка высоким по меркам 20-х годов уровнем жизни. А чуть позже вовсе их уничтожат – в полном соответствии с нативным коммунистическим замыслом – «нет класса – нет проблемы». Они же сделают реальностью Соединённые Штаты Европы.

Попутно каким-то чудом удастся закатать в «песок истории» всемогущую государственную бюрократию – большая часть лидеров 21-го века выбирается, сменяется и получает зарплату вполне на уровне квалифицированных специалистов. Чиновников же рангом поменьше расшалившийся электорат примется последовательно ставить под контроль порталов госуслуг, при малейшей возможности – заменять бездушным «программным скриптом».

После такого набора «нежданчиков» – трудно переоценить масштаб «ураганов», прокатившихся через сознание Троцкого. Несоединимое – не соединялось. В панических фантазиях он шараялся по политическим дебрям из края в

---

[150] Изменение в сельском хозяйстве развивающихся стран в 1940-х – 1970-х годах, приведшее к значительному увеличению продуктивности. Например, в Мексике (на родине этой революции) за 15 лет урожайность зерновых выросла в 3 раза.

край, долгими часами выстраивая теории, одну безумнее другой, и тут же за минуты разравнивал их в прах.

В себя вождь преданной революции вернулся только недели через три: глаза под поседевшими бровями загорелись юношеским задором, оттаяла едкая и тонкая ирония, холодное презрение к врагам скривило губы. Для полноты образа не хватало лишь слов, сбитых несгибаемой волей в разящий меч новой идеологии.

Новый манифест рождался на моих глазах.

Разумеется, я попробовал аккуратно помочь...

И с немалым удивлением обнаружил – коварный план дал сбой, любая, даже самая осторожная попытка направить мысли «вправо» с негодованием отпихивалась в сторону! Как временное отступление – пожалуйста, сколько угодно. Но дальше – ни шагу назад, совсем как в окопе под Москвой. Только мировая революция, только хардкор!

Из-под образа изворотливого политика – коим я Троцкого представлял, исходя из читанных и слышанных обрывков дореволюционной биографии – отчётливо проступила сущность наивного фанатика.

В представлении «кочегара революции» Советская Республика как была, так и осталась детищем выдающейся победы пролетариата, а национализация – символом прогресса.

Просто народу в очередной раз не повезло с лидером. Страна свалилась под власть бюрократии, засим стала отталкивающей иллюстрацией «деформированного рабочего государства»[151].

И ладно бы, дело касалось только СССР: когда ставка – весь мир, потерю одной второстепенной страны можно пережить. Беда в никуда не годном примере! Ведь действительно, какой безумец пойдёт по пути жалких неудачников после такого наглядного экономического и социального банкротства?

То есть, по его мнению, достаточно мало: свергнуть

---

[151] Теория выдвинута Л. Д. Троцким ещё до изгнания, противопоставлялась построению «социализма в отдельно взятой стране». Дальнейшее развитие – «Бюрократический коллективизм» (Бруно Рицци, 1939 год), с которым Л. Д. Троцкий до последнего не соглашался в деталях (например, отрицал отождествление сталинизма и фашизма).

советскую паразитическую олигархию, продвинуть «завоевания Октября» в Европу, после чего никакие империалисты не сравнятся по скорости прогресса с всемирным братством трудящихся.

Короче говоря, не будь Сталина – к 21-му веку на Марсе не роботы бы грунт ковыряли, а яблони цвели.

Огорчение?

Обида?

Разочарование?

Нет!

Удивление – вот что я почувствовал в момент истины.

Вождю выпал уникальный шанс, к его услугам история 20-го века, препарированная и разложенная по баночкам с формалином. Для него обнажены нервы движущих сил, выявлены ключевые личности и факты. Наглядно разжёвана роль науки и технологий. Просто, как дважды два.

Какой тут можно ждать ответ?

Ну, никак же не пять!

На следующий после скандала день я пришёл к Троцким поздно, сразу к ужину.

– Уезжаешь? – прямо с порога проявила пронизательность Наталья Ивановна.

– Завтра, в Прагу, – не стал отпираться. Протянул тяжёлый пакет с копчёным окороком. – Мотался в Константинополь за билетами, вот, заодно прикупил.

– Спасибо! – голос хозяйки заметно потеплел.

Не иначе, соскучились по свининке, которую нельзя найти на рынке маленького мусульманского островка. Да и стоит такой продукт по местным меркам негуманно.

– Лёва всё равно расстроится, – добавила она шёпотом.

Вместо ответа я вяло пожал плечами: можно найти занятие поумнее, чем бороться с идеализмом пятидесятилетнего старика.

Беседа за столом не клеилась...

Ярчайшего полемиста мира как подменили, даже безобидные фразы стоили Льву Давидовичу немалого труда.

Ни малейшей радости по этому поводу я не испытывал:

успел проникнуться если не симпатией, то немалым уважением к упрямому большевику-ленинцу. Он пережил предательство соратников, крах привычной картины мира, но не сломался, а напротив, сохранил отношение к Советскому Союзу, как к государству рабочих, за которое он, изгнанник, ощущал такую же ответственность, какую чувствовал будучи членом Политбюро в правительстве Ленина[152].

– Прощу меня простить, – я попробовал навести мост отношений заново. – Очень хотел бы вам помочь, да только нет у меня больше ничего.

– *On les aura!* – привычными словами отозвался вождь.

И замолчал, бросив на жену взгляд побитой собаки.

Дело досель небывалое, но удивиться я не успел – приборы Натальи Ивановны легли на стол с тихим, но отчётливым стуком.

– Алексей... – она на секунду смутилась, недовольно куснула губу, но всё же продолжила твёрдо, не отводя глаз. – Нельзя ли занять у тебя немного денег?

Что?!

Спору нет, я уже давно заметил отсутствие достатка в доме Троцких. Газоны вокруг виллы заросли бурьяном, мебели нет, по углам тенета и пыль, охрана похожа на пародию.

При дичайшей местной дешёвизне – на обед и ужин неизменно рыба, которую хозяйка не стесняется ловить в море вместе с мужем.

Но чтобы вождь мирового пролетариата просил займы у классово чуждого дворянчика?!

Такой хитрый выверт судьбы мне в голову попросту не приходил!

Между тем бывший наркомвоенмор поспешно развил просьбу супруги.

– Признаюсь, история пренеприятнейшая. Сталин выставил нас с Натальей из СССР без копейки. Жить как-то надо, вот и пришлось мне в мае взять в долг у Мориса Паза двадцать тысяч франков на первое время. Помнишь, я на прошлой неделе рассказывал про его газетёнку, ту что «*Contre le Courant*»?

---

[152] В реальной истории Л. Д. Троцкий сохранял подобное отношение к СССР до второй половины 30-х годов, причём, зачастую – против позиции своих же соратников.

Мы с ним собирались устроить большой еженедельник, да только этот поганый салонный коммунист, едва вернувшись в Париж, первым же делом принялся плести ничтожные интрижки вместо совместной работы[153]! Зато деньги требует в каждом письме! Рассчитаться – не проблема, черновик «Моей жизни»[154] давно готов, договор с издателем подписан. Но тут твои... Э-э... Твои учебники, прямо как снег на голову. Всё – решительно всё! – пошло наперекосяк!

– Молочнице за месяц задолжали, – припечатала оправдания мужа Наталья Ивановна.

Отказать?

Может, хоть трудности быта прочистят поражённый мировой революцией мозг?

Пусть вместо изобретения собственных теорий поддержит чужие, из тех, что имеют за собой поддержку капитала. Наверняка эти стервятники уже кружат вокруг, хотя бы в переписке, дожидаясь удобного момента.

Вреда от них нет, ведь бороться против Сталина, будущих репрессий и нацизма Лев Давидович не перестанет в любом случае.

А у меня перед чёрным четвергом, понедельником и вторником каждый доллар на счёту!

– Понимаете, – начал, было, я приличествующую моменту сагу на тему «денег нет и не будет». – Такое дело...

Лицо вождя революции успело скривиться в понимающей, но всё равно презрительной гримасе.

И тут до меня докатилось ощущение непоправимой ошибки. Практически рефлекторно, не думая, я успел развернуть смысл и произнёс:

---

[153] Группа парижских «троцкистов» в мае 1929 года оказалась изрядно обескуражена личной встречей с лидером на Принкипо. Несмотря на все попытки, в том числе повторную встречу летом 1930 года, сотрудничество «не пошло».

[154] В реальной истории Л. Д. Троцкий расплатился в основном благодаря начатой ещё в Алма-Ате книге «Моя жизнь», отрывки из которой публиковались в газетах, начиная с ранней осени 1929 года. Позже его литературные гонорары выросли до существенной величины – нескольких десятков тысяч долларов в год.

– ... давно хотел предложить! Да всё боялся, что не примете!
Осознание причины пришло следом за сказанными словами...

Принкипо – к большому сожалению – совсем не Карелия.
Ласковое Мраморное море – не студёное Белое.

Труд писателя – не Соловецкий лесоповал.

То есть загибаться от голода и холода семья Троцких будет долго, очень долго, а вернее всего – никогда.

Между тем пошёл уже третий месяц, как никто не пишет воззвания и письма в СССР, не ищет союзников в Москве, Париже и Берлине, не мешает Сталину готовить чудовищную коллективизацию, а Гитлеру – пожинать голоса озверевших от безработицы избирателей.

Наконец, не издаётся самое простое и очевидное – «Бюллетень оппозиции»!

Денег нет даже на почтовые марки!

А значит, советское «окно Овертона» продолжает скользить в ад великого террора и чудовищной войны.

Скоро будет поздно!

Моя рука сама собой полезла в карман пиджака.

– На первое время... Чек на две тысячи долларов вас устроит?

Как там вождь писал в «Бюллетене»?

«Против бюрократизма! Против оппортунизма! Против авантюризма!

За возрождение ВКП и Коминтерна на основах ленинизма!

За международную пролетарскую революцию!»...

Всё равно из этой глупости ничего стоящего не выйдет.

Однако лучше делать вид, чем ни делать ничего.

* * *

Низкое небо Гамбурга плакало промозглым мелким дождём.

Дым из обеих труб океанского лайнера мягко стелился в сторону выглядывающей из-за бурой громады складов стальной дуги моста.

Там как-то совсем незаметно расплывался в облака, да так быстро, что верхняя часть фермы терялась в серо-сизой хмари.

– «Albert Ballin», – прочитал я название вслух.[155]

Белые буквы, выведенный на борту причудливой готикой, казалось, нависали прямо над низким зданием морского вокзала.

Рука Марты судорожно сжалась в моей ладони.

– Нам – туда, – кивнула она в сторону, мимо осаждающей двери третьего класса толпы.

– Как-никак – первый класс, – скривился я. И тут же сорвался на вывернувшегося невесть откуда попрошайку. – *Geh weg!*

– Лови! – крупная «серебрушка», не иначе в пять марок, полетела из руки Марты ловко перехватившему монетку «костыльнику». – Прощай, Дойчланд! – добавила девушка, словно извиняясь.

– Хлеб купи, а не дозу! – кинул я в спину болезненно худому, едва одетому, но при этом быстрому и вёрткому ветерану Великой войны.

Может, послушает, продержался же он как-то десять лет мира?

Если сейчас наркоманов в Германии – как нищих на паперти православного храма, то страшно подумать, что творилось сразу после демобилизации. Чуть не у каждого вернувшегося с фронта офицера, а то и унтера, в кармане подарочная аптечка, в которой набор игл, шприц и ампулы с героином. Рядовые отстали ненамного, у них в ходу вариант подешевле – «ускоренный марш», с пояснением на этикетке – «ослабляет чувство голода и усиливает выносливость». Он же – кокаин в таблетках[156].

Какого труда мне стоило отвести Марту от заразы[157]?!

Едва завелись деньги, какие-никакие столичные знакомства, подруги... Её потянуло на модную дорожку. А тут, как

---

[155] *Спущен на воду в 1922 году, с 1935 – «Hansa», с 1953 по 1980 – «Советский союз».*

[156] *Например, одна только фирма «Merck» в Дармштадте произвела в 1912 – 1914 годы около 21 тонн кокаина, а во время Первой мировой – более полутора тонн в месяц.*

[157] *По данным 1924 года из 548 опрошенных проституток Москвы – 410 потребляли наркотики. Не думаю, что ситуация в Берлине отличалась принципиально.*

назло, даже среди вполне приличных дам принято таскать чёртов порошок в пудренице, да нюхать его ничуть не скрываясь в кафе, на службе или в трамвае – проще, чем сигарету закурить в 21-ом веке.

Хорошо, хоть я успел вернуться вовремя, пока привычка не стала зависимостью...

Вообще, надо признать, осень и большая часть зимы 1929 года пролетели незаметно...

Неделю после Принкипо, никак не меньше, я прокувыркался в постели с Мартой. Две – с ней же, но в каморке офиса, за разбором накопившихся канцелярских мелочей. Месяц с лихвой ушёл на продажу «Kinderluftballons», на фоне восторженного просперити «золотых двадцатых»[158] дело оказалось намного проще, чем я опасался. Зато волокита с оформлением, напротив, так и шептала на ухо доплатить Троцкому за его антибюрократический лозунг отдельно, по двойной ставке.

После «трансклерковского марафона» биржевой крах прошёл спокойно и размеренно, примерно, как охота на слона в зоопарке. С утра занять побольше акций – сколько дадут под залог имеющийся наличности – тут же продать, ближе к вечеру откупиться бумагами, подешевевшими на десяток, а то и два процента, вернуть их держателю.

Что может быть проще?

Главное – не соваться в омут биржи, где в эти дни царит тяжёлый коллективный психоз. «Акционеры» с вытаращенными глазами по-броуновски клубятся вокруг белёсых от плохо стёртого мела котировочных досок, кричат на миллион голосов, а ещё машут руками, как артистки женского бокса на ринге.

Есть телефон. Есть понимающие тему брокеры. Их стараниями к утру среды мой капитал составил без малого сто двадцать тысяч долларов.

Пока не богатство, но уже – состояние. Плюс к этому, порядка тридцати пришлось на долю девушки, которую хоть и

---

[158] Экономика Германии в 1924 – 1929 годах бурно росла. Объём промышленной продукции возрос к 1928 году до 122% от уровня 1913, доходы населения превысили последний почти на 20%.

с немалым трудом, но всё же удалось уговорить поставить на кон собственную долю.

Деньги, чёрт бы их пограл!

С точки зрения Марты крупный счёт в банке – квинтэссенция абсолютного счастья. Она ещё не знает, что богатые тоже плачут.

Мне же нужно неизмеримо больше – годный инструмент для игры в жизнь.

Получить я его сумел, а вот с использованием – впору ставить статус: «всё сложно».

Совсем недавно, по дороге из Турции я, было, окончательно решил – гори всё синим пламенем!

Люди готовы биться смертным боем ради ничтожного «барского лужка», умирать за идиотские, вбитые газетными передовицами идеи, стрелять в затылки классово чуждых женщин и детей, раболепно прославлять палачей, писать миллионы паскудных доносов на соседей, загонять во рвы и лагерь смерти неправильные нации.

Или – что куда страшнее – без затей и всякой выгоды радоваться сдохшей у соседа корове или рухнувшим башням «WTC».

Умудрённые сединами отцы семейств, при авторитете и должностях, все, за редким исключением, наделись на крючок пропаганды – как последние кокаинисты. Именно они, а никакие не фанатики-коммунисты, столкнули мир в кровавое безумие.

К чему спасать придурков, вздумавших устроить семейную вечеринку на территории десятикиловольтной подстанции?

У меня есть прямой путь в Валинор, он же – сияющий огнями Нью-Йорк.

Купить квартиру на Манхэттене с видом на Центральный парк, почему нет?

Там никто не помешает аккуратно играть на бирже, а полученные нетрудовые доходы вкладывать в персональное хобби – скромную лабораторию по исследованию полупроводников. Хвала институтским конспектам и не чуждым конспирологии преподам, кое-какие фамилии у меня есть.

Так что смогу в помощь себе любимому выкупить у большевиков блестящего экспериментатора Олега Лосева, по

части теории разорить нацистов на гениального Оскара Хайла, заодно прихватить из Ленинграда его жёнушку – товарища Агнессу Арсеньеву[159].

Глядишь, появится году к тридцать пятому в этом мире первый транзистор, к пятидесятому – полноценная полупроводниковая ЭВМ. А там и до Интернета рукой подать.

Что ещё надо человеку, чтобы встретить старость?

Уже куплены тяжёлые, напоминающие безразмерные сумки морские чемоданы, выбрано судно, каюта, оплачены билеты. Да только на душе чем дальше – тем гаже.

Как ни крути, но задача «трёхнет» нерешена. Следовательно: отъезд в Америку – суть трусливое бегство.

Я пытался призвать на помощь здравый смысл...

Что для меня Вторая мировая или Великая Отечественная?

Много ли я знаю про них?

Всего лишь несколько глав в учебниках, зазубренные на уроках и на следующий же день благополучно забытые даты битв, десятков фамилий полководцев, ритуальные ленточки на антеннах машин и красные флаги на экране телевизора ко дню Победы. Спасение «рядового Райана», «Перл Харбор», «Штрафбат» и «Утомлённые солнцем».

Не более чем набор мифов, теперь я это понимаю лучше чем кто-либо в мире...

Все увёртки пропаганды кроет один факт...

Ближе к ночи, стоит лишь сомкнуть глаза, вокруг меня собирается безбрежное море голов. Двадцать, тридцать, пятьдесят миллионов призрачных мертвецов – считая русских, немцев, китайцев.

На время их можно прогнать, полстакана водки или коньяка действуют безотказно, но...

Но каждый новый день они подходят на шаг ближе!

Сколько раз я пробовал оправдаться?

Изобретал аргументы: до войны ещё целых десять лет, куча времени, чтобы остановить бесноватого австрияка; создавать

---

[159] *О. В. Лосев – изобретатель кристадина (1922 год). Умер от голода в блокадном Ленинграде. О. Хайл – немецкий физик, запатентовал принцип действия полевого транзистора (1935 год). А. Арсеньева – супруга О. Хайла, в 1935 не смогла выехать из СССР, позже – профессор ЛГУ.*

новый мир нужно пером, десятками и сотнями писем, а не глупым метанием по Европе.

Вынашивал план найма киллера для Гитлера.

Воображал сонм потенциальных союзников на противоположной стороне океана. Или же, наоборот, кидался в крайность ортодоксального марксистского детерминизма, который нашёптывал: «Что ни делай – страшное непременно произойдёт. Нацизм неизбежен, как приход зимы, противоречия Версальского мира заложили неизбежный реванш. Исчезнет один фюрер, на его месте волшебным образом появится другой, ещё кровавее и коричневее...».

Результатом стало нехитрое знание: самообман – занятие неблагоприятное, самокопание – того хуже.

Память услужливо вернула подзабытые ощущения бегства по карельской тайге: ежесекундный страх, нечеловеческую усталость, голод, стылую воду озёр и рек, смертельную топь болот, лай собак и сочные шлепки чекистских пуль по стволам деревьев. Соседей по нарам, мёртвых и, возможно, пока живых. Отправленного по гибельному зимнему этапу старика-учителя, профессора филологии Кривач-Неманца. Авдеича, напарника по лагерю и его несчастную дочь.

Всем этим призракам прошлого не требовалось подходить близко. Я узнавал их лица в толпе. Они спрашивал: «Ты отомстил за нас?».

Но самым жестоким из моих судей оказалась Татьяна – нагая дафна Кемперпункта. Та самая, что бросила вызов главвертухаю Курилко. Взгляд её глаз преследовал меня неотступно – ведь там, в концлагере, я поклялся отомстить за неё! Она, быть может, всё ещё жива! А если нет? Тем более!

Сколько их ещё в Советской России, прекрасных, несломленных, нерастоптанных в соловецкую пыль тяжёлыми большевистскими сапогами?

Два года назад, в тайне от самого себя я думал об орденах и медалях. Мечтал стать знаменитым, хоть в отчаянном прыжке, но дотянуться до упоминания своей фамилии на страницах учебников. На подвиги меня толкало честолюбие...

Наивный глупец!

Теперь мне известна страшная правда: жажда славы – ничто против груза ответственности...

Перелом случился в канун двенадцатой годовщины русской революции...

Для начала я отрезал себе путь отступления, то есть сдал билет на «Albert Ballin».

Затем пережил недельный скандал – уладить отношения с Мартой без смертоубийства оказалось непросто.

Мне очень хотелось отправить её в новую жизнь свободной, богатой и красивой невестой.

Не вышло: в законах Веймарской республики «развод по взаимному согласию» как понятие начисто отсутствует. Самое близкое по смыслу, так называемое «злонамеренное оставление супруга», можно предъявлять не ранее чем через год.

Пришлось ограничиться набором простых инструкций: не подходить к бирже ближе, чем на пушечный выстрел, и вообще, ничего серьёзного не покупать до 32-го года. После 33-го – собрать пакет акций крупных табачных компаний[160]. С этого и жить.

Она же...

Она решила ждать меня за океаном.

Ждать и дожждаться.

Я обещал!

Она верила мне, верила со слезами на глазах, так умеют верить только женщины. Верила искренне, истово, но точно знала – мы расстаёмся навсегда. Она никогда не читала Толкиена, поэтому не надеялась на орлов.

Я обещал!

Поэтому обманывал, как мужчина, по давней традиции выбравший самое простое – поход и битву. Очень удобно – нет смысла беспокоиться о завтрашнем дне, он, может, и вовсе не наступит.

Позади таможенные формальности, погружен багаж. Улетают последние мгновения.

Столбики дыма из труб малявок-буксиров забугрились чёрными клубами.

Около швартовых пушек суетится портовая команда.

---

[160] Доллар, вложенный в табачную компанию в 1900 году, к 2010 год принёс бы 6,3 млн. – в 165 раз больше среднего по промышленности США.

Мы в последний раз обнялись у трапа: такую привилегию имеют только пассажиры первого класса, остальные – машут руками с трибуны на крыше вокзала.

Мокрый снег скрыл слёзы...

* * *

Дорога на войну, как и положено, началась с завещания. Нехитрое, можно сказать, насквозь житейское дело...

Только не в моём случае.

Прикинул и прослезился – для сохранения текстового и графического контента 21-го века – то есть без музыки и видео – требовалось никак не менее сотни тысяч кадров.

Примерился, было, к «Kodak» номер четыре, купленному для поездки в СССР чуду фототехнической мысли, и тут же, не задумываясь, отправил его в комиссионку. Широкая плёнка чудо как хороша для художественных снимков, но в подобных количествах способна разорить даже миллионера. Вдобавок для её хранения потребуется арендовать не ячейку банка, а всё хранилище целиком. Взамен я рассчитывал купить готовый станок для микрофильмирования, на худой конец – специальную придуманную под данный процесс камеру [161].

Реальность неприятно удивила – ничего подобного в продаже не имелось. Самые опытные профессионалы в ответ на мои вопросы недоумённо разводили руками. Только один из них что-то слышал о программе перевода манускриптов на фотоплёнку, затеянной пару лет назад в библиотеке конгресса США.

Но где Берлин, а где Вашингтон!

При всём богатстве выбора лишь «Leica I» [162] минимально соответствовала требованиям – работала на узкой тридцатипятимиллиметровой плёнке, той же самой, что массово использовалась в кинематографе. Все остальные варианты требовали чего-нибудь пошире и ощутимо подороже.

Возиться с кассетами на тридцать шесть кадров

---

[161] *Рассчитанный на 250 кадров аппарат «Leica 250 Reporter» был выпущен в продажу только в 1933 году.*

[162] *«Leica I», в продаже с 1927 года, первая камера для 35-ти миллиметровой киноплёнки.*

категорически не хотелось, хорошо что не только мне. Создатели Лейки случайно или умышленно оставили место для настоящего чита: можно за копейки купить большую катушку киноплёнки и потихоньку в темноте отматывать с неё нужные куски. Так что идея, можно сказать, лежала на поверхности.

Доработанную напильником камеру я воткнул в большой «тёмный ящик» так, что наружу торчал только объектив. Туда же пристроил профессиональные киношные катушки на две тысячи футов киноплёнки – полную и, соответственно – пустую. Для управления получившейся сверхкамерой – вывел специальные светонепроницаемые нарукавники. Получилось удобно – правой рукой, изнутри и на ощупь, я перематывал плёнку и нажимал спуск, левой, снаружи, – манипулировал экраном смартфона.

Долгими часами, день за днём – полтора месяца. Восемь полных бобин, два чемодана...

Зато проявка не составила труда: кинопроизводство в 20-х жило чудовищными по фотографическим меркам объёмами, десятки мастерских были готовы удовлетворить любые прихоти как известных продюсеров, так и всевозможных операторов-любителей.

Хочешь присутствовать в процессе, лично контролировать, чтобы никто не лез с лупой к негативам?

Порнуха, значит?

Вот тут, уважаемый герр, у нас строчка в прејскуранте для вашего случая предусмотрена. Платите тройной тариф и ни в чём себе не отказывайте.

За сохранением нажитого непосильным трудом я отправился в Швейцарию, сейф «Union Bank of Switzerland» оказался мне лучшим вариантом из всех возможных. Изрядная перестраховка, надо признать, в известном мне будущем Германия оставалась относительно доступной года до тридцать пятого.

Однако мало ли что случится с историей после моего вмешательства?

Условия просты: доступ в архиву – исключительно личный, по кодовой фразе и росписи. В случае моей гибели, а точнее – отсутствия в течение трёх лет, банкиры обязаны переслать сопроводительное письмо, флешку, двадцать тысяч долларов и

весь архив в Англию, господину Капице Петру Леонидовичу, действительному члену Лондонского Королевского общества. Мир должен получить второй шанс. Остаток денег с чекового счёта, если таковой обнаружится, отойдёт Марте. Ближе у меня тут всё равно никого нет.

Всё лишнее из памяти телефона безжалостно стёр, теперь я не смогу выдать врагам секреты даже под пыткой.

Оставил лишь самое нужное в области истории и электротехники, фильмы, музыку, немного беллетристики для борьбы со скукой, и кроме того «презентации» – кадры заглавных страниц и содержания оставшегося в Цюрихе «богатства».

На случай потери или поломки «LG» – продублировал последнее материально, то есть в виде небольшого конверта с отрезками плёнки.

Следующим после завещания пунктом моей программы стоял поиск союзников. Я ведь маленький, слабый, а Враг – он такой могучий и ужасный!

Но как ни крутил варианты – никого, кроме бывшего наркомвоенмора, на горизонте не обнаруживалось.

В конце концов, если товарищ Троцкий намерен дальше получать от меня деньги, то пусть расстарается, во имя потерянному поколению демографического перехода столкнёт советскую коллективизацию на хоть сколь-нибудь разумный путь!

* * *

Путь до Константинополя недалёк, однако для начала я направился в Прагу.

Именно там, ещё перед первой поездкой к бывшему наркомвоенмору, мне удалось легализовать старый нансеновский паспорт.

Удобнее места в Европе не найти, правительство поствеймарской Чехословакии поразительно благожелательно относится к эмигрантам из России.

В результате вышла очень удобная схема – въехал успешный бизнесмен, гражданин Германии Хорст Кирхмайер, а выехал – вчерашний беглец из советского рая, а ныне – слушатель «Русского народного университета» Алексей Обухов.

Быстро проскочить через «город сотни башен» не вышло. Рождественская суэта, уютные пивные ресторанички, чудесные девушки...

До Принкипо мне удалось добраться только в новом 1930 году.

– Я был абсолютно уверен, что ты ко мне вернёшься! – «вождь мирового пролетариата» явно обрадовался моему появлению на пороге виллы. – Наталочка, ты только глянь, кто к нам приехал!

«Самомнения у него изрядно прибавилось», – отметил я про себя.

Но спорить не стал, наоборот, ввернул вежливый комплимент:

– Все пути ведут к вам, Лев Давидович.

– Лёша, ты как раз к ужину! – пока я пристраивал на вешалку пальто и шляпу, Наталья Ивановна успела добраться до холла. – Проходи сразу в столовую.

Распорядок дня остался прежний – под это и подгадывал. Зато компания...

Ох, как же она изменилась за несколько месяцев!

За новым большим столом сидели трое молодых парней, на французском не сразу поймёшь: упражняются они в изыщной словесности или дискутируют о политике. Главное – оживлённо, аж воздух дорожит от напряжения. С трудом оторвались друг от друга, пока Троцкий представлял меня, как «надёжного товарища из СССР».

Сперва показалось – какие молодцы, о России думают. Иное мне как-то и в голову не приходило.

Но потихоньку разобрался, оказывается, тут скромно и со вкусом обсуждают скорую революцию в Испании. Причём успели уйти в этом процессе так далеко, что готовятся не свергать власть короля или, на худой конец, проклятой буржуазии, а наоборот, спасают свободный пролетариат иберийского полуострова от термидорианского перерождения коммунистической верхушки.

Чтобы не вышло такой же чепухи, как в Советской Республике.

Хозяин улыбался, довольный, как объевшийся сметаны

кот. Ещё бы, он наконец-то в привычной стихии, да ещё с персональным, глубоко спрятанным от соратников бонусом на «послезнание».

Я же честно, но без малейшего успеха пытался вникнуть в хитросплетение испанских политических интриг. В отличие от Льва Давидовича, мне в голову не пришло штудировать учебники будущего на предмет стартовавшей в конце тридцатых[163] гражданской войны.

Часа хватило сполна – нить дискуссии окончательно вывалилась за грань моего понимания.

Термидор, хермидор...

Левые газеты завалены этим музейным термином по самый край, ещё и наружу свешивается перекисшей квашнёй. Надо же, нашли «великое» событие...

Чуть более сотни лет назад Конвент – он же гибрид правительства и парламента – всего-то навёл порядок в своём же исполнительном комитете. Срезал головы нескольким ошалевшим от крови якобинцам. Аналогия, сколько не тяни её за уши, имеет с СССР всего лишь один действительно схожий момент: когда-то революция должна закончиться. Можно точку разворота назвать реакцией, можно – откатом, усталостью масс[164], сменой тренда, потерей инициативы, хоть как – суть не изменится. Форма, кстати сказать, тоже.

Там, где торжествует революционный беспредел, к власти всегда приходят вожди. Процесс неизбежный и в общем-то позитивный. Кто-то же должен вылупить из пролетариев всякие галлюцинации и занять их прямым своим делом – чисткой сараев. Проблема тут ровно одна: каждый спаситель отечества наводит иерархию и порядок по своим уникальным рецептам.

Можно усложнять...

Подрихтовать идеологию под реальность. Раз и навсегда прекратить поиск врагов, беречь, а не загонять на лесоповал

---

[163] ГГ путает мятеж Франко с Испанской революцией, которая началась 12 апреля 1931 года, 28 июня прошли выборы в Учредительное собрание, на которых к власти пришла либерально-социалистическая коалиция.

[164] Председатель революционного трибунала Дюма жаловался Робеспьеру, что он не может найти судебных заседателей для трибунала, так как никто не хочет идти.

вернувшихся из-за границы сограждан. Допустить многоукладность в экономике, удерживать баланс между государственным и частным сектором. Железобетонно защитить права антагонистов-капиталистов – своих и чужих – льготами и дешёвыми ресурсами заманить к себе иностранный бизнес. Тащить и приспособлять к себе всё лучшее, что создано на земном шаре. Манипулировать валютным курсом и пошлинами, подстраиваться, льстить, лоббировать, угрожать или обещать, но всё же устроить из своей страны мирового промышленного лидера.

Можно упрощать...

Закуклиться в автаркию. Низвести национальную валюту до статуса пресловутых фабричных купонов. Задавить хилые ростки товарно-денежных отношений в пользу примитивного централизованного управления ресурсами, по сути – скатиться обратно в феодализм, точнее – его индустриальную разновидность. Винить в тотальной нищете и лишениях вредителей, диссидентов, контрреволюционеров и прочих еретиков, а их беспощадное уничтожение – сделать смыслом жизни инфицированного коммунизмом поколения. Непременно разыскать внешнего врага, ведь упрощённые системы управления исключительно эффективны именно во время войны. Или, на крайний случай, вечной подготовки к войне.

Китай успел прогуляться по обеим веткам развития. Результат известен любому школьнику 21-го века.

Допив для храбрости бокал недурного «Совиньона», я попытался встрять в дискуссию.

– Товарищи, не лучше ль вместо разговоров о будущем уже сейчас поднять советских, озлобленных коллективизацией крестьян на борьбу против сталинистов-термидорианцев?

– Тут у нас расхождений никаких нет, – лидер гостей дрогнул тонким безноздрым носом. – Вместе с тем...

– Стравить между собой врагов революции, что может быть лучше! – подхватил самый младший из французов, чернявый красавчик лет двадцати с обиженными губами.

– Как это, врагов? – удивился я.

– Не спорю, в нашем деле хороши любые средства... – попробовал продолжить лидер.

Однако красавчик его опять прервал:

– Если бы знать как!

– Мы уже довели тираж «Бюллетеня оппозиции» до трёх тысяч экземпляров[165], – заметил Троицкий. – Разосланы сотни писем, в Европе поддержка нашей позиции ширится день ото дня.

– Плебисцитарное окружение Сталина не даёт возможности для более глубокого вмешательства, – наконец-то закончил мысль старший из французских гостей.

О чём они вообще говорят?

Пытаясь нащупать реальность, я недовольно пробормотал:

– Разве нет иных вариантов?

– Вне всякого сомнения! – меня пронзил взгляд синих, безнадежно уверенных в своей силе глаз вождя. – *Somme on le sait* – политика есть искусство возможного. Поэтому мы неустанно призываем советское руководство отступить с позиций авантюризма по крестьянскому вопросу. Как можно раньше и в как можно большем порядке. Но, нужно особо отметить, сейчас и только сейчас!

– Право, вы меня совсем запутали!

– Ты же прекрасно всё сам понимаешь, – бывший наркомвоенмор позволил себе снисходительную улыбку. – Крестьяне – наши самые страшные классовые враги, не повредит, если какие-нибудь десять миллионов из них будут уничтожены. Пока мужик, наш смертельный враг, нас не проглотил, мы должны его навсегда как следует взнуздать. Коллективизация – прекрасное средство укротить мужика, он должен либо войти в колхоз, либо быть навсегда обезврежен[166].

Это что же выходит?

Монархисты – с их коронным призывом пороть быдло на конюшне – на поверку чисто гуманисты?

Нет, с теорией я не спорю, на скудных почвах Нечернозёмья частник – суть самоед, в смысле – ничего не производящий и ничего не потребляющий экономический балласт. И угрозой естественной парцелляции из трудов Василия Шульгина я

---

[165] В реальной истории тираж «Бюллетеня», похоже, никогда не превышал 1000 экземпляров.

[166] Незначительно изменённая фраза из книги Карла Альбрехта «Преданный социализм», приписывается С. Орджоникидзе (скорее всего, в 1930 году).

проникся в достаточной мере. Даже не спорю, что без крупных агропромышленных хозяйств России никак не обойтись.

Но, чёрт побери, они же – люди!

Живые люди, а не поленья для топки паровоза прогресса!

Злость подняла меня на ноги.

– Знаешь, как сделать лучше? – осклабился лидер французов.

– Да пошёл ты на х...й! – крикнул я ему в лицо. Надеюсь, этот фанфарон не знает русского. Ведь, в сущности, обидные слова сказаны совсем другому человеку. – Обойдусь. Без Диванных. Вояк.

Вышел в тишине.

– Лёша, Постой! Куда же ты? – расстроенный Троцкий догнал меня в холле.

– В Россию, куда же ещё?

Стоит ли вообще говорить с человеком, только что оправдавшим убийство десятка миллионов?

Пусть он единственный стратегический союзник?

– Один?! – опешил бывший наркомвоенмор.

– А есть варианты? – зло фыркнул я в ответ. Махнул рукой в сторону столовой. – От этих болтунов для России не будет никакой пользы, один только вред.

– Поднять народные массы всего мира на дыбы под нашим знаменем...

Где-то глубоко внутри я всё давно решил, но никак не мог осмелиться.

И вот теперь мысль вошла и утвердилась...

Надо убить Сталина, убить и не думать, что будет потом. Хотя, по совести, и этого большевика-ленинца не мешало бы отправить следом...

– Просто убью его, – я коротко оборвал вождя.

– Кого его?! погоди, неужели... Сталина?! Невозможно! Тебя непременно схватят и расстреляют!

– Что с того? – деланно ухмыльнулся я. – Нельзя выиграть, ничего не поставив на кон.

– Les jeux sont faits; rien ne va plus[167], – голос Троцкого сломался. – Будь я лет на тридцать моложе!

– Иногда и жизнь не такая великая цена.

---

[167] Ставки сделаны, больше ничего не принимается.

Никогда не думал, что дойду до эдакого мелодраматического пафоса. Зато «второй после Ленина» явно знал драмы помасштабнее. Посему к деталям он перешёл с неожиданной стороны и без малейших сантиментов.

– Артефакт из будущего оставишь?

– Возьму с собой.

– А если...

– Будет маленький шанс выжить, – не стал лукавить я.

– Лёша, как можно? Невообразимый риск! Разбить или потерять это устройство, невозполнимая утрата!

– Сделаны фотокопии, – беспечно отмахнулся я. – Если что-то со мной случится – они уйдут в мир через надёжного человека.

– Однако! Однако... Дьявольски предусмотрительно! Только... Нельзя одному отправляться в такой вояж – вернейшее самоубийство. Но я точно знаю, кто тебе поможет. Блюмкин! Помнишь такого?

– Ещё бы! – В учебниках будущего убийце Мирбаха отведены полторы строчки. Другое дело – в газетах и книгах двадцатых, тут он популярен, как Гагарин. – Но погодите, погодите... Я точно читал, его должны были расстрелять в ноябре...

– Живёхонек! Мы же с ним виделись в апреле, договорились о связи. Так я ему и написал сразу, прямо с утра, после нашей с тобой встречи.

Ого! Не «шерсти клок», а полноценная овца, то есть баран!

Похоже, моё предприятие не так уж безнадежно. В компании с отчаянным и опытным террористом... Да мы половину Политбюро перестреляем!

– Он точно согласится?

– Не сомневайся, – Троцкий вдруг шагнул вперёд и приобнял меня за плечи. – Не сомневайся, мой друг! У нас всё получится!

Как мне хотелось сбросить со своего плеча руку бывшего наркомвоенмора!

Но Блюмкин!

Ради шанса получить эдакого профессионала стоит потерпеть дольше, чем пару минут.

8. ЗВОНОК

1 июля 1930 года. Москва
День рождения нового мира

«Утро красит нежным светом
Стены древнего Кремля...».

Песню ещё не написали, но солнце уже вкалывает, как коммунист на субботнике. И Кремль красит, и окружающие улицы. Вот только в узкую щель малого Черкасского никак не проникнет. Хотя если задрать голову круто вверх, можно увидеть блестящие стёкла верхних этажей дома напротив...

– Простите!

Я едва удержался на ногах.

Глазеть по сторонам в Москве опасно для жизни – плотная безвозрастная тётка выкатилась из дверей Наркомздрава прямо в мой бок, захала локтем в живот, отдала ногу, однако темпа не сбавила. Наоборот, неплохо спуртанула вперёд по тротуару. Да только оторваться далеко не успела, перед идущим навстречу опортфеленным господином споткнулась, замерла, будто налетела на стену, затем с фальшивой радостью заорала:

– Доброе утро, товарищ Семашко!

«В руководителя вляпалась...», – догадался я. Шагнул чуть в сторону. – «А ну как сейчас назад кинется?».

С последним, впрочем, не угадал. Тётка нашла вполне достойный повод.

– Седня в досаафовском коопе лук дают, можно пойду? Там очередь небольшая совсем, человек полтора.

– Только и мне пару луковиц дадите, – ответил начальник без тени улыбки на лице.

– Пренебреженно, Николай Александрович! – обрадовалась

тётка, и шустро, как в светлое будущее, потрусила через дорогу в сторону Никитской.

О, простые советские нравы!

Безработица в столице чудовищная, люди готовы трудиться ради сущих копеек, буквально за паёк, подчас худший, чем мне давали в Кемперпункте. Но только те, что «вчера от сохи».

Для обладателей самой завалающей городской специальности ситуация резко меняется. Обученные пролетарии, тем паче инженеры, требуются на каждом углу, буквально и без преувеличений.

Если не просить жильё, то любой директор закроет глаза на сомнительную анкету, низкую дисциплину и прочие грешки. Последнее обязательно: непьющий специалист, согласный работать за оклад без каждодневных «взбрыков» – всенепременно белогвардейский шпион.

Кстати сказать, сегодня мой последний рабочий день в качестве монтажника-телефониста. «C'est La Vie», – сказал бы на моём месте товарищ Троцкий.

Немного обидно – возиться с музейными железками оказалось невероятно интересно, в 21-ом веке и близко не осталось подобного разнообразия технологических сущностей. Да и коллектив подобрался приятный, никак не скажешь, что половина – большевики и комсомольцы.

В честь надвигающегося увольнения рабочая сумка особенно тяжела. Кроме привычного кабельного реквизита мне приходится тащить с собой фонический полевой телефон. Шикарный лаковый сундучок двадцатого года издания, изготовленный в Токио по заказу владивостокского[168] «Сименс-Шуккертъ» специально для войск Колчака. Надёжен, неприхотлив, обеспечивает достойное качество тёплого аналогового звука. Недостаток ровно один – весит вместе с заливными аккумуляторами и повышающим трансформатором под десять килограммов.

Поэтому телефонисты из районов, до которых не добралась благодать центральной батареи, предпочитают куда

---

[168] До революции российское производство «Сименс-Шуккертъ» работало в Петербурге (сейчас – завод «Электросила»). Во Владивостоке, вероятно, находились сбежавшие от большевиков владельцы и управляющие.

более лёгкий индукторный «Эриксонъ». Благо, их ещё при государе-батюшке наделали несчётно для армейских нужд[169].

Вот только крутить рукоятку вызывного зуммера на виду случайных прохожих, две трети из которых так или иначе воевали, мне никак не комильфо.

Терпеть недолго, до цели всего два десятка шагов.

Сколько же их было всего?

* * *

Готовиться к покушению на главного советского бюрократа мы начали ещё в Турции.

Поначалу орешек казался не слишком твёрдым. Блюмкин и Троцкий в один голос утверждали – персональной охраны у советских вождей попросту нет[170]. При этом большевики смелы настолько, что не чураются прогулок по Москве. К примеру, добираться пешком от Кремля на Старую площадь – то есть до ЦК и обратно – для членов Политбюро скорее правило, чем исключение.

Снайперский вариант а-ля Бессоновский «Леон» представлялся самым простым и очевидным.

Хотя ни и Яков, ни я толком стрелять из винтовки никогда не пробовали, но...

Всего-то делов, навести крестик цейсовского прицела на сердце, дёрнуть пальцем спусковой крючок...

Как хорошо, что мне удалось настоять на тренировке!

Первая же проба на безлюдных пустошах Принкипо показала: жизнь – совсем не кино. Попасть в силуэт с жалких ста метров – действительно ничего не стоит.

Однако поразить «насмёрть» имитирующую идущего человека мишень нам удавалось скорее случайно, всего лишь двумя-тремя пулями из каждого десятка.

---

[169] Русское АО «Л. М. Эриксон и Ко» в 1916 г. довело годовой выпуск полевых аппаратов до 101 900 штук.

[170] Охрану в количестве 14 человек прикрепили к членам Политбюро после теракта В. Ларионова в 1927 г. (по одному на охраняемое лицо). Гражданскую охрану Кремля заменили на чекистов в 1928 г. Сталину «немедленно прекратить хождение по городу пешком» предписали 25 октября 1930 года.

Никуда не годный результат – после первого промаха второго шанса не будет, генерального секретаря мигом прикроют соратники и прохожие[171].

Желания тряхнуть стариной – то есть по-левоэсэровски выйти против «ключевого термидорианца» с наганом в руке и гранатой в кармане – убийца Мирбаха не изъявил.

Я-то надеялся, что в деле смертоубийства Яков давно преодолел детские комплексы, но, судя по всему, он всё ещё не изжил в себе того чернобородого восемнадцатилетнего еврейского мальчика, который чудом не опозорился в деле с германским послом.

Высадил барабан из револьвера в безоружного, мало что не в упор, и...

Благополучно промазал.

Потом с подельником гонялся за жертвой по комнатам посольства, кидал и пинал гранаты...

Немецкие историки до сих пор спорят, чья же пуля поразила графа. Хотя про их сомнения Блюмкину говорить не стоит – обижается до истерики[172].

Идея направить автомобиль с бомбой «прямо в ренегатов большевизма» энтузиазма у меня и Троцкого не вызвала. Применение часового механизма на улице признано утопией. Радиовзрыватель всем хорош, но готовое устройство не купить, слишком крутой хайтек по меркам интербеллума. Сборка безотказного девайса на убогой элементной базе двадцатых – потеря полугода.

Минирование зала заседаний – как и прочая экзотика, наподобие взрыва в Леонтьевском переулке[173] – оставлены на крайний случай, хотя признаться, меня изрядно позабавила

---

[171] К примеру, убийца Д. Кеннеди успел выпустить с расстояния около 80 метров только три пули, смертельной – оказалась одна.

[172] До сих пор точно неизвестно, чья именно пуля поразила Мирбаха. Но большая часть современных исследователей «отдают» её умершему от тифа в 1919 году напарнику Блюмкина – Андрееву.

[173] В сентябре 1919 года в результате взрыва брошенной террористом Соболевым бомбы в зале собрания погибли 12 человек из руководства МК РКП(б), ещё 55 получили ранения.

сама по себе возможность совершенно свободно зайти в здание ЦК ВКП(б) через отведённое под ЦК ВЛКСМ крыло.

Рождённое в спорах решение не отличалось особым остроумием...

Припарковать у тротуара пролётку, от неё в парадное или за угол – где можно укрыться от взрыва – протянуть электрический провод. Варианты маскировки последнего в ассортименте: утопить в луже, завалить песком, гравием или мусором, выкопать канаву, затеять ремонт мостовой, положить фальшивый шланг или ржавую водопроводную трубу.

Планы редко выдерживают испытание реальностью. Наш не стал исключением, его до неузнаваемости проагрейдрили самые обычные советские телефонисты...

На первой же прогулке я случайно заметил, как свободно они долбят дороги, тротуары, копаются в своих проволочках, и тут же направился в сторону Милютинского переулка – устраиваться на работу в ЦТС.

Освоение профессиональных тонкостей прошлого века – вовсе не rocket science, много времени не потребовало...

От подстанции до каждого телефонного аппарата – как правило под землёй – проложена отдельная пара медных проводов. Естественно, не как самостоятельный физический объект – сперва она тянется через толстый освинцованный «магистральник» пар эдак на двести, а то и четыреста, за ним ныряет в «полтинник» ответвления, а ближе к абоненту – прыгает в домовую «десяточку».

По крайней мере, так задумано. Встречающееся в жизни разнообразие комбинаций никакому учёту и классификации не поддаются.

Для управления топологией сети в каждом квартале, а то и чаще, устроен специальный узел, как правило, представляющий собой приставленный к стене дома жестяной шкаф высотой в человеческий рост. На нём эти самые медные пары из разных кабелей можно соединять между собой короткими медными проводками без всякой пайки – навивкой или под болтик.

Монтажники говорят – «кроссировать».

Телефония у большевиков в страшном дефиците, но с

инфраструктурой в центре столицы дела обстоят более-менее нормально – ведь её закладывали ещё при проклятом царизме[174]. Поэтому далеко не все «пары» в кабелях использованы, есть резерв.

Под будущее развитие, подключение особо важных чиновников, или просто лишние в данную историческую эпоху. С их помощью можно скроссировать свою персональную линию между узлами-шкафами. Не любую, в теории перебраться с одного магистрального луча на другой можно только на станции.

Но в пределах участка соединить шкафы по силам любому, кто имеет доступ к «секретным» схемам, способен их читать и, главное, не боится разгребать бардак, напластованный технарями со времён обороны юнкерами залов ЦТС.

Кроме писанных правил следует учитывать цеховую договорённость: категорически не принято вредить коллегам, срубившим гешефт на чём-то типа запараллеливания конторского номера на личную квартиру директора. То есть пока «пара» не вылезет в спущенном с административных вершин наряд-заказе, то убирать непонятную кроссировку и разбирать «левак» никто из монтажников в здравом уме и трезвой памяти не станет. Принцип «живи сам и давай жить другим» соблюдается нерушимо.

Следующим пунктом «убийственного квеста» стал поиск места.

Самое очевидное – Ильинка, кратчайший маршрут между Кремлём и ЦК[175]. Вожди там ходят по несколько раз в день, удобных моментов сколько угодно. Вот только одна незадача: улица широкая, почти проспект. Соответственно трафик такой, что серьёзная осколочная мина непременно угробит многие десятки ни в чём неповинных пешеходов. Фугас, опять же, ни малейшей гарантии не даёт – фиаско Ларионова с инженерными гранатами Новицкого тому порука...

---

[174] К 1930 году количество абонентов в Москве удалось довести до уровня 1916 года.

[175] Первое покушение случилось в 1931 году, бывший белый офицер Огарёв, неожиданно встретив Сталина на Ильинке, попытался выхватить револьвер, но его случайно (!) опередил сотрудник ОГПУ.

Выход подсказала Александра...

Можно подумать, что она единственная из нас знала, что СССР и вся прогрессивная общественность земного шара готовится к очередному, шестнадцатому съезду ВКП(б). Хотя для участников уже напечатаны не только приглашительные, но и специальные розовые квитанции, по которым в магазине ГПУ можно купить по старым ценам отрез бостона на костюм, две пары нижнего белья, катушку ниток, кусок туалетного мыла, пару обуви, сорочку, резиновое пальто и шерстяной жакет.

Сей факт не обсуждает только ленивый москвич, однако для нас важно совершенно иное – проходить мероприятие будет в Большим театре. Если идти туда из ЦК пешком, и нет желания делать крюк – Большой Черкасский переулок не миновать никак.

Напротив дома №4 нашёлся исключительно удобный шкаф. Однако вывести оттуда «пару» оказалось далеко не просто. Вокруг сплошные учреждения, вахтёры и пропускная система, многолетнее напластование ведомственных кабельных времянок, да ещё топология магистралей, как назло, неудачная.

Пришлось немало потрудиться, задействовать аж три промежуточных узла, ещё и Блюмкина привлечь на помощь в «прозвонке». Он, кстати сказать, оказался совсем не чужд электротехнике – до революции чинил проводку в домах, ремонтировал освещение в трамвайных вагонах Решильевского парка, какое-то время работал целым помощником электротехника в «Одесском русском театре».

Следующим на повестку встал вопрос электродетонаторов. Те, что были привезены нами из Константинополя, лучшего в мире шведского производства, рассчитаны на гарантированное воспламенение при токе в один ампер. Мелочь, столько шутя выдаст пара пальчиковых батареек 21-го века. Шестивольтового автомобильного аккумулятора двадцатых годов – тоже хватит с огромным запасом. Да только скроссированный нами шлейф оказался больше километра длинной, сопротивление медной пары в нём – за 100 Ом. Загнать в такую линию целый ампер – не хватит никакого аккумулятора. Пришлось установить в корпус мины доработанный

телефонный звонок, тот, что бьёт молоточком по тарелочке, и батарейки от фонарика[176]. А ещё, на всякий случай, примитивный картонный предохранитель, снабжённый удобной для выдёргивания ниткой...

Но хватит воспоминаний – я у цели...

Как ни хорош новенький, импортированный из Германии кроссовый шкаф, всё же у колонны бывшего «офисника» Московского купеческого общества он смотрится, мягко говоря, ни к месту. По-хорошему, надо бы убирать его внутрь, да только расположившийся тут Наркомздрав скорее удавится в полном составе, чем пустит посторонних на священные квадратные метры. Разве что за несколько телефонных номеров...

Смешные фантазии. По такому пустяку ЦТС делиться сакральным ресурсом не станет ни за что.

Участок не мой, но территориальное деление между монёрами-телефонистами пока весьма условно. Форма удостоверения едина по всей Москве, везде одинаковые замки под ключ-трёхгранник. Наряд-заказ выписан на подлинном бланке, благодаря мастерству Блюмкина не всякая графологическая экспертиза опровергнет его аутентичность. Осталось создать видимость бурной деятельности, тогда ни один чекист не усомнится в моём статусе.

С лентой – но не мешкая – я кинул на асфальт ветошь, на ней выложил в художественном беспорядке моточки проводов, трубку-пробник, кусачки, ножи и прочую мелочёвку. К стенке шкафа прислонил пухлую папку с торчащими во все стороны бумагами. Шевеля от показного усердия губами и заглядывая в листок чертежа, поелозил спрятанными в перчатку пальцами по контактам, подёргал кроссировки, ковырнул отвёрткой несколько болтиков. Между делом – вытянул наружу «хвост» от собранной пары и со всей возможной осторожностью подсоединил его к полевому телефону.

Шутки остались в прошлом – все предохранители сняты. Стоит мне утопить кнопку вызова на боковой стенке «Сименс-Шуккертгь», как за углом на Большой Черкасской громыхнёт взрыв мины.

---

[176] *Схема искусственно усложнена, можно всё сделать проще.*

Теперь только ждать...

Комфортно пристроившись на сундучке телефона у полуоткрытой двери шкафа, я взял в работу конец магистрального кабеля. Само собой, фейковый – третьего дня собственноручно запихал чуть ли не пятиметровый отрезок «стопарки» поглубже в ведущую под землю трубу. Неторопливо вскрыл тяжёлую свинцовую броню, оттер масляную заливку, аккуратно надрезал и стащил пропитанную гудроном изоляцию. Опутанные натуральным шёлком медные провода тяжёлой волной легли на заботливо прикрытое тряпицей колено.

Разбирать на «косоплет», иначе говоря, скручивать пары под отдельный проволочный узелок для упрощения последующей расшивки по кроссу – тупейшее занятие. Оно таким и задумано, моим натянувшимся в струны нервам сейчас позарез нужно как раз что-то эдакое, мешкотное, занять руки. Вроде как человек при ответственном деле, но времени смотреть по сторонам в избытке: мне никак нельзя пропустить появления Александры.

Ещё бы сунуть в зубы лихо замятую папироску, сразу маскировка зашкалит за сто процентов. Однако слишком крепко держится вбитый в 21-ом веке императив – вредную для здоровья привычку я так и не освоил.

Да и зачем, в сущности?

Табачного, а чаще махорочного дыма в Москве без меня хватает. Тихий ветерок то и дело рвёт сизые клубы с идущих мимо людей.

Разве что Иверские «божьи цветочки» умудряются обойтись без вонючей гадости. Ползут себе неспешно, благостные лица в восковых морщинах под чёрными платочками, друг другу на жизнь жалуются:

– Поразит господь, – бормочет одна, в громком шёпote изуверская убеждённость. Грозит в пространство сухоньким пальцем. – Пождите, пождите, отмстит царица наша небесная!

– О-ох, – жалостно вздыхает другая, потирая давно выцветшие как и атлас её платья слезящиеся глаза. – Батюшки, да что же это такое делается? Безбожники при всём честном народе наземь колокола скидывают!

– То к войне неминуемой...

Продолжение исторической ретроспективы я расслышать

не сумел. И ладно – напуганное газетами столичное население любое событие воспринимает однозначно.

Церкви сносят?

К войне.

Всесоюзную перепись устраивают?

К войне.

Улицы расширяют, асфальтом новым закатывают?

К войне.

Карточки вводят?

К войне.

Светофор установили[177]?

К войне.

В Румынии Кароля королём избрали?

Опять к войне.

Натуральное помешательство на врагах и шпионах, к каждому второму впору вызывать «дурку».

Далеко ходить не надо, вот пожилой пролетарий – небось, ещё с дореволюционным стажем – на ходу поучает молодую парочку:

– Ежели вдруг мир на нас обрушится, то советская республика недели стоять не станет. Лавошники, кого ни возьми, сытые, злые zenки так и таращат. Только где слабина обнаружится, зараз пулять в спины примутся. Потому надобно нам оборону в круг крепить, чтоб враг дурного не измыслил, то самое первое дело!

Молодой плоскоплечий парень с глазками маленькими и жадными вместо молчаливого внимания гнёт своё:

– А вот и пусть откроется! Мы враз нэпачей и буржуев перестреляем всех, а потом на ворога так навалимся, что поганые буржуи до Марса тикать будут! А уж после...

– Ты бы сперва промфинплан вытянул, вояка! – суётся в «сурьезный» разговор девчонка. – Хлеба купить не на что!

И тут же получает чуть не сносящий с ног толчок в загривок.

– Молчи, дура!

Зачем такая красивая за кретина замуж пошла?

Но стоп!

---

[177] В СССР первый светофор установили 15 января 1930 года в Ленинграде на перекрёстке Невского и Литейного проспектов.

Что за преуспевающая совслужащая отряхивает лёгкий летний плащик на перекрёстке Большого и Малого Черкасского?

Александра, определённо, это она!

Моя очередь подавать знак.

Скидываю с головы кепку, оттираю платком пот с лица.

Девушка в ответ перекладывает из руки в руку белую дамскую сумочку. Оборачивается в сторону Ильинки, вглядывается, как будто кого-то ждёт.

И правда ждёт. Где-то там, скрытый от меня углом Наркомздрава, в нашу сторону шагает генеральный секретарь ЦК ВКП(б). Торопится на очередное съездовское заседание.

Минута. Вторая. Третья...

Трудно дышать, под грубой холстиной рабочей толстовки змеятся холодные ручейки. Пустить план под откос способна любая мелочь. Всего не учесть: перекроет тротуар ломовик, выйдет на прогулку парочка массивных бабулек, вылезут на перекур конторские машинисточки...

Да вообще, мало ли в жизни случайностей?

Ладно я – уже три года всякое подобное в голове прокручиваю, но справится ли в самый решающий момент с напряжением наша боевая подруга?

Пусть она не знает в точности, как далеко и густо могут лететь осколки, всё равно, не каждый способен дать команду на смерть. Даже профессиональный террорист Блюмкин не постеснялся с утра закинуться «белой феей»[178]!

Как будто отвечая на мои слова, Саша вскинула руку к лицу, как будто вглядываясь в циферблат наручных часиков...

Пошёл отсчёт!

Я смотрел на девушку не отводя глаз, миссия всей моей жизни сузилась до одного лишь её жеста. Однако это ничуть не мешало сомну образов скользнуть через сознание – они разворачивались неведомым режиссёром в совершенно ином, непостижимо далёком от реальности измерении...

Четыре!

Место будущего преступления...

Искреннее желание помочь СССР, медленно угасающее в вонючей камере Шпалерки...

---

[178] Жаргонное название наркотика кокаина.

Невероятные рассказы коллег-заключённых, тщетные надежды на правосудие и справедливость...

Как же глуп, как бесконечно наивен я был тогда!

Три!

Неопровержимые улики...

Власть Соловецкая, бесконечные тысячи затоптанных в пыль и грязь людей...

Непосильная рабская работа...

Покорность распределяемых по койкам красноармейцев женщин...

Медленно соскальзывающие за грань жизни доходяги...

Мой беспощадный университет...

Два!

Свидетели или пособники?..

Бешеный лай бегущей по моим следам своры собак...

Крестьянушки, готовые без малейшей жалости и сомнений сдать любого на верную смерть – за жалкий мешок муки...

Те же самые советские граждане, только из другого конца страны, – стоящие при станции Бирзула предвестником Голодомора...

Заслужили ли они известное мне будущее?..

Один!

Защитительная речь адвоката...

Раньше срока одряхлевшее в отказе от новой политики, не оставившее достойного наследника «белое дело», дерущиеся за клочки грантов генералы бумажных армий...

Добросовестные, ребяческие забавы Ларионова...

Мелкотравчатая суета бывшего наркомвоенмора...

Напрасные метания в поисках союзника силы, способной соединить несоединимое, иначе чем в пламени чудовищного взрыва...

Ноль!

Рука Саши скользнула вниз, сумочка как будто случайно белым платком сорвалась с ладони. Пустая формальность – вердикт творца нового мира нельзя обжаловать...

Мой палец топит упругий шарик кнопки.

– Поехали!!! – прошептал я.

– Бум! – послушно отозвалась из-за угла мина.

Тихо, по-домашнему...

Никто и внимания не обратил, как тень «коня бледного» накрыла соседний переулок.

Собственно, большевики сами виноваты – древние церкви в округе по три раза на дню взрывают, что на их фоне какой-то генсек?

Но копать не стоит. Быстро, но без видимой спешки, я принялся сгребать в сумку инструменты, сор, изоляцию и свинец.

– Война-а-а! Газы! – из-за угла выметнулась долговязая нескладная тётка в сбитом на затылок противогазе.

– С-совсем с-сбрендили с-советские с-сволочи, – со вкусом растягивая слова высказался кто-то неподалёку.

Ещё удивляется!

Месяц под тарелкой местного репродуктора – и я точно также перепутаю теракт с налётом белопольских дирижаблей.

Хотя...

Чтобы постоянно таскать с собой противогаз, необходимо особое свойство ума.

Как бы не ошибалась паникёрша – своё дело она сделала.

Размеренная жизнь улицы лопнула, как арбузная корка под колесом лихача. Во все стороны, совсем как ошмётки, брызнули люди. А издали, перекрывая привычный гомон, накатывал нарастающий секунда за секундой вой обезумевшей толпы:

– Уби-или-и!

Пользуясь суматохой, я срубил под корень «косоплет», затем прихлопнул безобразие заранее подготовленной блямбой размоченного в бензине гудрона.

Сойдёт: исторические останки кабелей – не редкость в столбчатых шкафах.

Захлопнул дверцу как раз вовремя – всё из-за того же злочастливого угла, едва не напоровшись на прикованную цепью к столбу чугунную урну, вывернула пролётка. У кучера знакомое, но необычайно белое лицо.

Подзываю свистом, не стесняясь.

– Эй, человек! «Полтяшку» до Милютинского! – дублирую голосом.

– Тпру-у, залётная! Тпру-у! – резко осадил конягу Яков. – Маловато будет, товарищ! – вошёл в образ, паразит!

– Бога побойся! – проворчал я, пристраивая баул с телефоном на узенькое днище пролётки. – Тут рукой подать.

– Он готов! – не сказал, а скорее выдохнул в ответ Блюмкин. Невообразимо удачливый сукин сын!

Яков ждал взрыва неподалёку, на занятом под автобазу дворе четвёртого дома с предельно простой, но так же и опасной задачей – добить генсека, если он вдруг уцелеет. Второго шанса не будет...

Да теперь – и не надо.

И хорошо, даже прекрасно – план «А» ощутимо повышает наши шансы на выживание. Сейчас дело за малым – нужно оказаться на как можно большем расстоянии от эпицентра событий.

Последняя мысль пришла не только в мою голову.

– Но, но! Пошёл, Сивый! Пошёл! – размахисто хлестнул поводьями по лошадиной спине величайший террорист эпохи.

9. БОЛИВАР НЕ ВЫДЕРЖИТ ДВОИХ

Всё ещё 1 июля 1930 года. Москва

День рождения нового мира

Редкие подмосковные перелески трепыхаются голодными советскими воронами. Под колёсами хрустит пыльный гравий. Лошадь хрипит под поводьями Блюмкина...

Мы успели: охрана подгнивших шлагбаумов старых городских границ интересовалась лишь селянами-мешочниками, никто не пытался держать и непускать всех подряд «до тройной проверки, согласно чрезвычайному приказу».

Неудивительно – на окраинах Москвы нет ни телефонов, ни даже электричества. Милиция и чекисты обходятся посыльными, наш пущенный в короткую рысь коняшка обошёл их без малейшего труда.

Как утопили в бездонной болотине мешок с ненужным барахлом и полевым телефоном – мои нервы отпустило. Накатила спокойная усталость, та самая, что обычно случается после хорошо выполненной работы.

Блюмкину же, совсем наоборот, будто демоны мировой революции подкинули ядрёного марафета – из сосредоточенного и собранного террориста он скатился в образ хвастливого подростка. Размахивает на облучке картузом как знаменем, декларирует громко, с выражением:

«Дней бык пег.
Медленна лет арба.
Наш бог бег.
Сердце наш барабан...».[179]

Пусть его, лишь бы хвастаться не начал...

Накаркал!

Яков развернулся боком, свесил одну ногу внутрь пролётки и, построив на лице упрямую мину, разразился неожиданно длинной жалобой:

– Снова, я снова сбежал с акта![180] Ах, как Борис меня стыдил в двадцать пятом за малодушие с чёртовым Мирбахом! Обидел он меня тогда, сволочь, так обидел страшно! Всё ещё его ненавижу! Но вот сейчас думаю... Быть может, он прав? Ведь честно сдайся я тогда, а затем выступи на процессе открыто, плечом к плечу со всей нашей партией, всё, всё бы в мире совсем по-другому вышло! Мы бы подготовились и поднялись против Ленина сразу, дружно, вместе... И Попов с

---

[179] Стих Маяковского.

[180] По кодексу чести эсэров следовало не скрываться с места теракта, но сдать – выступить на обвинительном процессе и принять кару. Соблюдали это правило далеко не всегда.

Александровичем, и Саблин, и даже чёртов Вацетис![181] И знаешь, Лёшка, что думаю? Может я сейчас ошибаюсь, ещё хуже, чем тогда? Давай мы с тобой рванём в Самарканд, пробьёмся к Марии Александровне? Прямо вот так с ходу, пока большевики власть примутся рвать промеж друг-дружки?

– Постой, постой, что за Борис? – я попытался остановить поток незнакомых имён. – Мария Александровна – она актриса, да? Ну та, которая Зарэ играла?

– Борис – это Савенков, кто же ещё! – рассмеялся моей недогадливости Блюмкин. – И товарищ Спиридонова!

Да они тут что, все с ума посходили?

Носятся с террористом-романистом, как с писанной торбой!

Вдобавок Спиридонова...[182]

Что-то я про неё читал...

Кажется, она чуть было не стала председателем первого и последнего в России Учредительного собрания.

Авторитетная фигура и всё ещё не расстреляна большевиками?

Но тогда при чём тут Мирбах и сам Блюмкин?

– У нас же есть план, сколько времени его утрясали, – осадил я опьянённого успехом партнёра. – Переждём первый «шмон» и спокойно поедем с новыми документами на юг, в твою родную Одессу. А там уж по обстоятельствам. Да ты сам же вчера говорил, что всё готово!

– Вот хороший ты человек... – скривился Яков в ответ. – Жаль, ничего не понимаешь в коммунизме!

– Но почему же? – опешил я.

– Эх, Лёшка, ведь пожалеешь, да поздно будет!

Махнул рукой, как отрубил, затем резко развернулся к брошенным, было, поводам, то есть – спиной ко мне.

Вытащил откуда-то краюху, жадно вцепился в неё зубами,

---

[181] Участники восстания левых эсэров. Д. И. Попов – левый эсэр, командир боевого отряда ВЧК. Ю. В. Саблин – начштаба ЦК ПЛСР. В. А. Александрович – левый эсэр, зампредседателя ВЧК. И. И. Вацетис – командир Латышской стрелковой дивизии, в момент восстания вызывал большие сомнения в лояльности к большевикам.

[182] М. А. Спиридонова – член ЦК ПЛСР. В 1918 году именно она (по сути) дала команду на уничтожение посла Мирбаха.

нет, чтоб горячего дожидаться. Обиделся, теперь будет молчать до самых Кузьминок.

И слава Третьему Интернационалу!

После гибели товарища Сталина без блюмкинских мета-ний есть о чём подумать...

Старый, хорошо известный мне мир умер – новый родился. Будет ли он лучше?

Раскольниковские «прибабахи» в стиле «тварь ли я дрожащая, или право имею» – жалкий детский лепет против моего кошмара, моего бремени, моего долга.

На фоне судеб сотен миллионов пасуют нормальные человеческие чувства. Как в их отсутствии не сделать «один маленький шаг для человека» – принять живых людей за статистику?

Дальше – всё просто...

Миллион – расстрелять, два – отправить по лагерям, три – уморить голодом.

Чепуха, не стоящая упоминания перед лицом сотен лет мировой истории.

Тем более, если приглядеться «с особым цинизмом», то вокруг все такие. Обносят аккуратным забором бараки Освенцимов, месяцами насилуют и режут мирных жителей Нанкинов, по науке ровняют с землёй Дрездены, жгут Хиросимы в пламени новоизобретённого атомного распада.

«Я же всё-таки человек, и всё животное мне не чуждо...», – так, кажется, говорил дон Румата у Стругацких?

Придушив чувства, он с прогрессорской снисходительностью терпел Арканарские мерзости, выискивал в навозе смысл и логику, заботился о долгосрочных последствиях. Но после гибели любимой вся шелуха слетела – к чести создателей «мира Полудня», их герой оказался живее многих реально живых: «Подобрал мечи, медленно спустился по лестнице...», – после Соловков я достаточно «ждал в прихожей, когда упадёт дверь».

Осталось оценить результат.

Как пойдёт дело социалистических репрессий в новом мире?

Ни один супермозг не посчитает всех последствий моего

вмешательства. Однако я хорошо помню разноцветные столбики изученных судеб на диаграмме из учебника.

Первые десять лет, с приснопамятного 1919-го до кризисного 1929-го, они более-менее укладываются в уровень «нормального средневекового зверства» – для оккупированной вражеской территории. В натуральных, нормированных к году показателях это означает не более тридцати-пятидесяти тысяч сосланных за болтовню и происхождение не по великой злобе, а для острастки. К ним нужно добавить «всего лишь» несколько сотен приговорённых к расстрелу за реальную борьбу против коммунистов.

Кажется ещё немного – максимум годиков эдак пяток – и новая власть окончательно успокоится, сольётся в бравурном экстазе с изнасилованной октябрьским переворотом страной. Выцветут синяки гражданской войны, зарубцуются раны. Вчерашние враги вернуться из тайги и займут достойное место в новом обществе. Сакральные слова Василия Шульгина «всё как раньше, только хуже» незаметно обратятся в обывательские «всё как раньше, как всегда».

Однако не напрасно 1929-й назван «годом великого перелома». За бряцающей медью фанфар формулировкой стоит революция, причём, не любимое большевиками слово, а совершенно реальная трансформация государственного масштаба.

Застенчивые к советскому периоду историки будущей России замаскировали её под никчёмную реформу кредитной системы: «Весной 1930-го введено прямое автоматическое финансирование Госбанком плановых заданий...»[183].

Вроде пустяк, формальная бумажка, правительство выпускает такие сотнями каждый год...

Ни черта не шарящий в деньгах Рыков всё ещё продолжает твердить в печати про советский госкапитализм[184]. Победивший гиперинфляцию нарком финансов Сокольников

---

[183] Реально реформа заметно сложнее, да и заняла около пяти лет – с 1928 по 1932 годы. Но её подробное изложение потребует отдельного романа.

[184] Г. Я. Сокольников говорил на XIV съезде партии в 1925-м: «Предприятия наши так называемые социалистические – это госкапиталистические предприятия, даже Госбанк – госкапиталистическое учреждение».

отправлен в почётную ссылку – послом в Великобританию. Никому во всём ЦК ВКП(б) нет дела до «пустяков».

И только на днях до меня внезапно дошло – вот она, та самая точка бифуркации, в которой госкапитализм кончился, вместо него начался печально знаменитый социализм. То есть на смену перекошенной в угоду госмонополии, но абсолютно тривиальной по мировым меркам финансовой системе, пришёл упрощённый эрзац – оригинальная и неповторимая советская экономическая модель. Дорога в один конец, настоящее анизотропное шоссе, по которому СССР шёл в моей истории аж до самого своего коллапса в 1988 году.

Выбор сделан, выбора больше нет...

Настоящие, совсем недавно свободно конвертируемые в Берлине и Париже золотые червонцы превращены в расчётные единицы, они же – безналичные рубли, тупо генерируемые системой прямо на уровне районных филиалов госбанков. Последние низведены до состояния общественных органов, контролирующего организованное движение материальных ценностей. Денежный оборот разделился на два независимых друг от друга контура. Наличный оборот физлиц отделён крепким забором нормативных актов от средств любых предприятий.

Как это выглядит на практике?

Государственный товар как поступает в торговую сеть, так и реализуется покупателям исключительно по фиксированным ценам. Вся наличная выручка до последней копейки сдаётся в госбанк, то есть магазин... Этими деньгами попросту не распоряжается.

С другой стороны, зарплата на любой фабрике или совхозе выдаётся сотрудникам не из расчёта прибыли или желания директора, а только по установленным государственным нормативам.

Все остальные способы носят отчётливый криминальный оттенок – то есть используются руководством на свой страх и риск.

По-старинке могут существовать лишь самые примитивные структуры – артели старателей и рыбаков, домработницы, кустари, да мелкие, замкнутые на частников сервисы типа чистки обуви и штопки одежды.

Все остальные, чуть более сложные НЭПовские частные, крестьянские и кооперативные производства тупо лишены права распоряжаться собственными деньгами. Ни что-то купить, ни что-то продать, ни заплатить зарплату они самостоятельно не могут: ресурсы – под Госпланом, наличные деньги – под Госбанком. Вчерашние артельщики даже назначить директора не могут без согласования с райкомом или горкомом. То есть де-факто – они уже национализированы. Де-юре – грабительскую реформу завершат при Хрущёве.

Таким образом, моё первое «нет» – то, что про «молох коллективизации» – с треском провалилось.

Запущенный в Советской республике процесс уничтожения крестьян оказался никаким не живодёрским вывертом товарища Сталина, и тем более не политической уступкой левым троцкистам.

Напротив, в его основе лежит простая и циничная цель – загнать сельское хозяйство в рамки безналичных расчётов и ресурсного регулирования.

Грубо, цинично, но выбранная экономическая модель попросту не оставляет свободы маневра. Или крупные, насквозь контролируемые сельхозпредприятия, или денежное обращение страны рухнет в гиперинфляцию из-за «продуктовой» дыры между безналичными и наличными деньгами.

Дальше логика событий ещё проще...

Скрытая от будущих поколений революция 1930 года породит не менее скрытую гражданскую войну – по самую оттепель 1934-го чекисты будут отправлять в лагеря более чем по две сотни тысяч человек в год, расстреляют – многие тысячи. Погибнут несчитанными депортированные в голое зимнее поле крестьяне.

Бесчеловечно, безумно расточительно к человеческому ресурсу, но...

Коммунисты иначе не умеют.

Вмешаться бы мне пораньше, в том самом декабре 1926-го!

Ведь мог!

Мог, чёрт возьми!

Но из-за собственной глупости не сумел.

Теперь...

Едва ли убийство генсека развернёт вспять экономическую

реформу. Приходится надеяться на куда более скромный результат – без демографических потерь пройти мимо безумной мясорубки Большого террора.

Шансы есть...

Многоопытный Троцкий пытался подобрать исторические аналогии, в конце концов остановившись на декабрьском перевороте Луи Наполеона.

Я напирал в сравнениях на «Ночь длинных ножей».

Однако как разгром немецких штурмовиков в 1934-ом, так и снос французской республики в 1851-ом обошлись своим нациям как минимум на три-четыре порядка дешевле.

То есть, несмотря на двухмесячный мозговой штурм, нам с бывшим наркомвоенмором так и не удалось найти смысл или логику в кошмаре 37-го.

Следовательно, в данном процессе напрочь отсутствует исторический детерминизм.

Зато невооружённым глазом заметен переизбыток кровавого психиатрического субъективизма, согласно которому Сталин со товарищи за четыре года, с 1935-го по 1938-ой, сослали два с лишним миллиона сограждан на смертельные десяти-двадцатилетние сроки, а ещё миллион – подвели под вышку.

Говоря другими словами, довели «уровень зверства» в стране буквально до геноцида...

Блюмкин оборвал мою мысль на самом интересном месте.

– А мне бы только-о любви немножечко-о, да десятка два-а папирос!

Ну вот, добрались до дома...

Поскорее бы смыть дорожную пыль, дождаться Сашу, и – с чистой совестью за стол!

Вот только с чистой ли на самом деле?!

От неожиданной мысли у меня потемнело в глазах:

– Яша, а ты не заметил случайно... Мы точно-точно никого кроме генсека осколками не зацепили?!

– Чёрт его разберёт... – Блюмкин даже не повернул головы.

– Не поглядел.

– Бл...дь!!!

– Всё нормально, не переживай.

– Ну я же специально тебя просил!

– Послушай, тебе что важнее? – полез в бутылку Блюмкин.

– Сталина добить или каких-то там прохожих разглядывать?

С таким аргументом спорить сложно. Да и смысла нет, всё равно сделанного не воротишь.

– Чай поставишь? – сменил я тему. – Хочу поскорее узнать последние новости!

– Валяй, – неожиданно охотно согласился заняться кухней Яков.

Не переодеваясь, прямо как есть, я ринулся в свой угол. Привычно вытащил из-под кровати и взгромоздил на комодик лучшее в мире лекарство против сенсорного голода – самодельный радиоприёмник-регенератор. Всего одна лампа, намотанные на картонные цилиндры катушки для регулировки ПОС – воздушный поворотный конденсатор – десяток гнутых из толстой медной проволоки проводников, а сколько удовольствия в результате!

Вставил антенну, подсоединил свежую анодную батарею «БС-Г-70», замкнул контур обратной связи – сейчас мне без надобности слабые заграничные голоса[185].

Натянул на голову неуклюжие бакелитовые наушники. Подождал, пока внутри лампы затеплится оранжевая нитка, осторожными поворотами крутилки настроился на «Новый Коминтерн»[186].

Голос диктора – тяжеловесный, как колесо ломовика – по одному проталкивал слова сквозь шорох мирового эфира: «... Политбюро ЦК партии с великим прискорбием извещает партию, рабочий класс и всех трудящихся Союза ССР и всего мира, что сегодня от предательской руки подосланного врагами рабочего класса убийцы погибли выдающиеся деятели нашей партии, пламенные бесстрашные революционеры, любимые руководители большевиков и всех трудящихся товарищ Сталин и товарищ Киров...».

---

[185] Замыкание контура ОС на регенераторе превращает его в приёмник прямого усиления и применяется для приёма мощных местных радиостанций.

[186] Она же – «Вторая радиостанция Коминтерна», создана в 1927 году на улице Шаболовка. Оборудована самым мощным на тот момент в Европе 40-киловаттным передатчиком.

– Есть! Мы смогли! – прокричал я, не отрываясь от приёмника.

И снова сосредоточился на далёком голосе, даже глаза прикрыл в старании впитать каждую мелочь.

«... Смерть кристально чистых и непримиримо стойких партийцев, большевиков-ленинцев, отдавших свою яркую и славную жизнь делу рабочего класса, является для нас тяжелейшей потерей... Тяжело ранены товарищи Молотов и Ворошилов. Убиты случайно оказавшиеся на месте террористического акта граждане Юсис, Юдин, Рыбин, гражданка Карбышева и подросток, вероятно, её сын. Многие десятки прохожих, в том числе детей, получили ранения...».

Дыхание перехватило судорогой. Там столько народа на всей улице не было!

Я потянулся поправить воротничок толстовки, но пальцы наткнулись на грубую верёвку.

Ехидное пояснение Блюмкина обогнало мой вопрошающий хрип:

– Предупреждал, пожалеешь! Уж извини, что так долго, по старой дружбе тебя надо было бы пристрелить ещё там, у болота. Да только Саша мне позарез нужна, должен же я ей как-то твою безвременную кончину обставить.

Скотина болтливая! Он что, так шутит?! Я же намного сильнее!

Скорее выдрать из рук идиота конец верёвки, впечатать в скулу кулак, чтоб кувырчался до самой стенки!

Но бесценные мгновения потеряны в инстинктивной попытке засунуть пальцы под петлю. Подняться с кровати не удалось – пол вывалился из-под ног. Зато я дотянулся до ног предателя.

Чуть-чуть, и дёрнуть!

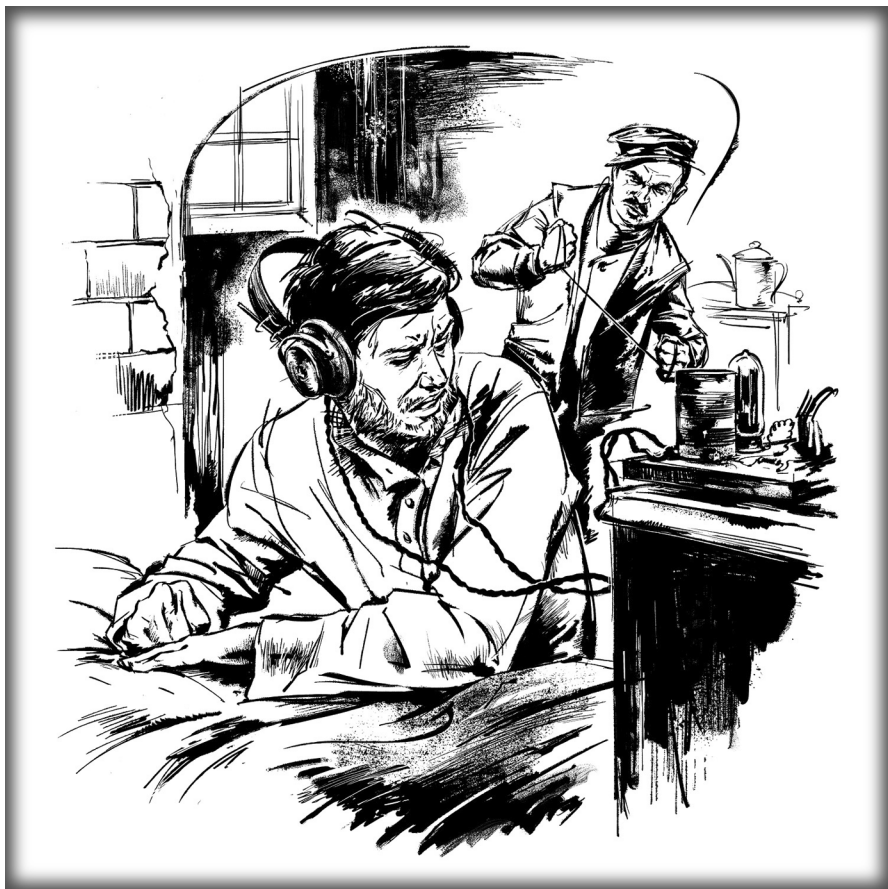
– Ну-ну! Не ерепенься, сейчас оформлю в лучшем виде! Тут такой крюк замечательный! Будешь болтаться на нём за-место керосинки, как положено гнилому интеллигенту.

Страшный рывок за шею откинул меня от такой близкой и желанной цели, скрюченные яростью пальцы ухватили пустоту.

В спину саданул чужой сапог.
Как же он так быстро?!

– Лев Давыдович будет доволен! – в уши прорвался тусклый, как пропущенный сквозь вату, но торжествующий победу голос Блюмкина. – Да и мне больше славы без наивного дурачка!

Темнота отчаяния поглотила сознание.

Поцелуй солёных губ – неужели смерть так встречает неофитов в своих чертогах?

Следом пришёл обжигающий удар по щеке, за ним – по другой, вроде как для симметрии. В глаза брызнул тусклый свет. Черты склонившегося надо мной лица медленно сползли в осмысленный образ.

– С-с-сашенька! – чуть слышно просипел я.

Горло обернулось узкой переломившейся соломинкой, через которую в лёгкие с трудом и болью продиралась тоненькая струйка воздуха.

Руки сработали быстрее мозга – сами собой нащупали ослабленную петлю и сбросили её с шеи.

Но легче не стало.

– Алёшка! – всхлипнула моя спасительница. – Владычица, Пресвятая моя Богородица. Твоими всемогущими и святыми мольбами перед Господом нашим отведи от меня, грешного и смиренного раба Твоего...

С трудом, цепляясь за спинку кровати, я сумел утвердиться на дрожащих от перенапряжения ногах.

Под каблуками старыми костями прохрустели осколки разбитых наушников.

Руки сочатся кровью и болью от сорванных об доски пола ногтей.

Горло в огне.

Жив!

А вот Блюмкин мёртв. Валяется как падаль в мокрых штанах с аккуратной дыркой в затылке.

Ненадолго задержалась его судьба в сравнении с историей моего мира!

У изгвазданных в грязи сапог навсегда бывшего партнёра блестит никелированными узорами маленький дамский «Браунинг» [187].

Ох, всё же какой удачный подарок я сделал Александре перед терактом!

Не напрасно две обоймы по бутылкам расстреляно – свалила предателя одним выстрелом.

Визгливый женский крик пронзил дверь.

Соседка!

Тут же косяки содрогнулись от тяжёлого удара. Кто-то из мужиков подтянулся, не иначе.

Страх у местных после империалистической и гражданской войн не осталось ни на грош, – придётся нам с Сашей прорываться что называется с боем.

---

[187] «Browning M1906» – бельгийский карманный пистолет, разработан в 1905 году, к 1914 произведено более полумиллиона штук. Часто дорабатывался – как подарочный вариант.

Я подхватил оружие с пола, дёрнул затворную раму – пусто!
Чёрт возьми!

Погорячился зачислять Сашу в снайперы, где-то тут в стенах и пародии на мебели засажено ещё пять пуль. Больше патронов для этой игрушки у нас нет.

– Бл...дь!

– В окно! – предвосхитила мои мысли девушка.

Тяжёлый горшок с розенелью [188], пущенный моей рукой, пробил раму, как ядро – гнилые крепостные ворота. Щербатые осколки вынесла табуретка Саши.

– Беги! – прохрипел я.

Старорежимные филёнки вовсю щепились свежим деревом под ударами топоров, но я постарался замести следы: размашистый пинок унёс бутылку с остатками керосина в сторону двери, следом отправился безмятежно свистящий пламенем примус.

Затем мне пришлось уворачиваться от разъярённого соседа – длинным прыжком выныривая в окно, я почувствовал его руки на своих щиколотках.

Лишь инерция разогнанного в полёте тела спасла меня от плена и жестокой расправы.

– Сюда! Скорее! – Александра махала рукой из-за жердей изгороди.

– Хр-р-р! – вторил ей я смятым горлом.

– Пожар!!! – взвыли за нашими спинами десяток разноглотых глоток.

Погони не было.

Спасение жалкого скарба для местных жителей куда важнее священной местности...

Мы кое-как дохромали до ближайшего перелеска на остатках страха.

По старой Карельской привычке я растушевал наши следы по торной тропинке, а затем – утопил их в ручейке.

Заодно отдышались, напились, смыли грязь и пот.

Александра пожертвовала платок, из которого вышел

---

[188] Розенель – одно из названий герани, а герань – как фикус и канарейка – в 1920-е годы считалась атрибутом мещанства.

отличный холодный компресс на моё опухшее горло. Она же его осторожно повязала, потом долго поправляла, скрывая багровый кровоподтёк.

Только уложив все складочки мокрой ткани в нужном порядке, девушка решилась на осторожный вопрос:

– Мы точно его убили?

Интересно, про кого именно она сейчас?

Но выдать из себя вопрос я не сумел, поэтому только утвердительно кивнул.

– Ах, слава богу! – сдержанность слетела с моей спасительницы, как сухая шелуха с луковицы. – Пока ехала в поезде вся извелась! Страшно, аж жуть, на каждой станции душа в пятки! Зайдут, схватят, думала с ума сойду! Потом представь... – она громко всхлипнула, – только с платформы в Чухлинке спуститься успела – авто с чекистами подкатило. У меня душа в пятки, убежать бы, да никак не могу, стою, будто онемела, как дура глазами хлопаю. На сиденьях ребята, совсем молоденькие, шинельки все в пыли, но смеются, говорят: «Давай, дивчина, подвезём с ветерком!», – едва сил нашла отказать, рот раскрыла, да тут меня будто Богородица толкнула в спину: беда идёт неминуемая – беги-торопись. Ноги прямо как сами занесли в ту машину, чуть-чуть двёрку приоткрыть успели...

Сашино лицо ткнулось в мою грудь, капельки слёз – скорее воображаемые, чем реальные – просочились сквозь грубую ткань толстовки и обожгли кожу искорками пламени.

Не оставалось ничего иного, как обнять девушку, крепко прижать к себе её поддрагивающие плечики, растрепать дыханием не успевшие просохнуть завитки волос.

Хотя самому реветь впору – погибло четверо невиновных, да ещё ребёнок, плюс куча раненных, вдруг кто-то из них умрёт за ночь?!

Завтра моя спасительница узнает всё...

Кем я стану в её глазах?

Убийцей?

Кровожадным монстром?

Сможем ли мы снова пусть не дружить, но хотя бы терпеть друг друга?!

Идиот!

Чем я только думаю?

Ну уж точно не головой.

Завтра – край послезавтра – «подозреваемый в убийстве на почве ревности мужчина двадцати пяти лет, рост выше среднего, лицо овальное» попадёт в розыск.

Не страшно: улики сгорели – заметный издалека столб дыма не позволяет усомниться в эффективности керосина в деле поджога деревянных строений. Вдобавок советская милиция не станет отвлекаться на ерундовое дело, покуда посерёдке Колонного зала лежит в обтянутом кумачом гробу целый генеральный секретарь партии, а его убийца – наймит международного терроризма и враг трудового народа – разгуливает на свободе.

Беда в другом...

Политические страсти когда-нибудь схлынут, а вот уголовное дело останется. Государство, если верить теории, всегда возьмёт своё системным подходом: «следак» спихнёт по инстанциям ориентировки, участковые неспешно прочешут столицы, райцентры, дотянутся до любой ударной стройки. От них не спрятаются бегством «в деревню, к тётке, в глушь, в Саратов».

Слишком мало в СССР парней с ростом за метр девяносто и весом под сотню кило.

Случайно попадусь на глаза, возьмут на карандаш, снимут отпечатки пальцев...

Здравствуй, скаут Обухов. Привет, обвинение в контрреволюции и весёлые расстрельные статьи. Александре не место рядом с таким опасным типом как я!

Остаётся понять, дееспособно ли НКВД[189] в тридцатом году?

Потянет ли подобную рутину, или через неделю о сгоревшем извозчике забудут все: от свидетелей до следователя?

Неожиданное слово свалилось в сознание как будто ниоткуда: «Зубы!!!».

Ужас накатила студёной волной, до дрожи и судорог в ягодицах – я едва не разжал объяття.

Стальные челюсти подлеца Блюмкина непременно

---

[189] НКВД РСФСР в 1917 – 1934 годах был отделён от подчинённого СНК ГПУ (ОГПУ) и занимался борьбой с преступностью и поддержанием общественного порядка.

уцелеют в пожаре. Штука не уникальная, но для СССР – безусловно редкая. Не нужно быть Эркулем Пуаро, освежить память местных дантистов способен любой слабоумный Капитан Гастингс.

Стоит установить личность жертвы – начнётся совсем иная история.

Вместо небрежной канители по раскрытию бытового убийства поднимется грандиозный всесоюзный шмон с участием легальной резидентуры, нелегальной агентуры и ветеранов Крымской войны и Бородинской битвы.

Милиция погонит под арест с фильтрацией всех, кто хотя бы на четверть соответствует бумажке с приметами.

– Не жили спокойно – не стоит и начинать, – тихо пробормотал я себе под нос старую сентенцию.

Из страны придётся бежать, причём – как мне, так и Саше.

Заблаговременная подготовка к варианту «С» – он же «спасайся, кто как может» – пришлась весьма кстати.

Одно жаль: оружия по сути нет – надо было мне не хватать никелированный пугач, а поискать в карманах троцкиста-предателя наган.

Хотя, по большому счёту, ещё неизвестно что лучше – не с моим стрелковым талантом размахивать револьвером.

Главное же я сберёг – смартфон и зарядник зашиты в потайные карманы толстовки, в наличии больше трёх тысяч рублей и превосходные, уходящие в тюменскую глушь девственно-пролетарские документы.

Прямо хоть сейчас на поезд, в Одессу!

Там тайник с золотом, тёплое ласковое море, бесконечная необустроенная граница по Днестру[190], в каждой хате – свой собственный контрабандист. Всего одна безлунная ночь – и мы на территории вечно кем-нибудь непризнанной Бессарабии.

Почему нет?

Раскручивать тему челюсти – впрочем, как и телефонных проводов – НКВД и ГПУ будут минимум неделю.

---

[190] Серьёзное укрепление южной границы (в основном вырубка лесов и высылка населения из погранполосы) началось весной 1930 года в связи с массовым бегством крестьян в Польшу и Румынию (постановление ПБ от 25. II. -30 г. и прочие).

– Мы успеем! – прошептал я в ухо Александре.

Она спала у меня на коленях. Пробивающиеся сквозь листья берёз лучи заката удивительным образом высветлили каштановые пряди её волос, от этого они казались пепельно-белыми.

Совсем как у Марты...

Бережно, боясь лишний раз потревожить, я донёс девушку до стожка, сметанного селянами из свежего сена. Сам зарылся рядом.

Восхитительный дух, вид совсем, как в кино, да только отчаянно колется высушенная трава.

Где теперь наши волосяные с пупочками наматрасники, мелкопёрые беременные подушечки, миловидные думочки да льняные простыни?

Всё, всё вылетело в дым!

В следующее мгновение я уснул.

10. МЕСТЬ МЕРТВЕЦА

Москва. Июль 1930 года

Первый день с рождения нового мира

Проснулся от боли – любое шевеление впивалось ножом в шею.

Солнце стояло часах на девяти, зверски и одновременно хотелось пить, есть и по нужде. А ещё – никто не прижимался к моему боку и не дышал в ухо!

– Сашенька! Ты где? – позвал я свою спасительницу.

Ответа не было...

От впадения в панику меня спас огромный, свёрнутый в кулёк лист лопуха, доверху набитый отборной земляникой.

Так вкусно не бросают!

Быстро решив вопрос с гигиеной и жаждой, я запустил пальцы в кучку ягод. Надеюсь, Александра не примет их алый сок на моих руках за кровь.

Там и сам не заметил, как опять задремал.

Ненадолго. Бережный толчок в плечо не заставил себя долго ждать.

– Вставай, лежебока!

– Проси что хочешь, о, моя богиня! – я с улыбкой протянул руки для объятий. – Навеки и отныне я твой смиренный раб.

Однако Александра неожиданно вывернулась, её лицо, только что простое и милое, подёрнулось серой паутиной неприятных мыслей.

Демонстративно топнула ножкой.

– Хочу знать правду про тебя. Всю! Сейчас же! И ради всех святых, не пытайся меня опять обмануть!

Сопротивляться не было ни сил, ни желания.

Напротив, я ухватился за требование, как утопающий за

соломинку. Совсем скоро девушка узнает про убитых прохожих, и тут очень кстати окажутся главы про «тридцать седьмой» и «сорок первый».

Поэтому, ни секунды не мешкая, надорвал зашитый карман, вытащил из него телефон. Аккуратно скатал с корпуса латекс презерватива, загрузил, мотнул учебник истории СССР на нужную страницу. С плеча рубанул словами в ответ на немой вопрос:

– Я родился в 1991 году, последнем, когда существовал СССР.

– Слава богу, ты – не пророк, – почему-то обрадовалась Саша, без всякого удивления и трепета беря в руки артефакт. – Просто знаешь будущее.

– Уже нет, – тяжело вздохнул я. – Читай, эта штука типа книги. Спрашивай, если что непонятно...

Обратно в Москву мы отправились, когда солнце склонилось за полдень. Болтали бы о будущем мире дольше, да голод не тётка, погнал к цивилизации.

До выяснения личности Блюмкина риск нашего опознания в трёхмиллионном городе я расценивал как ничтожный: листья прячут в лесу, людей – среди толпы.

По-настоящему опасно столкнуться разве что с соседями-погорельцами, поэтому пошли не как обычно, через посёлок Текстильщиков, но сделали крюк в сторону Люблино. А там, немного поплутав в запущенных кварталах старых избушек и новых бараков, по недавно подновлённому мостику перебрались на другой берег Москвы-реки.

Хаос дореволюционных мануфактурных заборов[191] стиснул единственную избитую дорогу, но прежде чем я успел обеспокоиться отсутствием всякого маневра, жидкий поток пешеходов и крестьянских телег выплеснул нас на площадь перед фабричными воротами...

В центре площади, окружённая плотной толпой, стояла странная, сколоченная из свежего теса конструкция. Думал, что кого-то собираются вешать, но оказалось – всего лишь

---

[191] Имеются в виду деревни-мануфактуры Нижние и Верхние котлы. Вошли в состав Москвы в 1932 году.

трибуна «стихийного» митинга под лозунгом «Ударным трудом отомстим убийцам, выполним пятилетку в 4 года».

Кривоватые буквы верхней строки лоснились непросохшей краской. Низенький мужичок в линялой гимнастёрке, корчась от ненависти и натуги, рвал бранные слова из собственной глотки скрюченной ладонью. Другая же, громадная, на костлявом запястье, угрожающе загребала воздух высоко над головой.

Больше – дешёвое лицедейство, нежели мистерия, однако магия пронзительно-скрипучего голоса действовала на удивление безотказно. Казалось невозможным через минуту не поверить в звериную сущность врагов, а через две – не взбеситься

самому. Прямо на моих глазах совершенно нормальный весёлый парень вдруг замедлил шаг, прислушался, сжал кулаки и, захваченный гипнотическим магнитом, втянулся в клоко-чущую злобой массу. Через несколько мгновений его глаза остекленели, рот исказила всеобщая судорога ненависти.

– Хорошо, что хоть к станку зовут, а не винтовки раздают, – пустил я шпильку в Сашино ушко.

– Не дай Бог! – лицо девушки посерело. – Ты не видел, как было в восемнадцатом!

Пока мы бочком и краем обходили сборище – перехватил «Труд».

Думал, что газету раздают бесплатно раз на митинге, но – шалишь!

Наоборот, по двойной цене, не иначе как вышла надбавка за перерасход импортной типографской краски на широкую траурную рамку.

Вдвойне обидно: проку – чуть, информация вчерашняя. Весь объём – рассказы депутатов съезда о героическом жизненном пути безвинных жертв вперемешку с клятвами жестоко покарать подлых убийц.

Дополнительное расстройство – ещё и крупную купюру умудрился засветить перед наводчиком-газетчиком.

Лишь «случайная» демонстрация пистолета за поясом остановила агрессивную ватажку шаромыг.

Хотя, знай они, сколько у нас с собой денег – не спас бы и пулемёт.

Не случайно жители благополучных Кузьминок избегают соваться на «фабричную» сторону московских окраин.

Окончательно отстали от нас только в Черёмушках...

Местные аборигены охотно подсказали тропинку в обход выставленных на границе с Белокаменной милицейских постов...

Натоптанную чуть не сильнее официальной дороги.

А там наконец-то подоспела усталда уставших ног – невесть каким ветром занесённый на окраину извозчик.

Благообразный седенький дедок с бородкой Миколы-чудотворца охотно подкинул нас до ближайшего торгового пятачка.

А там завсегда-таям этого далеко не маленького стихийного

рынка, казалось, не было ни малейшего дела до «самых падших, самых последних, самых презренных, самых растлѐнных из убийц»[192]...

Первым делом мы купили хлеба, молока и неожиданно вкусные сметанники. От сомнительной кулебяки с картошкой и затолокой[193] я отказался наотрез. Фабричную колбасу найти не удалось, зато дородная тѐтка с усталыми глазами продала несколько прокопчѐнных до состояния кирпича кусков буженины. Седой как лунь чиновник, одетый в пенсне, снабдил мою спутницу недурными харьковскими ирисками. Торгующий довоенным английским шевиотом и парфюмерией «Коти» парень откуда-то притащил нож – изящный «Fiskars» в кожаных ножнах – и дюжину годных для браунинга патронов.

Жить стало лучше и веселее...

Неспешно пройдя несколько кварталов, от пяточка к пяточку, мы закупили всё, что нужно беглецам, начиная с одежды и заканчивая перекисью водорода.

Расплывшаяся, вымазанная безобразной пудрой «мадам» за четвертной билет сдала мне на пару часов «лучшую в Москве» комнату для свиданий, а к ней – испуганную девушку лет семнадцати, единственным изъяном которой казались сызмальства натруженные непосильной крестьянской работой руки.

Для отсыла ненужного приложения «на все четыре стороны» Александре пришлось расстаться с ирисками, но любовный вертеп того стоил – кроме брошенного прямо на пол матраса и заплесневелых розовых тряпок на стенах в нём наличествовал действующий водопровод и канализация...

Выбрались обратно на столичные улицы совсем иными людьми...

С моего лица исчезли специально отпущенная перед театром бородѐнка и бакенбарды а-ля человек-росомаха, виски посеребрила пошлая сорокалетняя седина.

---

[192] *Незначительно изменѐнная цитата из речи Вышинского на Бухаринском процессе.*

[193] *Затолока – внутренний свиной жир.*

Саша подкорректировала химическим карандашом глаза и собрала порыжевшие на несколько тонов волосы в короткий, кокетливо выглядывающий из-под косынки хвостик.

Мягкая полувоенная фуражка цвета хаки сделала из меня настоящего совбура, френч с высоким стоячим воротом кое-как скрыл кровоподтёк. В руках появился пухлый портфель и старый, но приличный фибровый чемодан с дорожными мелочами и бельём.

Александра сменила модный импортный плащ на модную комсомольскую юнгштурмовку, а городские туфли – на высокие ботинки со шнуровкой.

Всё в соответствии с легендой – партийный начальник средней руки и «перспективная» секретарша решили провести на море весёлую недельку.

Так не страшно показаться и на Брянском вокзале, по словесному портрету – нипочём не найдут. А фотографий ни я, ни моя спутница за собой не оставили...

Спустя час мы продирались сквозь толпу, орущую, гнусающую, предлагающую, клянчащую. Где-то над головой похрюкивал траурной музыкой репродуктор – большевики как умеют успокаивают население.

Толкаться в очереди на обычный «мягкий» или «жёсткий» я не собирался – для ответственных товарищей с деньгами в Советской Республике существует СВПС[194]. Отправление поздно вечером: по «плану А» мы специально подгадывали день расправы к удобному поезду.

Опробованный в Одессе алгоритм покупки не дал сбоя и в Москве.

Но едва я вытащил из окошечка кассы бумажки билетов, плацкарты и картонки перронных пропусков[195], как рука Саши резко вырвалась из моей.

– Осторожнее!

Здоровенный рыжебородый детина в пожарной «брезентухе» с медными пуговицами «носорожил» сквозь толпу,

---

[194] СВПС (спальный вагон прямого сообщения) отличается от обычного мягкого вагона повышенной комфортностью.

[195] Перронный сбор ввели на железной дороге в 1908 и отменили в 1960 году.

бледным пятном реял в воздухе вздетый вверх кулак – он просто не заметил девушку на своём пути.

– Смотри, куда прёшь! – огрызнулся я в спину, отпуская браунинг обратно вглубь кармана.

Между тем вахлак внезапно остановился, обвёл моргающими фунтовыми гирьками зал поверх голов и, направив в сторону жестянки репродуктора заскорюзлый палец, завопил, легко перекрывая гомон сотен людей:

– Това-арищи! Сюда все слушайте! Заглавного убивца нашли! То Блюмкин-жидовин!

– Убийцам Сталина не будет пощады! – мгновенно, будто после репетиции выдал отзыв кто-то сзади.

– Рас-с-стрелять сволочь! – неожиданным фальцетном вторил прикрытый вислой горьковской шляпой интеллигент из бывших, вернее всего – потрёпанный фабзавучем гимназический учитель пения.

– Попався, голубчику, – довольно проворковала увешанная фальшивыми бриллиантами бальзаковская дама в довоенном жёлтом палантине. – Чека тоби голову-то враз видкрутить!

– Сгубил враг нашего Сталина, – запоздало всхлипнул косматый как домовый крестьянин. – А мы-то как таперича? Кто, ежели не он?!

– Мало, надо на кол посадить! – вмешался звонкий, уверенный голос Саши. Она пихнула меня в бок. – Правда, Алёшенька?

Судорожно сжался анус, но я послушно отрапортовал невразумительное:

– Всенепременно! Вор должен сидеть в тюрьме!

Выдержанная в классическом старорусском стиле инициатива моей спутницы не прошла незамеченной. Крики впадающей в раж публики приобрели глубину и рельеф.

– Колесовать при всём честном народе! Да чтоб дёргался, ирод, подольше!

– Жид пархатый!

– Иуда! Вздёрнуть ээровскую гадину! На осине!

– Опять продали Рассеюшку!

– В мартен выродка! Вместо шихты!

– Всех жидовинов свиньям скормить!

– Крыскам! Крыскам! По кусочку! – охотно подхватил

антисемитскую тему сутулый сморчок с бегающими глазками и нездоровым жёлтым лицом.

– Сколько раз увидишь – столько раз и убей!

В последнем вопле я с немалым удивлением узнал собственный голос!

Интересно подсознание преломило персональную «неприязнь» к Блюмкину и Троцкому.

– Господи, прости им, ибо не ведают, что творят, – прошептала Саша, снимая остатки наваждения.

Я смотрел на перекошенные искренней злобой морды вокруг – зомбоапокалипсис наяву! Малейшая тень подозрения, и нас тут же разорвут живьём на мелкие фракции!

За что?!

Понятна газетная истерика. Легко объяснима фрустрация чекистов и комсомольцев. Совершенно естественно смотрятся партсобрания и митинги. Но откуда такое невероятное сочувствие к убитым большевикам у обычных советских граждан?!

Где бытовое злорадство «захребетник наскрёб на хребет»?

Куда запряталось типичное ленивое недоумение: «начальников на наш век хватит», «чай не брат-сват, не жалко», «помер, и чёрт с ним», «место в Кремле пусто не бывает»?

И, кстати, почему совсем нет надежд на перемены к лучшему?

Ведь сейчас не пятьдесят третий, а всего лишь тридцатый!

Едва год миновал, как рывок сверхиндустриализации затмил сытый и спокойный НЭП.

И уже снова в ходу позорные хлебные карточки, к горлу подступает голод, за любой едой тянутся хвосты. Цены взлетели до небес, ещё попробуй найти того, кто возьмёт бумажные червонцы. Биллонная мелочь против них стоит впятеро, честные серебряные полтинники и рубли – вдесятеро[196], про золото говорят только своим и шёпотом.

Деревня глухо и безнадежно бунтует...

---

[196] Кризис с чеканкой серебряной монеты остро встал в феврале 1930 г. Нарком финансов предлагал либо купить импортное серебро, либо перейти на деньги из никеля. И. В. Сталин лично настоял на репрессивных методах возвращения серебряных монет в оборот. Меры ОГПУ результатов не имели – с 1931 года СССР чеканит монеты из никеля.

Как можно не сопоставить политику «невинно убиенного» генсека и уровень собственной жизни?

Так я думал ещё с утра...

Мозолистая рука реальности сдёрнула флёр заблуждений, обнажив неприятную истину: передо мной тот самый краткий момент истории, когда беспощадный диктатор – благодаря послушным газетам и радио[197] – кажется согражданам милее и дороже всей остальной политической камарильи. Но при этом – важный момент! – он ещё не успел в полной мере раскрыть свои «великие» таланты экономиста, палача и главнокомандующего.

Как это вышло?

Догадаться не сложно...

Пост генсека чрезвычайно удобен – его обладатель в формальной государственной иерархии конкретно ни за что не отвечает. Всегда на стороне недовольного начальством большинства товарищ Сталин с удовольствием прислушивался к чужому мнению. С заманчивой деревенской простотой позировал фотографу в толпе участников съезда, последовательно выступал за внутрипартийную открытость и даже, местами – демократию. Отвечал на письма, защищал трудящихся от рвачей, «нэпачей», спекулянтов, всех напастей сложного мира. Частенько и по делу критиковал нерадивых бояр-функционеров. Но спокойно, без жестокостей и перегибов – даже с главным идеологическим противником, леваком Троцким, несколько лет великодушничал.

Ни дать, ни взять – добрый царь.

Как можно не видеть в таком генсеке единственную и неповторимую надежду и опору, спасителя отечества?

Всё это – правда.

Только невдомёк рабочим и крестьянам, что не вождь так хорош и умён, а напротив – управляемое «секретарями» кадровое «антисито» методично и аккуратно вытрясло из аппарата всё, что имеет хоть какой-то ум, совесть, смелость и достоинство.

Физически не осталось тех, кто способен указать ослеплённому властью капитану на буруны по курсу.

---

[197] В день пятидесятилетия И. Сталина, 21 декабря газеты отдали «под генсека» едва ли не половину места.

Петля удушья – совсем как вчера – спёрла дыхание. В панике я метнулся прочь с вокзала.

Каждый шаг мимо множества глаз...

Сегодня у них нет единой цели. Завтра каждая пара займётся выискиванием примет убийц – наши рисованные портреты «украсят» столбы, газеты, плакаты. Недостаток сходства компенсирует энтузиазм добровольных помощников, в них не будет недостатка. Кроме Системы – той, что с большой буквы! – против нас расстараются пионеры, старики, домохозяйки, дорожные рабочие, крестьяне, машинисты паровозов, бывшие царские чиновники и недобитые «нэпачи» – нас будет искать «каждый утюг».

Способность адекватно воспринимать действительность вернулись ко мне только при виде мальчишки-газетчика, который радостно приплясывал неподалёку от бурлящей бывшими и будущими пассажирами трамвайной остановки.

– Наш-ли! Наш-ли! Наш-ли!

– Держи, – броском пяточка я сбил дьявольский ритм.

Искать повод радости маленького паршивца долго не пришлось – Блюмкинская харя и действительно красовалась на первом развороте «Правды», прямо под набранным огромным кеглем заголовком «Убийца найден».

– Что? В-в-ыжил?! – голос заглянувшей в газету Саши предательски дрогнул.

В ответ я скороговоркой пробормотал первую ухваченную фразу:

– Подлые и трусливые убийцы надеялись уйти от справедливого возмездия. Но враги народа как всегда просчитались. Наши чекисты днём и ночью на страже мирного труда советских людей...

Дальше читали вместе...

Если слить мутную воду площадной брани, славословия и обещаний безжалостно покарать извергов, то в сухом остатке оставалось до смешного мало. А именно: герои с чистым сердцем и горячими руками мистически, но совершенно точно определили личность убийцы, у которого при себе оказалось ни много, ни мало, а приговор товарищу Сталину от имени боевой организации левых эсэров. Блюмкин ещё и подписался

настоящим именем. Текст послания приводился не весь, однако фотокопия фрагмента не оставляла сомнений в авторстве.

– Безумие какое-то, – моя спутница потрясла головой в попытке разогнать морок.

– Медицина тут бессильна, – подтвердил я. – Хотя...

Перед глазами встала картина недавнего прошлого: летящая жестянка с остатками керосина, лопающаяся под ударами топоров дверь флигеля, а рядом с ней, на аккуратном деревянном колышке – извозчий кафтан. Пропахший лошадиным потом и навозом долгополый наряд наш эстет-рenegат стаскивал при первой же возможности и не тащил – как было принято – в прикроватный угол, а оставлял у выхода, как можно дальше от своего чувствительного носа.

– Ворё! – я простонал короткое слово так громко, что ползущая мимо компания крестьянок шархнула в сторону. – Когда только успел?!

– Кто?

– сосед наш! Тот торопыга, что едва меня за ногу не поймал. Ведь уже полыхало вовсю, у него сущие секунды были. Небось, вытаскивать Яшку сквозь проломанные филёнки и пробовать не стал, зато прихватить то, что плохо лежит – это святое. Инстинкт! Стаж!

– Да объясни же всё толком! – вспылила Саша.

– Украли кафтан Блюмкина из нашего флигеля, а там, в кармане – я в этом теперь не сомневаюсь! – лежало письмо-приговор. После пожара участковый на угольки прищандыбал, вытряс из очевидцев «вещдок». Или же соседушки сами бумагу нашли и сдали от греха подальше, тут нам никакой разницы нет. Дальше всё просто: менты позвали чекистов, те на радостях через мелкое сито просеяли пепел, вытащили стальные челюсти, дырявый череп и силикатный кирпич, что у гада лежал вместо ума, чести и совести. С такой фактурой даже на трибуну съезда подняться не стыдно, не то, что в газетке материалчик тиснуть.

– Очень уж он хотел в «Правду» попасть, – задумчиво покрутила в руках лист газеты Саша.

– Мечты сбываются, – проворчал я. – Прохвост так жаждал славы, что запасся прокламацией на случай своего ареста. Он же с ней – не просто дешёвый киллер, а высокоидейный борец

с термидорианской контрреволюцией. Заодно старым друзьям-эсэрам отомстил. Там дело наверняка до расстрелов дойдёт, если ещё есть кого.

– Посмертное проклятье, прямо как у фараона, – нервно хихикнула моя спутница.

Эсэров она любит немногим сильнее, чем большевиков, зато древнюю мистику очень уважает[198]. Даже успела у меня поинтересоваться: не случилось ли в будущем чего-то похожего на цепочку необъяснимых смертей, преследующих расхитителей египетских гробниц.

Тем более удивительно её мужество – его хватает на шутки.

Моё чувство юмора – и без того аховое – спряталось от проблем куда-то глубоко в норку, между депрессией и паранойей. Есть с чего...

Какое там путешествие в Одессу!

Какая надежда на углубление романтической составляющей наших с Сашей отношений в комфорте и неге СВПС?!

Впору идти сдаваться в Большой театр, на съезд. Там хоть какой-то шанс выжить есть!

Присесть бы куда-нибудь, привести в порядок мысли. Разум подсказывал – во всём городе не найти места безопаснее, чем в эпицентре привокзальной толчеи. Но всю жизнь не простишь, да и нервы не железные.

Поэтому я колебался недолго – подхватил Сашу под руку, увлекая её в сторону самого плотного людского потока, наискосок, через усыпанную лошадиными орехам площадь.

На углу обернулся: что если всё же рискнуть, сесть в вагон, положиться на удачу?

И тут же отбросил прочь безрассудную глупость.

ЖАКТ в курсе моей работы на ЦТС, верно и обратное – без справок на приличное место в СССР трудоустроиться никак нельзя. То есть участвовавшие в процессе старые «одесские» документы безнадежно засвечены, поэтому уж что-что, а поезда на юг чекисты проверяют, не отвлекаясь на сон, колбасу и водку.

Вот если бы раздобыть машину!

---

[198] Могила Тутанхамона была вскрыта в 1922, но легенда о «проклятье» получила широкое распространение только в 1929 году.

Интересно, Ильф с Петровым «Антилопу-Гну» полностью придумали, или всё же описали с натуры?

Или проще купить «савраску» с телегой?

А что?

Переодеться под крестьян-бедняков да двинуться неспешно на юг, двадцать-тридцать километров в день – так, глядишь, к осени до Днестра и доковыляем...

От мыслей оторвал начальственный окрик в спину:

– Това-а-ариц! Ра-а-азрешите-ка ва-а-аши да-а-акументики?

Чёрная волна паники затопила сознание.

Уже всё? Конеч?

Ноги намертво приросли к панели, а рука, наоборот, сама собой полезла в карман, поближе к браунингу.

– У тебя же «профсоюзка» с собой? – резко пихнула меня в бок Александра. – Предъяви, да пойдём скорее!

Вовремя – парочка в штатском уже начала терять терпение. До боли знакомый типаж: тугая загорелая кожа по скулам, мешковатые безразмерные пиджаки. Острые ножи глаз из-под козырьков кепок фиксируют предательскую дрожь пальцев.

– Да-да, – я наконец-то вывалился из сумрака. – Минуточку! – нашарил во внутреннем кармане профсоюзную членскую книжку работников электромеханической промышленности и вложил в требовательно протянутую руку. – Вот же, пожалуйста!

Внутренних паспортов в СССР пока нет как класса. Единые удостоверения вроде как введены в двадцать четвёртом, но они...

Не обязательны.

Поэтому есть в наличии хорошо если у одного из десяти жителей Советской республики. Личность устанавливают по царским свидетельствам о рождении, всевозможным расчётным книжкам, экзотическим справкам или профсоюзным книжкам, примерно таким, как у меня.

Фотографий нет нигде, бланки продаются на рынках едва ли не свободно, подделать печать – легче лёгкого даже для ученика трудовой школы.

И это, уву, не их проблема. Это – наша проблема.

Милиционеры и гепоушники ориентируются скорее на своё пролетарское чутьё, чем на бумаги. При малейшем подозрении – граждан без тени сантиментов закрывают в отделение «для выяснения».

Смерть, как всегда, подошла незаметно...

Как и спасение...

Мерный гомон обтекающей нас толпы разорвал недалёкий вопль:

– Ах ты су...а!

– Получи!

Драки не вышло – пешеходы прыснули в стороны от шлёпнувшегося в лошадиный навоз худосочного тела.

– Убили!

– Держи вора!

Чекист – а может, опер угрозыска – молча сунул мне в руки несчастный членский билет и сорвался вслед за своим напарником. В погоню, мимо успевшего подняться на четвереньки мужичонки в высоких блестящих хромом сапогах.

– Пойдём! – потащила меня за рукав Александра. – Давай же!

Легко сказать...

Ноги как из свинца, по спине река пота. Пройти дюжину шагов – как передвинуть беккеровский рояль.

И тут опять, из-за плеча раздалось:

– Лексей! Коршунов!

Сперва я не обратил внимания, так отвык от своей фамилии за долгие годы.

Но потом...

Рывком развернувшись, я широко распахнул глаза от удивления.

Передо мной стоял старик-калека, из тех, про кого не сразу поймёшь – торгует чепухой, просит милостыню или подворывает. От колена правой ноги – пиратская деревяшка, пустой правый же рукав заткнут за пояс суконной рубахи. Через плечо – поникшие макароны шнурков, из нашитого заплатой кармана торчат края плетёных из соломы стелек.

А вот лицо...

Где же я его видел?

Догадка не заставила долго себя ждать.

– Гвидон! – воскликнул я.

– Гляди-ка, помнишь! – в голосе предводителя шпаны слышалась скрытая гордость.

Жизнь крепко потрепала матёрого уркагана. Сейчас, пожалуй, он выглядел ещё хуже, чем в тюремном вагоне Соловецкого этапа.

Смутившись, я не придумал ничего лучше, как представить собеседника спутнице.

– Саша, помнишь, я тебе рассказывал, как мои документы украли в Питере? Так вот...

– Залил сламщику галоши[199], знатца? – перебил мой лепет Князь Гвидон. – С три короба прогнал фуфла, эсэсэрер так, да эсэсэрер эдак? Так в каком году главпахан даст дуба? Полсотни третьем? А нонче у нас чо на дворе? Ась? Нехорошо, ай-ай, как нехо...

Ехидная речь оборвалась на полуслове. Приторный оскал сменился изумлением.

– Бл...дь! Да это – ты! Ты его! Ах-ха-ха! Ну, даёшь! Высоко сложил[200]!!!

Чутьё как у зверя!

Сбежать или убить?

Опережая всё, мелькнула молния мысли: «Драка... Вовремя! Да!!!».

Не мокрые верёвочки продаёт тут предводитель шпаны, но руководит своей бандой. Едва ли такой большой и сильной, как когда-то в Питере, но...

Всё равно...

Сложно ли ему при виде попавшего в переплёт старого знакомого мигнуть кому-то из шестёрок, чтобы устроили липовый замес?

– Не скипидарься, – речь старика тем временем обрела твёрдость. – Гвидон кореша в доску не загонит[201].

– Даже не думал...

– Ты мне мурку не води, – возразил Гвидон без всякой

---

[199] Залить сламщику галоши – обмануть получающего долю добычи, но не принимающего участия в преступлении.

[200] Высоко складывать – ловко убивать.

[201] Загнуть в доску – предать.

злобы. – Отчаянный! И перо не жамкай – без того курногая за моей спиной маячит. Забрали гады легавые житуху, оставили едва чинарь допыжить.[202]

– Как вышло-то? – в замешательстве поинтересовался я, кивая на пустой рукав.

– Вертухаю из бесов вожжа под хвост влетела, застроил нахрапом командировку. Пока фасон держал – «смоленски-ми» налили как богатому[203]. Лепила – лярва, поднимать не стала, так и откоптел без понту[204]. Всё ещё ломает, ежели без марафету.

Я понял едва ли половину, но на всякий случай состроил приличествующую моменту сострадательную мину.

– Не всякому фартит! – взгляд Гвидона подозрительно задержался на Саше. – Но погодь-ка, ты с кралей чисто сорвался или шпоры на хвосте висят[205]?

– Боюсь, завтра в газетах словесный портрет будет, – не стал запираться я.

Предводитель шпаны отшатнулся:

– Да с тобой рядом потолкаться – уже «вышак» весит!

– Так никому же не скажу, – неудачно пошутил я.

– Рвать те надо. В могиле не отлежишься, за буграми не спрячешься[206]... Куда идёшь-то?

– Э-э-э...

– Не закапаю[207]!

– Хотели телегу купить, переодеться в крестьян, – решил я. И добавил, сменив на всякий случай генеральный курс

---

[202] Чинарь допыжить – докурить окурок.

[203] «Смоленские» – палки-дубинки надсмотрщиков. Налить как богатому – избить до полусмерти.

[204] Здесь: «врачиха переводить на другое место работы (освободить?) не стала, так и отбыл срок заключения без выгоды для себя».

[205] «Ты с кралей чисто сорвался или шпоры на хвосте висят» – здесь: «ты с подругой ушёл с места преступления без погони и слежки?».

[206] За буграми спрятаться – в Сибири. В могиле – на квартире.

[207] Не закапаю – не выдам.

драпа на противоположный. – Двинем с переселенцами на восток, там легче затеряться.

– Кха-кха-кха! – закашлял в кулак уцелевшей руки Гвидон.
– Хоть христарадником нарядись, любой касьян слёту в тебе барина срисует!

– По приметам в Москве каждый пионер искать будет, – пожаловался я в ответ.

– К цапле[208] не суйся. В хате на отлёте теряться даже не думай! Там новое мурло без шмона палят.

Не поспоришь. Я вспомнил взгляды пацанов, обсиживающие изгороди в Кузьминках. Для них любой незнакомец – повод для болтовни на полдня. Мамки-бабки посудачить тоже совсем не промах.

– В Москве ныкайтесь. Прикинь свою мамзель шкетом, ни один легаш не мигнёт.

– О! Шикарный вариант! – обрадовался я. Расставаться с Александрой не хотелось, но ходить вместе с девушкой – всё равно, что надсмехаться над фортуной. – А мне что делать?

Гвидон окинул мою тушку скептическим взглядом.

– Яро! Не жукнешь[209]. Хоть кручёный, а залепят, твякнуть не поспеешь.

– Не ноги же себе рубить, – грубо отшутился я перед инвалидом.

Однако смысловые тонкости Гвидона не волновали. Или, наоборот, его чувство юмора оказалось на голову повыше моего.

– В лазарете барно филонить. Шмонать не будут[210].

– Может, есть на примете место укромное? Хоть недельку отлежаться? – с надеждой поинтересовался я.

– Не примусь! – резко отрубил Князь. – Топай, нотный. Неровен час, воротятся мои сямки – за них не отвечу. Лады?

Намёк ясный, дважды уговаривать не надо, хотя...

Была у меня мыслишка, что поможет старый вор, найдёт местечко где-нибудь на «малине», хоть как-то доплатит за спасение своей жизни там, на Соловках, но...

---

[208] Цапля – железная дорога.

[209] Яро! Не жукнешь. – Плохо! Не обхитришь.

[210] Здесь: в лазарете хорошо лежать, искать не будут.

Видимо, если не очень-то ценишь свою жизнь, то чужая, поди, и копейки не стоит. Да и ждать «благородства» от прожжённого бандита – которому предать, «кинуть», как у них выражаются, что высморкаться! – пустая затея: не было и нет у воров никакого благородства...

– Ладно, сами перекантуемся... – только и сказал я.

– Большое вам спасибо за совет, – невероятно вежливо попрощалась Саша.

Мне бы её самообладание!

– Погодь, Лексей, – внезапно пошёл на попятную старый уркаган. – В Питере пошукай на Дровяном переулке церковь Иоанна, что эстонцы строили. Напротив дом будет в три этажа, в хае номер тринадцать я нычку замастырил[211], сам знаешь с чем. В обивке двери парадного, наверху, под войлоком.

Благодарить я не стал.

---

[211] Здесь: в квартире номер 13 я ухоронку сделал.

11. СТАРЫЕ СКЕЛЕТЫ

Москва. Июль – август 1930 года
Первый месяц с рождения нового мира

Белое сорочье пёрышко, воткнутое в обломок сосновой коры, слегка кивнуло раз, второй, а затем – и вовсе легло на воду. Я лениво подсёк. В тёмной глубине тускло блеснул широкий бок, конец удочки согнулся. В моей голове мелькнула досада – лёгкая сучёная[212] леска в три волоска много не вытянет. Но серебристый полуфунтовый чебак уже вылетел в воздух и, описав короткую дугу, плюхнулся в подставленную ладонь.

– Какой красавец! – разглядывая туго выгибающуюся рыбину, я не удержался от восклицания. – Жаль отпускать!

Тяжело в деревне без холодильника...

Безвестная речушка[213], петляющая через нехоженный лес к северу от Пушкино, оказалась на удивление богатой. Вроде ширина – при старании перепрыгнуть можно, и омут – глубже метра не сразу найдёшь, а уже скоро месяц нашей робинзонады – рыба не переводится...

Глаза бы мои её не видели! Ни в ухе, ни в глине, ни в шашлыке, ни в углях. На всю жизнь наелся, хуже, чем в Карелии.

Хорошо, что хоть Ярославское шоссе всего километрах в пяти, только через железку перевалить. Переодетая в мальчишку Александра дорого, но легко покупает у тянущихся к Москве торгашей-нелегалов хлеб, молоко и масло.

---

[212] Лески из конского волоса делились на сучёные (кручёные) и плетёные. Последние были рассчитаны на большие нагрузки (до килограмма и даже более).

[213] Серебрянка, левый приток Учи (впадает в Учу в Пушкино).

На всякий случай я всегда рядом, тискаю гравированные узоры браунинга за ближайшей сосной, но процесс подозрений ни у кого не вызывает – в округе хватает дач и дикошарых от жары дачников.

Выпущенный на волю чебак злобно булькнул хвостом на прощание. Надеюсь, мне не придётся отпускать жадную скотину во второй раз.

Хотя, в сущности, какая разница?

Червяков и времени у меня сегодня навалом, в то время как развлечений большого мира недостаёт катастрофически.

Радовался, было, третьего дня: в дополнение к продуктам удалось перехватить несколько газет. Напрасно – пресса попалась изрядно несвежая и обескураживающе бессмысленная.

«Известия» и «Комсомольская правда» от четырнадцатого июля вышли мало того что в набивших оскомину траурных рамках, так ещё от первой до последней строчки посвящены жизни и смерти злодейски убиенных вождей[214]. По-прежнему двух – перебинтованный как мумия живчик Ворошилов уже на ногах – мечет громы и молнии в адрес эсэров с трибуны съезда. А вот человек-глыба Молотов получил дырки в груди и ливере, поэтому едва ли оправится раньше зимы. Если оправится вообще...

Насилу выискал на успевших посереть листах каплю сомнительного позитива: из «многих десятков» раненых в больнице умер только один.

В то же время из пяти погибших непосредственно при взрыве прохожих двое оказались чекистами, охранниками членов Политбюро. Итого счёт к моей совести не увеличился, а напротив – снизился до четырёх жизней. С одной стороны – подобное количество на фоне судеб миллионов ничтожно, можно сказать, экзамен на хронохирурга сдан успешно.

С другой – сама идея спасения одних людей ценой гибели других вводит меня в глубокий ступор[215].

Хорошо, хоть Александра – истинное дитя своего времени – подобными этическими задачами совершенно не терзается.

---

[214] В реальной истории после убийства Кирова газеты выходили в траурных рамках 12 дней.

[215] В 1967 году подобный вопрос сформулирован как «Проблема вагонетки» (англ. *Trolley problem*).

После моих рассказов и тех крох, что она успела выхватить с телефона, в её глазах смерть десятков, сотен, а то и тысяч случайных прохожих – справедливая плата за уничтожение главного палача эпохи.

Кроме того, сюрпризом – но уже по-настоящему приятным – оказались портреты разыскиваемых всем советским миром «злодеев».

Не зря говорят: пуганая ворона куста боится. Чекисты, похоже, вместо профессионального портретиста ангажировали на наше дело шаржиста-халтурщика. Похожим на оригинал вышел только разрез глаз.

Зато приметы, м-да...

При среднем росте и комплекции я бы рискнул объявиться в Москве. Сейчас же интуиция подсказывает – все постовые, караульные и дежурные снабжены складными метрами и инструкцией. Любой сомнительный тип, кто не пролез в габаритный размер, без разговоров и сантиментов запирается в фильтрационный лагерь до очной ставки с пострадавшими погорельцами или явки надёжных поручителей.

Моей спутнице куда легче, под её кондиции подходит треть советских гражданок.

Обработать такое количество подозреваемых советская милиция, очевидно, не способна. Хотя передвигаться пацаном всё равно спокойнее, спасибо Гвидону, вовремя вставил в мою картину мира недостающий кусочек мозаики.

Если и вскроют где-нибудь гендерную подмену – невелик криминал: тут каждый десятый щеголяющий в штанах и кепке подросток на проверку – девчонка.

В результате наше любопытство наконец-то перекрыло страх разоблачения – сегодня с утра пораньше Саша укатила на электричке в Москву. Не ради гастрономического разнообразия, но за газетами и новостями.

Мне же остаётся следить за ползущим к западу солнцем, нервничать да время от времени дёргать из воды жадную до червей плотву.

А ещё – вспоминать...

При бегстве из Москвы я первым делом выкинул из головы большую часть советов старого уркагана.

Раз он не может себя представить иначе, как в вонючей ко-нуре малины, то это его личные проблемы.

Для меня, после побега из Кемперпункта, июльский лес – как дом родной. Шалаш, костёр, рыбалка – так бы и жил до белых мух.

А то и до следующей весны, покуда денег на еду хватит – выкопать землянку не сложно.

Куда сильнее морозов я боялся патрулей, но обошлось.

Извозчик, подогретый целым червонцем, не только подо-ждал нас с новыми покупками возле очередного рыночного пятачка, но и довёз по шоссе почти до самой Яузы.

Дальше я планировал уходить пешком вдоль реки, в обход кордона.

Но по дороге в недалёкий лесок[216] мы буквально упёр-лись в небольшую станцию или – как среди местных принято говорить – платформу, имени «Шестой версты».

Желающих покинуть на ночь глядя столицу собралась це-лая толпа, куда там чекистам.

Спешащие домой дачники, работяги и спекулянты затоп-чут любого!

В таких обстоятельствах сторониться трудового народа для нас было бы форменной глупостью.

Ждали мы, само собой, запряжённый в паровоз пригород-ный поезд.

Появилась же тупоногая, угловато-неуклюжая, но совер-шенно новенькая электричка. Эдакий клёпанный их жести трёхсекционный, раскрашенный под шапито эрзац-сарай с па-русиновой крышей. Нижняя часть до окон – ярко-вишнёвая, разделительные полосы – коричневые, верх – светло-серый, дуги токосъёмников и все надписи – красные. Рамы окон – желтеют свежим неокрашенным деревом.

Для втискивания внутрь пришлось славно поработать локтями, плотность размещения пассажиров это средство пе-редвижения явно унаследовало от классово близких москов-ских трамваев.

Мало что на подножках никто не висел.

---

[216] *Примыкающий к Сокольникам участок Лосино-го острова.*

Хотя, как бы то ни было, давку стоило потерпеть – плохо ехать куда приятнее, чем хорошо идти.

Часа через полтора – колёса состава стучали по рельсам удивительно неторопливо – мы вывалились на специально отстроенном под электротягу тупичке рядом с полустанком Братовщина[217].

Тут, можно сказать, и живём...

Два километра по грунтовке на запад, ещё примерно столько же на север, по едва заметной тропке через лес. За невысоким, поросшим молодыми соснами холмом вырыта аккуратная полуземлянка с шикарным видом на речку. Хорошо замаскированное, но при этом комфортное хозяйство. Можно сказать, рай в отдельно взятом шалаше. Не хватает сущей малости – типичных для полноценной ячейки социалистического общества отношений.

Первая неделя особого места романтике не оставила...

Моисей явно знал толк в обустройстве нового мира...

День – разыскать достойное место, поодаль от тропинок, покосов и прочих грибов-ягод.

Второй – устроить под старой берёзой капитальный очаг системы «Дакота»[218], решить вопрос топлива и пропитания, нарезать впрок травы, нарвать мха.

Третий – провести рейд по пустующим дачам, в нашем положении куда как безопаснее украсть ржавый топор или лопату, чем найти их на рынке.

Четвёртый – воздвигнуть навес из еловых лап и дернины, оборудовать роскошный двухспальный лежак.

Пятый – отработать пути подхода и отхода, сымитировать непролазные буреломные завалы на ближайших тропах возле «лежбища».

Шестой – вымыться, привести в божеский вид одежду и

---

[217] С 1931 года и по настоящее время – платформа Правда. Для электричек там была сделана отдельная временная платформа (в 1931 году их продлили до Софрино). Скорость движения первых электричек редко превышала 20-25 км/час.

[218] Костёр в яме с отдельным ходом-поддувалом. Удобен для приготовления еды, требует мало топлива, малозаметен, так как даёт мало дыма.

научиться покупать хоть что-то съедобное взамен черники и опостылевшей рыбы.

Седьмой – «почтить от всех дел своих, которые сделали».

Дальше мы просто отдыхали. Валялись на траве, загорали, по очереди бултыхались в студёной воде речушки, взяв лёд, до хрипоты спорили о будущем, прошлом и настоящем. По вечерам, как спадала жара, изощрялись в ихтиологической кулинарии, экспериментировали с рогозом и лубом, на котором я когда-то выживал в Карелии, практиковались в заваривании травяных настоев.

Обстановка не просто предполагала курортный роман – она его буквально навязывала. Однако абсолютно естественная для меня формула «ты – моя женщина, я – твой мужчина, если надо причину, то это причина» не сработала. Александра приемлела лишь унылый ортодоксальный вариант отношений – раз и на всю жизнь.

Не могу сказать, что такая позиция хоть чуть-чуть импонировала моим взращённым 21-м веком стереотипам.

Но обмануть Сашу?

Есть куда более простые пути почувствовать себя подлецом.

Мне безумно нравится её улыбка, приятен смех, высокая грудь с розовыми, задорными от холодной воды сосками сводит с ума...

Только ли от воды?!

Стоп, думать в эту сторону опасно!

Она безусловно умна и начитана, в богословских вопросах даже чересчур.

Люблю ли я её на самом деле?

Или так действует крепко вбитая эволюцией программа, заставляющая самца ограничивать бесконечный поиск идеала на оказавшейся поблизости самке?

Взять бы недельку без содержания, слетать в Будву 2014-го. Там хоть есть, с кем сравнить...

Или хотя бы в Прагу 1930-го!

Караулить Сашу у дороги я вышел на час раньше, никак не меньше. Съедает беспокойство, как она там, в огромном, полном чекистов городе?! Совсем одна, такая слабая и незащищенная, среди чужих, злых людей.

Здравый смысл пасовал перед приступами паники – я изводил себя, ловил шорохи леса и далёкий грохот транзитных поездов, вглядывался в редких местных ходоков. А при появлении девушки из-за поворота едва не заорал на всю округу от радости.

Не выдержав, я презрел всякую конспирацию и вылетел к ней из кустов у обочины. Спустя секунды – сжимал подругу в объятиях.

– Устала? Сильно?

– Ой! Да пусти же, раздавишь!

– Прости, – я чуть ослабил нажим. – Как там Москва?

– Не поверишь, всё ещё стоит!

– Жаль, чертовски жаль. О чём хоть люди-то на улицах говорят?

– Пойдём скорее с дороги!

И правда, торчим на виду как памятник товарищу Ленину. Увидит кто обнимающихся парней, плохое подумает. Или сделает – стуканет «кому положено».

В то же время выпускать девушку из рук отчаянно не хотелось.

– Хочешь, донесу тебя до самого дома?

– Ты что? Сумасшедший!

Не слушая возражений, я сгрёб Сашу в охапку вместе с увесистой сумкой.

– Да ты совсем лёгонькая! Как пёрышко!

– Уронишь!

– Не дождёшься!

Удивительно, от волос пахло духами!

Прокол в маскировке под мальчишку? Или она успела прихорошиться уже после электрички, специально для меня?

Не удержавшись, я прямо на ходу зарылся лицом в густой ёжик на её голове, а потом тихонько, самым краешком губ поцеловал висок.

Ответом стал поразительно неуместный вопрос:

– Ты действительно можешь убить Гитлера?

За несколько последних дней мы обсудили историю Второй мировой не меньше сотни раз, но сейчас...

Не зря говорят, что женская логика – потёмки.

– Без малейших сомнений! – я объявил ответ с самой

серьёзной миной из возможных. – Уничтожить главного нациста куда проще, чем достать с неба звезду!

– Зачем? – пришла очередь удивляться Александре.

– Подарить её тебе, разумеется!

– Ты обещаешь? Честно-честно?

– Клянусь! – в этот момент будущий фюрер германского народа казался мне куда более далёким, чем Антарес.

– Правда-а? – протянула Саша, и...

Быстро коснулась моей щеки губами! В первый раз за всё время!

– Ох!

От удивления я чуть не уронил девушку на землю. Но успел подхватить, да так удачно, что наши губы совместились в одной точке пространства.

Сумка с бесценной макулатурой тяжело шмякнулась куда-то под ноги. Моя рука сама собой скользнула под пиджачок, необъяснимым способом просквозила между пуговиц рубашки. Я ждал возражений, гнева, может быть, пощёчины, но она просто обняла меня!

– Люблю тебя! – выдохнул я.

Несколько мгновений – и разделяющая наши тела одежда комками рассыпалась по траве.

Я опять прижал Сашу к себе, заглянул в глаза, шепнул, сам не знаю для чего:

– Готова?

– Нет! – мотнула она головой. Но тело под моими руками кричало. – Да!

Время слов закончилось.

* * *

Трудно найти место для первой любви хуже, чем подмосковный лес...

Вся моя спина оказалась в кровоподтёках от шишек, Сашины колени изрезала трава и сучья. Укусы комаров – без счёта. Но всё это мы узнали только утром, в шалаше, до которого добрались неизвестным науке способом.

Наскоро обработав «боевые» раны и позавтракав дарами щедрой речки, мы жадно накинулись на «ларионовки»

– забрасываемые воздушными шарами на советскую территорию листовки РОВС, прозванные так в народе по имени главного редактора и идейного вдохновителя.

Ленинградцам везёт, для них это вполне обычное чтение – ГПУ версии тридцатого года расстреливать граждан за каждый поднятый с земли листок не решилось, а иного способа противостоять валящейся с неба макулатуре в арсенале ВКП(б) тупо не нашлось.

Но все чуть более отдалённые от границы города от тлетворного влияния Запада надёжно защищались – советские органы правопорядка оперативно выявили узкие места подпольной логистики и сражались там с распространителями не покладая наганов. Даже норму изобрели: более десятка прокламаций в кармане – готовая заявка на бесплатный билет до Соловков.

Поэтому за все три месяца подготовки к «акту» я смог разыскать в Москве лишь один единственный экземпляр – и тот с нелепой антисемитской карикатурой на весь лист.

Тогда как вчера, всего за день Саша без всякого труда подобрала с мостовой сразу три «ларионовки». И все они оказались разными!

Выходит, не напрасно сразу после изрядно нашумевшего «Карельского похода» генерал Кутепов пошёл – совсем как Ульянов – «другим путём». Разругался с кастой обрюзгших от старости общевойсковых золотопогонных клерков, после чего – засел с Ларионовым и молодыми офицерами на полулегальной штаб-квартире где-то в Риге. Заставил врагов и союзников «уважать себя», пробил недурное финансирование, в общем, переломил позорный парижский тренд на деградацию. То есть создал взамен неисчислимых фейковых армий работоспособную пропагандистскую «страну Кутепию».

Как в воду глядел!

Сразу после гибели главных вождей большевизма ветераны-галлиполийцы не растерялись, а напротив, с детской непосредственностью записали произошедшее на счёт собственной, необычайно эффективной подрывной деятельности.

В парижках и берлинах им пусть со скрипом, но поверили – уж очень хотели поверить.

Судя по гордой пятимиллионной цифре тиража листовки

и напечатанной мельчайшим кеглем инструкции по применению, воспрянувшая надеждой эмиграция выдала неограниченный кредит – деньгами и волонтерами. Количество стартовавших в направлении СССР воздушных шаров за две недели выросло в десяток раз, они существенно подросли в размерах и после заправки дешёвым угольным газом[219] могли провести в воздухе более трёх суток[220]. Соответственно, район выброса резко расширился, превысив любые разумные возможности строгого чекистского контроля. Отдельные баллоны долетали из Лудзе до самой Москвы!

При виде осязаемого результата лидеры полумифического белогвардейского подполья решились на последний смертный бой, то есть гальванизировали сами себя и свою креатуру. Или, что куда более вероятно, в их глазах ненависть и жажда «вернуть всё взад» наконец-то перевесила снизившийся риск. На великое «бывших» нынче не поднять, слишком напуганы, а вот захватить с собой из Подольска, Минска, Пскова, Одессы или Житомира полсотни бумажек, чтобы затем выбросить их на московскую или воронежскую мостовую...

Желающие нашлись в избытке.

Можно сказать, что в роли менеджера бравый капитан – а скорее, уже майор[221] – меня откровенно порадовал. Прокрутить столь серьёзное дело да ещё за считанные дни – дорогого стоит. А вот как идеолог – откровенно и жёстко обидел.

Товарищ Сталин преподносился кутеповцами как последний заступник великого русского народа, которого убили свои – жидобольшевики-инородцы. В истинной причине злодеяния РОВСовские аналитики не сомневались: генсек собрался устроить прямо на съезде ВКП(б) контрреволюционный

---

[219] Угольный газ – природный газ, от 80 до 98% метана. Подъёмная сила в полтора раза меньше, чем у водорода, зато намного медленней просачивается через оболочку.

[220] Именно такой срок полёта имели «листовочные» воздушные шары ПМВ. Всего лишь за половину 1918 года с территории Франции было запущено 35 тыс. шаров с 20 миллионами листовок. Занималась этой работой команда из сотни девушек.

[221] Такого звания не было ни в армии Российской империи, ни в РККА. Но ГГ в этом вопросе не разбирается.

переворот. Не смешной термидорианский, про который отороженные на голову сторонники Троцкого долбили во все левые барабаны, а настоящий, имперский, точнее – кальку с восемнадцатого брюмера генерала Наполеона[222].

Гипотетический план новопредставившегося кандидата в Бонапарты отличался понятной каждому простотой. Без малейшего промедления – пусть жёстко, но неизменно справедливо – навести порушенный порядок. То есть отогнать от государственной кормушки полуграмотных совбуров-выдвиженцев, прекратить «головокружение от успехов», не насаждать колхозы глупой реакционной силой[223], вернуть хлеб, керосин и калоши на полки магазинов, а попов – в церкви. Кошельки наполнить разменным серебром и старыми добрыми золотыми червонцами. Примирить наконец эмиграцию с родиной. Пусть не сразу – а когда-нибудь, лет через пять, или даже десять – реституировать[224] отобранные в горячечной злобе Гражданской войны сёла и пажити.

Интересно, излагали политтехнологи РОВС свою реальную жизненную позицию? Или составили гипотетический вариант «пятисот дней» под влиянием серьёзных количеств «Рижского чёрного бальзама»?

Эффект, впрочем, от градуса алкоголя писак не зависит...

Сама по себе мысль «убили свои» – вне всякого сомнения, производит в рафинированных заголовками «Правды» мозгах обывателей взрыв, достойный измерения в тротиловом эквиваленте. И тут, пользуясь беспомощным положением жертвы, кутеповцы через «ларионовки» втискивают в сосредоточие извилин нехитрую мысль: «Без твёрдой руки генерального секретаря заполонившие столицу «жиды» в полной мере разгуляются по народным карманам и спинам...».

Идея с изрядным душком, зато – на благодатную почву.

---

[222] В результате переворота 18 брюмера во Франции была лишена власти Директория, разогнаны представительные органы (Совет пятисот и Совет старейшин) и создано новое правительство во главе с Наполеоном Бонапартом.

[223] Оригинальная фраза И. Сталина из статьи «Головокружение от успехов»: «Нельзя насаждать колхозы силой. Это было бы глупо и реакционно».

[224] Реституция (от лат. *Restitutio*) – восстановление.

Только ума не приложу: на кой чёрт эмигрантам сдался сей небанальный выверт?

Впрочем, всерьёз задумываться о перспективах разных метода вербовки совграждан на антибольшевистскую сторону мне не пришлось – третья, она же самая новая листовка не просто преподнесла сюрприз, а оказалась настоящей водородной бомбой. Без всякого преувеличения – весь выпуск господин Ларионов лично и исключительно посвятил скромной персоне Обухова.

Быстро пробежался глазами по тексту, и...

Ничего не понял.

Попробовал вчитаться – так же без успеха.

Для составления цельной картины пришлось обратиться к газетам...

Сперва я изучал их с основательным пессимизмом, но затем, по мере углубления в материал, вошёл во вкус.

Советская пресса, кое-как пережив бесконечные две недели траура, как будто очнулась от летаргии. Не иначе как труженики второй древнейшей обнаружили за своей спиной вместо монолитного направляющего перста Политбюро змеящийся тоненькими ручонками клубок преемников вечноживого дела Ленина-Сталина. Соответственно – в расчёте получить щедрые гешефты – они перестроились на привычную поза-поза-прошлогоднюю модель существования. Ту самую, в которой грязное партийно-хозяйственное бельё без всякого стеснения выворачивалось прямиком на страницы центральных изданий.

Так что часа через два, объединяя недомолвки местных щелкоперов, пафосную гипертрофию «ларионовок» и собственную фантазию, мне кое-как удалось утрясти все детали в цельное полотно реальности.

Сразу после гибели вождей от руки негодяя Блюмкина, обманутые в лучших чувствах большевики бросились заниматься любимым делом – расстрелами. За считанные дни героини из ГПУ успели составить списки неблагонадёжных, выделить из них сто четырёх особо отъявленных эсэров[225] и...

---

[225] Например, после убийства Кирова (которое совершил коммунист!) были расстреляны сто четыре антисоветских «заговорщика», которые к этому моменту находились в тюрьмах.

Тут же их уничтожить «в порядке возмездия».

Даже фамилии не постеснялись опубликовать. Среди них я нашёл «члена объединённого антикоммунистического центра» Марию Спиридонову, а Саша – Александра Грина. Писателя, сотворившего посреди кошмаров Гражданской войны бессмертную феерию «Алые паруса».

Маховик следствия на достигнутом не остановился: дело левоэзровского террористического подполья быстро набирало обороты, то есть обрастало заключёнными, актами изъятий, доносами, протоколами допросов и прочими неопровержимыми уликами.

Быть бы скорому публичному судилищу с Вышинским в главной роли обвинителя, да вмешался случай...

Какой-то безвестный, но дьявольски дотошный криминалист таки умудрился обнаружить мои отпечатки пальцев. Скорее всего – на Блюмкинской колымаге, не успели мы её спалить, как планировали. Или я где-то в ЦТС не досмотрел. Хотя последнее – вряд ли, все две недели перед «бадабумом» я практически не снимал перчаток, а если чего-то и касался руками, то непременно протирал запятанное место специально заведённым платком.

Дальше, надо полагать, началась форсированная проверка по картотеке. Отсекли от массива дактилокарт уголовников, а также слишком молодых или старых политических, и быстро сподобились: выявили безусловное совпадение с бежавшим из Соловецкого концлагеря Алексеем Обуховым. Пока следователи крутили на мундирах дырки под ордена, заграничная агентура прошла по не успевшим остыть паспортно-визовым следам «скаута» – в Хельсинки, Берлин, Прагу и...

Финишировали на Принкипо.

Долго ли проверить книгу учёта постояльцев в единственном приличном отеле на острове?

В «строку» легли Блюмкинские связи с товарищем Троцким. Древний, десяток лет запертый в шкафу забвения эзровский скелет обернулся сочащимся свежей кровью недобитком троцкизма.

Напрасно Лев Давидович пытался оправдаться на страницах «Бюллетеня оппозиции». Тщетно бывшие сторонники бывшего наркомвоенмора заверяли делегатов съезда в своей

бесконечной преданности делу революции в общем и генеральному секретарю в частности.

На Советскую Республику обрушилась Великая чистка.

Все, кто хоть как-то и где-то имел дело с Троцким, немедленно объявлялись потенциальными предателями и убийцами.

Если учесть, что в рядах ВКП(б) образца 1930 года к такому можно без особого труда причислить всех и каждого, то картина получалась фантазмагорическая.

Привычный баланс врагов и друзей обернулся липким туманом подозрений. Рождались и умирали сиюминутные альянсы, походя брошенные обвинения стирали десятилетия дружбы... Скандалы, интриги, расследования...

Ох, как бы я дорого заплатил за возможность оказаться в зале Большого театра с ведёрком сладкого попкорна!

На местах, впрочем, процесс шёл страшнее и проще. Пока лидеры обменивались церемониальными колкостями на трибуне, их подчинённые совершенно буквальным образом выбивали друг из друга нужные доказательства. Или того паче – тривиально прятали неудобных свидетелей в землю или воду.

Побеждали очевидным образом приверженцы курса Ленина-Сталина...

Да вот одна закавыка – к оному причисляли себя все коммунисты без исключений: от председателей таёжных лесхозов до членов ЦК. Спасибо Александре, её опыт здорово помог выделить из мешанины лозунгов неотличимые без мелкоскопа группировки: невнятных молодых сталинцев, лишённую сразу трёх лидеров старую гвардию и правых ленинцев[226]. Последних вели за собой изрядно побитые, успевшие публично покаяться, но всё ещё очень авторитетные вожди – Рыков, Бухарин и Томский.

Прекрасный расклад, значительно благоприятнее того минимума, на который я надеялся.

Не сомневаюсь, опытные, имеющие университетское

---

[226] В реальной истории Пленум ЦК ВКП(б) 1930 года избрал членами политбюро: Ворошилова, Кагановича, Калининна, Кирова, Косиора, Куйбышева, Молотова, Рудзутака, Рыкова, Сталина. Кандидатами: Андреева, Микояна, Петровского, Сырцова, Чубаря.

образование[227] бойцы на счёт раз обставят в аппаратной грызне любимчиков уложенного рядом с Ильичом генсека: трактирного мальчика Андреева, луганского слесаря Ворошилова да сапожника Кагановича. После – вернут долгожданный здравый смысл НЭПа в уставшую от перегибов и переломов страну.

Абсолютно неожиданное, но при этом удачное для нас развитие получила история с Обуховым.

За прошлые годы я как-то совсем упустил из виду, что сей знатный деятель скаутского движения существовал на самом деле. Затаился где-то на необъятных просторах Советской Республики, скорее всего ничуть не подозревая о занявшем его место на Соловецких нарах пришельце из будущего. И только сейчас, после двухчасового штудирования газет, на меня наконец-то снизошло просветление: следователь Шпалерки принял меня за оригинального Обухова отнюдь не случайно. А только потому, что его внешний вид до неприличия близко сошёлся с моим!

После широкой публикации примет, а чуть позже – ещё и фамилии, господин скаут решил бежать прочь из страны. Спору нет, поступок в высшей степени благоразумный. Ошибся мой невольный двойник лишь в одном – посчитал слабым звеном границу с Бессарабией. Впрочем, многолетний опыт выживания в условиях дикого социализма всё же позволил Обухову совершить невозможное. Он успешно миновал кордоны на дорогах, обошёл стороной засады на станциях, обвёл вокруг пальца качественно мотивированных пейзажистов, просочился под самым носом усиленных нарядов пограничников. Удачно форсировал Днестр и где-то неподалёку от Кишинёва благополучно сдался румынским полицейским.

В ответ чекисты хорошенько потрянули Европу – под покровом ночи «перешли границу у реки». Шуганули сонных часовых чужой родины и покатались в тридцатикиллометровый набег по сопредельной территории. Добравшись до цели, агрессоры не стали разводить лишних политесов – при

---

[227] ГГ немного ошибается. Из всего состава Политбюро высшее образование (причём, все – незаконченное) имели только Рыков, Куйбышев, Молотов, Сырцов. Кроме того, в университете учился не попавший в Политбюро 1930 года Бухарин.

поддержке двух пулемётов атаковали отделение полиции и после непродолжительного боя его захватили. Затем на глазах изумлённых аборигенов торжественным маршем проводили тело убитого «террориста» по заваленной коровьими лепёшками улице уездного пригорода в сторону границы.

Впрочем, жители СССР узнали совсем иную историю...

Некий спецкор «Правды» по фамилии Кольцов представил полноценный очерк «Враг не уйдёт», в котором выставил чекистский беспредел случайным рейдом контрабандистов. Ребят грубых, отчаянных, местами жадных, но при этом – непримиримых к истинным врагам трудового советского народа. Недостаток логики сполна компенсировался талантливо прописанными мелочами, по крайней мере, я представил произошедшее как наяву...

«... Запылённые, испятнанные окровавленными бинтами всадники медленно тянулись к сельсовету – свежесыбыеленной мазанке под вздёрнутым на жердине красным полотнищем знамени. Их уже ждали, но не привычная весёлая суета женщин, детей и собак, а высокий, худощавый мужчина с породистым узким лицом, заострённым книзу клином ухоженной бородки.

Не спешиваясь, командир отряда швырнул на землю грязный мешок.

– Это что? – мужчина брезгливо пошевелил груз лаковым носком ботинка.

– Голова, – обронил равнодушный ответ командир. Натужно, очевидно прислушиваясь к боли, сполз с седла. Осторожно опёрся на простреленную ногу, обернулся к оставшимся позади бойцам. – Ребята, коня приберите.

Обладатель бородки ждал завершения суеты с каменным лицом. Поймав же наконец взгляд визави, не стал сдерживать ярость. Порывисто дёрнул ворот бесформенной накидки и набычив вперёд лоб с высокими зальсынами, выкрикнул в лицо раненного:

– Мальчишка! Тебе приказали взять его живым! Живым, понимаешь? Тайно! А ты что сделал?

– Попрошу вас не... – начал, было, командир и тут же осёкся в догадке. – Тов-в-арищ Скрыпник! – белые пятна

проступили сквозь пыль и пот смертельно уставшего лица. – Товарищ секретарь цэка кэпэбу! Командир взвода мангруппы двадцать второго пого огэпу по вашему приказанию...

– Что. Ты. Тут. Натворил? – каждое слово вождя имело зримый вес и объём.

– Стреляли...

– Идиоты, – тяжело вздохнул секретарь КП(б)У.

– Он у меня пятерых поранил, паскуда бя...ская! – взорвался оправданиями взводный. – Ещё мамалыжники на переправе прямо как с цепи сорвались. Из «Мадсенов» так гвоздили вдогон, думал, что всем амба. Семён с Ванькой утопли, остальные незнамо каким чудом ноги унесли!

– Точно он? – обладатель бородки ещё раз тронул мешок с головой носком ботинка.

– Не сомневайтесь, товарищ секретарь! – вытянулся командир отряда. – Как полицаи из своей хибары кинулись по щелям ныкаться, мы одного поймали да хорошенько расспросили. Как есть Обухов! И в бумагах своих так же пишут! Мы их целый ворох с собой прихватили, да вот беда, помочили изрядно.

– Вы ещё и на полицейский участок напали? Днём?!

– Никак по другому нельзя было, товарищ Скрытник. Верный человек сказывал, злодея вечером в Бухарест отправят.

Секретарь КП(б)У окинул долгим взглядом кучковавшихся чуть поодаль бойцов мобгруппы, оценил серость упрямых лиц, усталость движений. Сгорбился, как будто принимая на свои плечи тяжёлый груз ответственности.

– Бывало... Всякое у нас бывало в восемнадцатом[228]. Слушай, взводный, и крепко накрепко запоминай. Сегодня вы помогли мне – то есть наркому просвещения Украины – в деле ликвидации политической безграмотности среди контрабандистов... Сочувствующих делу коммунизма. Сдавшиеся с повинной разбойники полностью признались в преступлениях как

---

[228] С июля по декабрь 1918 Н. А. Скрытник был заведующим отделом ВЧК по борьбе с контрреволюцией. Позже – начальник особого отдела Юго-Западного фронта.

на нашей, так и румынской территории. Засим понесли тяжёлое, но заслуженное наказание... Могилы организуешь. А на завтра у вас следующий приказ! Прямо с утра героическая моб-группа двадцать второго ПОГО ОГПУ выдвигается на учениях в Обухов, это такой райцентр недалеко от Киева. Все бумаги – сдать до последнего клочка! Отвечаешь головой! Выполнять! – Есть выполнять!..».

Для полного разгона созданной воображением картинки мне пришлось чуть не минуту трясти головой. Ничего, тем контрастнее стал образ моего двойника в интерпретации господ галлиполийских офицеров.

Верный курсу на прославление товарища Сталина, господин Ларионов свою авторскую статью выдержал в резко критических тонах. Нет, он ни в коем случае не отрицал беспримерную личную храбрость Обухова, который почти час отстреливался из окон полицейского участка от наседавших со всех сторон большевиков. Более того, капитан искренне радовался целым четырёх уничтоженным коммунистам, и не жалея помоев поливал никчёмных, разбежавшихся после первого залпа стражей румынского порядка. Также не подлежала критике личная встреча в Гельсингфорсе, наоборот, ближник Кутепова честно признался, что именно Обухов обратил внимание РОВС на важность «разъяснительной работы с советским населением».

Зато дальше прямо безо всяких околичностей заявлялось обидное: «Жидобольшевик Троцкий обвёл наивного студента-идеалиста вокруг пальца. Задурил парню голову мировой революцией и послал на верную смерть. Вдобавок, для особой гарантии результата, в сопровождение выделил подручного эсера Блюмкина...».

Тут, как понимаю, надо вынести особую благодарность нашему бывшему соседу по Кузьминкам. Пострел везде успел, и кафтан спереть, и верёвку заметить, и багровую полосу на моём горле.

В конечном итоге эмигранты по гибели Обухова хоть и без энтузиазма, но конечно же скорбели. Похоронили с воинскими почестями, как настоящего героя. Однако если хоть чуть-чуть отойти в сторону от мелодраматических эффектов, то

отношение к смельчаку-скауту резко дрейфовало в негативную сторону, как раз до образа дурной заблудшей овцы, сыгравшей на руку коварному врагу.

Александра болезненно переживал известие о гибели двойника, даже пару раз смахнула слезу с ресниц.

Что до меня...

Стыдно признаться, но я как обрадовался при первом взгляде на заголовок в «ларионовке», так и сохранил свиный оптимизм до прочтения последней совдеповской газеты.

Ведь понятно, после смерти «альтер эго» никто не станет меня искать. Да и про Александру быстро забудут – все её отпечатки пальцев сгорели вместе с домом, оригинальные, ещё царские документы нигде не засветила. По ней у ГПУ никаких зацепок, кроме «редкого» имени да рисованного шаржа. Да и хоть роль в покушении точно неясна, но едва ли велика. Добрые соседи наверняка доложили в подробностях: «молоденькая дурочка, сидела дома, готовила еду, стирала, подметала». Стоит ли поиск прислуги ценного чекистского времени, когда реальных врагов-троцкистов ловить не переловить?..

Чуть не до самого утра мы с Александрой строили планы на будущее...

Так что нам всего делов-то – выждать для верности две-три недельки и можно переселяться из леса обратно в Москву.

А ещё лучше – сразу в Ленинград, поближе к знакомой финской границе – румынам после прочитанного я как-то доверять перестал.

12. ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО

Москва. Осень 1930 года

Третий месяц с рождения нового мира

Под чёрной стеной кривоскулого сарая старые сварливые вороны раздирают облезлую дохлую кошку. Они жрут вонючее мясо с жадностью и остервенением голодных людей. Лужи медленно сочатся сквозь липкий ручей дороги. Размокшие корабли козых ножек неуклюже мотаются в кратерах воды...

Конец проклятого августа, вторая неделя студёных дождей...

До электрички остался целый час, а на местном полустанке нет даже навеса.

Кассирша зыркает из амбразуры ларька как барсучиха из норы. И чёрт бы с ней, да вот беда – простывшая третьего дня Александра бредит в жару и беспомощности на моих руках. Мокрые червяки потёков дождя змеятся по её бледному лицу.

И я ничего не могу с этим поделать. Моя спина слишком узка, она не может прикрыть от всех летящих сверху капель. Плащи промокли насквозь ещё по дороге из леса, бельё – хоть выжимай.

Две последние таблетки антибиотика использованы ночью. Нужен врач, нужна больница, нужны микстуры и порошки – жалкий шалаш в лесу не предназначен для лечения девушек.

Люди тут редки, как сумчатые волки...

Нет, есть по крайней мере один, месит грязь сапогами. В очках, да под зонтиком! Дачник, без вариантов.

Может продаст зонтик?

Ему и дождевика хватит, вон какой шикарный, английский, если мне память не изменяет.

А коли откажет, напасть, отобрать?

Тщедушный коротышка, ручки-ножки совсем как у ребёнка! Пристроить Сашу на минутку рядом с мёртвой кошкой, спрятать в руке браунинг, да отоварить рукояткой в затылок?

Пока прикидывал, прохожий успел подойти вплотную.

– Эй, парень! – сказал как сплюнул. – Тебе помощь нужна?

Представляю, какой жалкое зрелище он видит перед собой!

Трёхдневная щетина, грязная, расплзающаяся на куски одежда. На руках – закутанное в бесформенные тряпки тело...

Два месяца активной жизни в лесу – это слишком много для одежды, а обновить гардероб мы просто не успели.

– Спасибо, – выдавил я. – Жене плохо. Только выбрались

с ней на природу в настоящей палатке пожить, а тут дожди, дожди. Дождусь электрички – и в Москву, да бегом к доктору.

– Что с ней?

– Простыла, верно. Вот... Вы зонт не продадите? Не беспокойтесь, у меня есть деньги, много!

– Уж извини, товарищ, самому нужен.

– Да уж конечно, – расстроено оскалился я в ответ. – Не смею более вас задерживать.

В этот момент потревоженная Саша отчётливо пробормотала в бреду:

– Сильный активный плюсквамперфект образуется при соединении эpsilon к основе сильного активного перфекта...

– Девушке действительно плохо! – с неожиданным участием откликнулся прохожий и неожиданно представился. – Кстати, меня Михаилом зовут.

– Алексей.

– Её срочно отогреть надо, а то пневмонию недолго подхватить!

– Как бы не уже, – пробормотал я дрогнувшим голосом.

На просторах «триэсэрии» пышущие здоровьем мужики от воспаления лёгких через одного сгорают[229]. Для моей Саши отсутствие хорошей медицинской помощи, считай – приговор.

– Так чего мы ждём? – с оптимизмом провозгласил новый знакомый. – Двигай за мной!

Зонтика, впрочем, так и не дал. Похоже решил, что промокшим до нитки защита от дождя без надобности.

Идти оказалось всего ничего...

Я и представить не мог, что на задах крошечной пристанционной деревеньки идёт такое масштабное строительство. Набитая колёсами ломовиков грязь тут и там завалена свежими опилками и щепой, на обочинах лежат жерди, гравий, бут. По краю в ровный ряд выстроились столбики будущего забора из штакетника.

Всё, почти как в приличном коттеджном посёлке 21-го века, только домики какие-то совсем неказистые. Приземистые,

---

[229] ГГ немного преувеличивает. Хотя пневмония как причина смерти в 30-е годы была на втором месте – сразу за сердечно-сосудистыми болезнями.

под экономными низкими крышами, вдобавок не заметно ни кирпича, ни даже бруса или брёвен – только пропитанные воючей олифой доски. То есть чисто дачный вариант[230].

– Весной строиться начали, – пояснил очевидное Михаил.

– Главное – чтоб печка была, – забеспокоился я.

– Вам бы на Клязьме с палаткой баловаться, вот там у меня дом так дом! В два этажа, с мансардой, башенкой. Обвязан террасами, верандами, балкончиками. Окна в резных мерёжках, строчка ажурная! Печка в синих изразцах...

– И с поддувалом, – не удержался я.

– Разумеется, – не понял моей шутки Михаил. – Хорошая дача, матёрый купчина ещё до революции отстроил. Говорят, в подполе здоровенный сундук с вином зарыт, но мы не нашли, как ни искали.

– Тогда какой смысл переезжать? – поинтересовался я. – Если не секрет, конечно.

– О! – Михаил явно обрадовался вопросу. – Эксперимент! Мы в редакции решили заложить посёлок нового социалистического типа, огромный зелёный город! Лес тут, сам уж знаешь, заповедный. Развернём сеть здравниц, построим сотню-другую домиков, да заживём на зависть всем буржуям. А старую дачу – ту, что в Клязьме – продам Ильфу с Петровым. Они давно меня уговаривают.

– Понятно, – пробормотал я, перепрыгивая через очередную лужу.

Сказать по правде – не понятно ничего. Какая-то редакция, экотуристическая маниловщина, ещё и авторы культового романа вылезли...

Странный товарищ!

Может, он так шутит?

– Заноси! – прервал мои мысли Михаил.

Из распахнутой двери ударил густой берёзовый дух.

– Баня! – восхитился я.

– Как же без неё?!

Пока я в тусклом свете единственного окошечка

---

[230] Дом М. Кольцова в посёлке «Правдинский» по адресу улица Лесная, 24, существует до сих пор. Сложно сказать наверняка, но скорее всего – он каркасно-засыпной, то есть, вполне пригодный для жизни зимой.

пристраивал Александру на полок, хозяин успел растопить перекроенную из бочки печурку. Кивнул на сваленные у дверей связки газет и журналов.

– Это вам вместо дров, грейтесь.

– Теперь у неё есть хотя бы шанс! – искренне поблагодарил я. – Ещё бы спирта грамм хоть полсотни!

Проснулся я в настоящей кровати, в кои-то веки – на чистом белье...

Первым делом прислушался – Саша дышала удивительно ровно, без хрипов, стонов и метаний.

Неужели?!

Лихорадочный румянец схлынул с утонувшего в огромной подушке лица, полоски плотно сжатых губ обрели цвет и объём.

Зловещий призрак пневмонии отступил?!

Вскочить бы с воплем радости, зацеловать, но заботливый остаток разума одёрнул порыв до умильного шепотка:

– Она спит!? Просто спит! Всего лишь спит!!!

Вчерашний вечер вспоминался с трудом...

Вместо спирта Михаил притащил бутылку самогона, очень крепкого и очень недурного. Растирание удалось: согретая газетным жаром и завёрнутая в простыню девушка пришла в себя.

Затем хозяин дачи нас удивил – пришёл погреться сам. С керосинкой, плоской горячего куриного бульона и немудрёной картофельной закуской.

Выпили по маленькому стаканчику, конечно, за здоровье Александры. Продолжили за знакомство, благо, разница в возрасте у нас вышла всего ничего.

За индустриализацию. За скорую победу коммунизма. За лучшую в мире советскую прессу.

Как оказалось, Михаил работал внештатным журналистом в «Правде».

Затем в ход пошли анекдоты, а там – и до кухонной политики рукой подать. Хватило невинного вопроса: «Растолкуй, кто у нас главным-то нынче будет?».

Картина вышла замысловатая...

Пост генерального секретаря ЦК большевики навечно и посмертно оставили за товарищем Сталиным. Таким хитрым способом они разрешили противоречие – с одной стороны отдали дань уважения последнему генсеку, с другой – выполнили его же просьбу об упразднении данного поста[231].

Теперь управление СССР формально устроено по канону «партии не нужны вожди, у неё есть коллективный вождь – Центральный Комитет»[232].

Последнее, конечно, – суть подлое лукавство.

Хотя внешне всё обставлено респектабельно, не придерёшься. С разных концов страны в Большой театр съехались две тысячи избранных прямым тайным голосованием делегатов. После жарких дискуссий и словесных баталий они избрали из своих рядов самых достойных – сотню членов ЦК.

Однако если хоть чуть-чуть потрудиться и вникнуть в детали...

Злой гений Ильича оставил в наследство России поистине чудовищную пяти или даже шестиярусную идеократию[233]. То есть принятая при Ленине система выборов обеспечивала сносную управляемость...

В далёком прошлом, при ограниченном числе сообщников. Например, десять лет назад, в 1918 – сотня делегатов демократично избрала полтора десятка членов ЦК. Все на виду, все друг друга давно знают. Нечего и думать повлиять «с мест» на спаянный эмиграцией и тюрьмами коллектив.

Между тем в 1930 году – в СССР более двух миллионов членов и кандидатов ВКП(б).

Как быть?

Выбирать каждого делегата на митингах в несколько десятков тысяч человек?

Очевидно, плохая идея.

---

[231] На XV съезде, в декабре 1927 года Сталин обратился к пленуму «Может быть, ЦК сочтёт целесообразным институт Генсека уничтожить...». На XVII съезде в феврале 1934 года должность Генерального Секретаря была официально устранена.

[232] Эти слова в 1924 году Сталин говорил Троцкому.

[233] Идеократия – государственный строй, при котором правящая элита в своей политической деятельности в первую очередь руководствуется определённой идеологической доктриной.

Голосовать бюллетенями на избирательных участках, как это делают практически во всех странах?

Намного лучше!

В некоторых странах к урнам не пускают женщин, в СССР нет избирательных прав у беспартийных. Дело житейское...

Но противоречит уставу партии.

Накатить бы апдейт!

Но нет, большевики пошли самым неудачным путём из всех возможных...

Рассуждали просто: «Сколько товарищей технически можно собрать в одном месте? Величина понятная, самый большой зал страны, он же Большой театр, вмещает немногим более двух тысяч...».

Значит...

Столько делегатов и набрали[234].

Далее в ход идёт математика...

Тысяча избирателей на одного делегата – всё равно многовато. Залов нет, организовывать процесс хлопотно, логистические проблемы, транспортные расходы, да ещё попробуй накормить-напоить такую ораву дармоедов.

Есть путь проще: собрать на районные или городские собрания заранее избранных в «первичках» секретарей! Просто и надёжно.

Ведь все они – за редчайшим исключением – из наскоро перелицованных в пролетарии «селюков»[235], дурно образованных, до глупости наивных, политически неопытных. Сама по себе мысль пойти против патриархов – поставленных аппаратом Молотова секретарей райкомов и горкомов – в их мозгах прочно заблокирована с младенчества, на уровне инстинктов. Хуже того – большинство не полностью осознаёт значение собственных действий.

---

[234] Как только в 1961 в Москве был построен Кремлёвский Дворец съездов на 6000 мест, тут же более чем в два раза увеличилось количество делегатов. XXI съезд – около 2000, XXII съезд КПСС – около 5000, плюс зарубежные делегации (более 80-ти).

[235] ГГ преувеличивает. Но общий прирост числа рабочих и служащих за первую пятилетку – 12,6 млн. человек, 8,6 млн. человек из них – или 68,2% – из деревни. Около 20% рабочих в 1926 – 1929 гг. сохранили свою землю.

Каких участников региональной или республиканской конференции способно выдвинуть такое «представительное» собрание?

Очевидно и несомненно – под крики «ура!» пройдёт любой спущенный сверху список.

Но это ещё не всё!

На случай просачивания идейных «белых ворон» предусмотрен дополнительный фильтр – партийные конференции. Именно там выбирают делегатов съезда. Голосование тут уже серьёзное, тайное, да только после двухступенчатого аппаратного фильтра неожиданностей не бывает. Обойти согласованный состав сродни чуду, а не реальности.

Таким образом, три четверти кресел Большого театра заняли послушные послереволюционные выдвиженцы[236].

И тут опять начинаются проблемы с математикой процесса...

По недомыслию – а может быть, наоборот, умыслу – съезд избирает в Центральный Комитет ВКП(б) более чем сотню членов. Принимать коллегиальные решения в разумные сроки такой огромный коллектив не способен чисто логистически, поэтому над ЦК... Нагромождают следующий уровень сложности: специальный Пленум ЦК избирает десять-пятнадцать членов Политбюро.

Опять чересчур много для оперативного управления, поэтому в ход идут подковёрные игры, в результате которых к реальной власти приходит либо тесная хунта из двух-трёх договороспособных врагов, либо единоличный «великий» вождь со товарищи.

На XVI съезде ВКП(б) – как и в истории моего прошлого мира – первая часть процесса прошла целиком и полностью под режиссуру генсека. Ещё неделя работы съезда – и делегаты проголосовали бы единственно верным образом. Ничуть не из большой любви к Сталину, но основываясь на твердокаменной убеждённости, что вокруг нет никого, кто мог бы занять его место, что любая смена руководства будет крайне

---

[236] 58% участников съезда впервые избраны делегатами. 58,2% – партийные работники. 20,2% – административно-советские служащие. 3,3% – заняты в промышленности. 70% – моложе 40 лет. 4,4% – с законченным высшим образованием.

опасна, что страна должна продолжать идти своим курсом чего бы это не стоило, поскольку остановка или отступление перед лицом врагов будет означать потерю абсолютно всего.

И тут...

Взрыв на Большом Черкасском вышиб из вертикали власти критически важное звено. Товарищ Сталин переехал из президиума съезда в Мавзолей. Его правая рука – в больнице. Ленинградский лидер – прикопан у кремлёвской стены, где-то между Джоном Ридом и Кларой Цеткин.

Наследники – то есть недалёкая, голодная, зато по-собачьи натасканная на курс генерального секретаря молодёжь – осталась в зале. Первыми делом они отомстили – отправили попавшихся под руку бывших эсэров кормить тюремных вшей, а то – и сразу червей. Чуть остыв, учли достижения следователей, разыскали и выбили «вон из рядов» всех похожих на троцкистов. После разгрома врагов, как водится, с размаху врезали по союзникам. Подговорили Орджоникидзе, и тот, как глава ЦКК, предъявил убийственные протоколы допросов сталинских марионеток в царской охранке[237]. За что был честно пожалован членством в Политбюро.

Забавно, что сделано это было совсем не по тонкому расчёту – судя по всему, неискушённые в подковёрных баталиях назначенцы просто не сумели осознать важность роли «механических членов» типа Куйбышева, Рудзутака и Калинина.

До правых очередь на расправу так и не дошла. В их защиту встал авторитет, ораторский опыт, широкая личная известность, но особенно – крупные государственные посты.

Сними, к примеру, Рыкова[238]...

Кого, спрашивается, поставить на его место в Совнарком? Вчерашнего слесаря или сапожника?

Так неуверенность секретарей в собственной силе и управленческой компетенции вернула в Политбюро версии 1930 года по-прежнему популярных в народе, но совсем уже было

---

[237] Точных доказательств нет, но многие исследователи считают, что данные бумаги существовали на самом деле.

[238] По словам О. В. Хлевнюка, в 1929 – 30 годах фактор Рыкова (как старейшего и авторитетнейшего члена партии) представлял для Сталина одну из самых значительных политических проблем.

списанных на третьи роли Бухарина с Томским, в кандидаты протиснулся Угланов.

Далеко не тот результат, на который я надеялся, но всё-таки скорее паритет, чем поражение.

Остальные места, если не принимать во внимание регионов Косиора и Микояна, достались «своим» – верным соратникам Сталина и его же молодым выдвиженцам.

Все первые оказались более-менее мне известны из учебников истории: Андреев, Ворошилов, Каганович, в кандидатах – Бауман. Зато вторые – полная неожиданность: Сырцов[239] и его клиент Ломинадзе с Шацкиным и Ждановым. Формально последние всего лишь молодые кандидаты, но учитывая многочисленные ремарки Михаила о циркулирующих в кулуарах съезда слухах – реального влияния на ситуацию в ЦК у них как бы не больше, чем у старой гвардии...

Узнать больше про Сырцова и его друзей мне не удалось – наш новый знакомый не знал, либо не хотел сказать.

С повышением градуса он всё больше нажимал на застарелые личные обиды и лишения. Кто-то из новых партийных фаворитов уже успел припомнить ему написанную аж в двадцать четвёртом году статью с шестью фотографиями наркомвоенмора. Другие не забыли едкий фельетон «Ленинградская карусель», раскрывающий тему бюрократии в одноимённом обкоме.

С работы, впрочем, Михаила всё-таки не выгнали – заступился аж сам Ворошилов. Но с какого-то денежного заказа или поста в редакции – снять успели[240].

Таким образом, прожект «Зелёный город» выходил эдакой скороспелой фрондой против неблагодарных совбуров: «не даёте остро писать – отвлеку редакцию на стройку».

Однако дело двинулось ни шатко, ни валко – плотники и

---

[239] Сталин в мае 1929 года провёл назначение 36-летнего Сырцова на пост председателя Совнаркома РСФСР, который до него занимал по совместительству Рыков. А уже в июне 1929 года Сырцова ввели кандидатом в члены Политбюро.

[240] Фельетон был написан в 1929 году, от наказания его автора по горячим следам спасло заступничество К. Ворошилова, М. Горького и покаянное письмо в Оргбюро ЦК.

каменщики из литераторов получились аховые. Да и с техническими спецами как-то неудобно получилось.

Посему Михаил принялся уговаривать меня, как заведомо лучшего – а скорее, единственного в окрестностях электрика – остаться поработать в экологическом раю. Обещал большую комнату в новом тёплом бараке, карточки в кооперативную столовую и прочие блага страны победившего социализма.

Отказываться, понятное дело, я не стал. Но и соглашаться сразу не хотелось. Поэтому в качестве защитной меры и поддержания легенды дёрнул лишнюю рюмку.

На этом моменте воспоминания прошлого дня обрывались...

Вовремя – нежиться более на мягком матрасе не было сил: что подумает хозяин дачи?!

Как оказалось – ничего.

Едва выбравшись из крохотной спаленки в многофункциональную кухню-переднюю, я обнаружил на свежесколоченном столе записку: «Буду после обеда. Крепко жму руки. Ваш Михаил».

Необычайно любезно, особенно принимая во внимание стоящую рядом сковородку, засыпанную до краёв мелкой молодой картошкой. Вдобавок мучиться с примусом или печкой не нужно, достаточно воткнуть вилку от изящной американской плитки салатного цвета в бакелитовую розетку, свисающую с потолка на куске провода...

Тут мысли о завтраке смела волна восторга.

– Хвала электрификации железных дорог! Иначе, откуда в эдакой дыре возьмётся электричество?

Я метнулся к своему пиджаку, вытащил из карманов смартфон и зарядное. Как хорошо, что не нужно ничего изобретать: импульсному блоку питания абсолютно всё равно – 220 вольт в сети, 110 или 127.

Стянул защитные презервативы, быстро подключил – работает!

Может, и правда устроиться тут до следующей весны?

А как листочки на деревьях проклюнутся – рвануть в Одессу, за золотом и документами. Потом – на запад, только не в Румынию, как-то беспокойно там последнее время. Лучше перейти границу где-нибудь в районе Пскова, леса там

густы, а люди редки. С картой, компасом, специальной едой прошагать полсотни километров – не испытание, прогулка!

Пока фантазировал, подоспела картошка в мундире. Венец кулинарного творения, особенно если с коровьим маслом и крупной солью. Вдвойне приятно совмещать пищу физическую с духовной – забраться с кипой газет и обжигающей колени миской в продавленное тремя поколениями задниц кресло.

Самым трудным делом оказался поиск биографии Сырцова – восходящей звезды постсталинской политики. Наконец прочитал...

Сказать, что расстроился – значит не сказать ровным счётом ничего...

Товарищ оказался из тех самых скороспелых секретарей, разве только чуть постарше среднего возраста, тридцати семи лет от роду.

В большевиках с двадцати лет, то есть с 1913-го. За пропаганду побывал в ссылке, вернулся, участвовал в октябрьской революции. В 1918-ом – руководил карательными экспедициями против донских казаков. В 1919-ом – военный комиссар 12-ой армии, отличился крайней жестокостью при «расказначивании». В 1920-ом, то есть в 27 лет – целый секретарь Одесского губкома. В 1921-ом вместе с коллегами-делегатами брошен на кронштадтский лёд, жаль, что не навсегда. Далее – не слишком значительная, а посему подозрительная аппаратная суэта: он заведует учётно-распределительным отделом ЦК, руководит агитпропотделом. С 1926-го опять взлёт, сразу в секретари Сибирского крайкома. Там, в деле усиления хлебозаготовок, замечен и обласкан лично Сталиным. Выдвинут в ЦК, в 1929-ом кооптирован кандидатом в Политбюро, поставлен смотреть за «младшим» Совнаркомом РСФСР – вместо Рыкова.

Прочь иллюзии!

Кровь от крови, наган от нагана, только такой конченый сталинист мог повести за собой массовку съезда. Будущее страны, к сожалению – но без особых сомнений – в его руках.

Одно интересно, в какую дупу настолько верный сталинец провалился в истории моего мира...

Быть может, погиб в автокатастрофе? Пристрелила любовница? Умер от болезни? Проворовался[241]?

Вопрос повис в воздухе...

– Стоило ли рисковать своей и Сашиной жизнью ради замены шила на мыло? – прошептал я сам себе. И тут же в очередной раз напомнил себе много раз обдуманное и сказанное. – Да, тысячу раз «да»!

Мясорубка тридцать седьмого необъяснима логикой и здравым смыслом – это персональная фобия убитого в новом мире генсека. Религиозный, бездумный марксизм – тоже дело его рук. Бойня сорок первого – личный геополитический фейл.

Тогда как Сырцов по крайней мере успел получить достойное экономическое образование – аж целых четыре года носил студенческую тужурку с золотыми вензелями Петра I на погонах. По нынешним скудоумным секретарским меркам – сойдёт за академика. А что махровый сталинист, так не великая беда – гражданам СССР, оказывается, такая дикость по праву. Посмотреть бы на реальные дела...

Пришлось снова с головой зарыться в газеты.

Едва сняли траур, товарищ Сырцов аккуратно, но подозрительно публично удивился: «Как так? Средняя стоимость конфискованного у кулаков имущества составила сущий мизер – 564 рубля на хозяйство, а вот затраты на депортацию достигают аж целой 1000 на семью!».

И далее продемонстрировал, что не зря когда-то учил высшую математику.

Вычислил точно: сталинградский трактор «СХТЗ» стоит 2900 рублей, а значит, надо бы уважаемым соратникам определиться: или новый железный конь в народном хозяйстве, или высылка семи вражеских семей.

Дальше – интереснее...

В начале августа секретарский вожак толкнул знатную речугу на заседании Совнаркома. Жаловался на вызванные безмозглой коллективизацией трудности снабжения продовольствием, рушащийся экспортный план, направо и налево сыпал проваленными в драбадан контрольными цифрами. Ссылаясь на гениальные заветы гениального товарища

---

[241] В реальной истории расстрелян в 1937 году.

Сталина, рекомендовал незамедлительно ослабить темпы роста, открыть свободный выход колхозов и совхозов на рынок, к чёртовой матери отменить плановое регулирование сельского хозяйства.

Доклад озаглавили «Не отставать и не забегать вперёд»[242] не просто так, а по рефрену последнего абзаца знаменитой статьи «Головокружение от успехов». Отпечатали стотысячным тиражом в виде отдельной брошюры и разослали по «первичкам».

А буквально вчера где-то в недрах Кремля случился адский раскардаш при рассмотрении кредитного плана текущей пятилетки.

Товарищ Рыков – он же председатель «старшего» Совнаркома СССР – наконец-то восстал против беззастенчивого раздувания инфляции. Объявил несбалансированный четырёхмиллиардный платёжный спрос в деревне компрометацией социализма, обозвал крестьян дойными коровами индустриализации.

Сырцов же...

Решительно и безоговорочно присоединился к демаршу коллеги!

Сверх того, он прямо заявил: «Нужны радикальные экономические меры, нельзя решить трудные вопросы народного хозяйства мерами ГПУ!»[243]...

* * *

Прочитать продолжение коммунистической «Санта-Барбары» я не успел – за окном послышались голоса:

– Ну, Мишка, мастак ты знакомых заводить!

---

[242] В реальной истории речь с похожим содержанием вышла под заголовком «Что-то надо делать?» тиражом 10 тысяч экземпляров. Кроме того, публикация вызвала негодование И. В. Сталина... 3 ноября 1930 года Сырцов был снят со всех должностей за «фракционную деятельность». 19 декабря 1930 года – снят с Совнаркома А. И. Рыков.

[243] Изложенные на данной странице факты практически точно соответствуют реальной истории, разница в незначительных деталях, в основном – датах.

– Просил найти неизбежную фактуру?
– Грешен, батюшка, ой, грешен!
– Вот получи и распишись!
– Нет, ты всё же скажи, как в ливень подцепил сдвинутого по фазе электрика и большую, но шибко грамотную девчонку!
– Да говорил же! Шёл себе, никого не трогал...
– В этой жопе мира?
– А что? Славные ребята! Есть в них что-то эдакое. Ручаюсь, Айзек, тебе будет интересно.

М-да, совсем не бережётся картонных стен наш новый знакомый, привык поди-ка к своей старой купеческой даче.

Впрочем и я хорош, расслабился в неге и уюте. Телефончик-то пора снять с зарядки!

Метнулся на кухню, едва успел, и то, пришлось засовывать «LG» в карман брюк чуть ли не на виду у хозяина. Хорошо, хоть Михаил за залитыми водой линзами ничего толком не разглядел.

Его друг мокрым нахлобученным коlobком вкатился следом.

Тоже очкаст, наверняка писатель.

Только хотел схохмить на тему скверной звукоизоляции, как словно чья-то злая рука бросила за шиворот горсть мелких ледяшек – я почувствовал взгляд. Он мазнул по мне ненароком из профессионального любопытства и полетел, было, дальше. Но быстро вернулся, ощупал лицо, колючим сонаром прошёлся от головы до старомодных плюшевых тапок и снова мягко сдвинулся куда-то в сторону скособоченной посудной горки...

Совсем как рука опытного борца обходит защиту соперника перед неожиданным смертельным захватом.

В следующий миг наши глаза встретились в кошмаре узнавания.

– Ну, Мойша! – прохрипел Бабель. – На сей раз ты превзошёл сам себя!

– Что такое? – хозяин дачи наконец пристроил непослушный дождевик на вешалку. – Да, кстати. Познакомься, это Алексей...

– Ты знаешь, кто он?

– Электрик, в ламповом цехе работал...

– Ошибаешься. Ты даже не представляешь, как ошибаешься!

– В смысле?!

В ответ Бабель с шутовским полупоклоном распахнул руки.

– Алексей, рад тебе представить товарища Кольцова. Он совсем недавно писал о твоей безвременной кончине в «Правде». Михаил, перед тобой стоит главный герой твоего же недавнего опуса. Прошу особо заметить – живой, даже голова на месте. Вспоминай же скорее! Рост. Сложение. Да тебе Радек его фотографию из старого дела показывал!

– Кольцов?! – крикнул я на весь околоток, вспоминая автора «Враг не уйдёт».

– Обухов?! – вторил мне Михаил.

Действовать мы начали одновременно...

Кольцов сграбастал свой роскошный дождевик в охапку и бросился вон из домика.

Бабель, в свою очередь, нерасторопно замедлился в проёме, очевидно пытаясь достать оружие из складок мокрого плаща.

Столкновение коротышек вышло таким потешным, что я едва удержался от смеха. Тем более что пиджак, впопыхах накинутый на приставленный к кухонному столу стул, уже через несколько секунд красовался на мне. Правая рука сжимала браунинг, вытащенный из нашитого под мышкой кармана.

Металлический стук передёргиваемой затворной рамы подвёл черту барахтанью литераторов, и вылетевший патрон боднул свинцом доску пола в гробовой тишине.

После короткой заминки Михаил, привалившись спиной к косяку, неожиданно поинтересовался:

– Случайно не тот, из которого Блюмкина убили?

В его голосе совсем не слышалось страха, лишь отчаянное любопытство светилось в по-детски незащитных близоруких глазах.

– Он самый... А ты, Исаак Эммануилович, ради бозона Хиггса, отдай «стрелялку». Или что там у тебя? Аккуратно, двумя пальчиками... А то эта игрушка совсем не под мою руку, как бы греха не вышло.

– Таки плохо, – Бабель перетёк на бок, открывая лежащий на полу наган. – Владей!

– Успею, – возразил я. – Вставайте оба, лицом к стеночке. Рот автора «Конармии» перекинулся в гримасе.

– Интересная фактура выходит...

– Аннулируешь как Яшку, в затылок? – Кольцов не стал размениваться на экивоки.

– Нет, бл...дь, будем мёд с касторкой дегустировать!

Какой чёрт тянул меня за язык со «стеночкой»?

А ну как друзья с перепуга и отчаяния кинутся в последний бой?

Стрелять?!

Уф-ф-ф!

Вроде пронесло...

Поднялись с пола и пристроились рядом друг с другом у печки.

Не отводя дула пистолета от косящих мимо линз литераторов, я поднял тяжёлый револьвер и засунул под ремень – мало ли чем он заряжен. Тщательно охлопал «вражеские» карманы и одежду.

– Двигайте в спальню, товарищи. Конечно в ту, что большая.

– Это гостиная! – обиделся хозяин дачи.

– А зачем там три кровати?! И белые занавески в мешанский кружавчик?

– Террориста забыл спросить!

– Логично, – не стал спорить я. – Спим в гостиной, картошку варим в коридоре, гостей засовываем ночевать в чулан. Больше места выкроить не удалось, даром, что кругом лес на одну шестую часть суши.

– Нашёлся барчук на мою голову, – огрызнулся в ответ Кольцов. Судя по всему, жалкие габариты жилища уязвили его больше, чем обыск под дулом пистолета. – Айзек, ты-то откуда этого убийцу знаешь?

– В поезде из Одессы встретились, – проворчал Бабель. Плотно втиснулся в нагретое моей задницей кресло и только после этого продолжил. – Выпили, поговорили, да ещё хорошо так поговорили! Зато позже, как приметы бомбиста вышли, я за голову схватился. Чуть не поседел! Вывалится эдакий «нежданчик» из протокола, потом иди и доказывай Менжинскому, что не верблюд.

– Ага! А я-то думал, с чего ты французским коньяком поставился, как про заваруху в Бессарабии узнал!

– Ещё бы! – Бабель вдруг повернулся ко мне. – Алексей, а ты ведь с Блюмкиным тогда ехал, правда?

– Принесла же тебя нелёгкая...

– Точно, с Блюмкиным, – истолковал мои слова Кольцов, качнувшись на скрипнувшем под ним табурете. – Не понимаю. Обухов убит, я сам его голову видел и бумаги читал, даже с товарищем Скрипником разговаривал. Не может там быть ошибки!

– Вот пусть и объяснит – как выжил, – по-философски хрюкнул Бабель.

Полез, было, в карман, не иначе как за сигаретами, однако, покосившись на зажатый в моей руке браунинг, остановил руку.

– Слухи о моей смерти оказались сильно преувеличены, – ответил я старой марктвеновской шуткой.

– Но всё же?

Небрежно брошенные Кольцовым слова повисли в растёкшемся по комнате любопытстве.

– Курите, коли уж так приспичило, – разрешил я.

Присел на край кровати, подперев спину пирамидой из трёх разновеликих подушек. Скептически прищурился в сторону суетливо раскуривающих папиросы литераторов, оценил их физические кондиции и убрал в карман пистолет.

– Если что, одолею без стрельбы, но после – не обессудьте! В остальном же... Всё не просто, а очень просто: я – не Обухов. Тупицы из ГПУ перепутали в двадцать шестом и отправили меня на Соловки – вместо настоящего скаута.

– То есть?!

– Да проще простого, чёрт возьми! – неожиданно для самого себя я сорвался на крик. – Ваши любимые чекисты схватили меня прямо на улице в Ленинграде. Засунули в камеру Шпалерки, промурыжили месяцок, да назначили этим самым Обуховым. Всего один бестолковый допрос, абсолютно ни о чём. Более – ни доказательств, ни адвокатов, ни суда! – вообще ни-че-го! На целый год забыли в общей камере, думал, отпустят, но приговор – три года Соловков. Отличное, знаете ли, место. Лечит холеру большевизма лучше любого лекарства.

Спасся чудом, бежал к финнам из Кемперпункта перед самым открытием навигации на проклятые острова.

– Сразу под широкое крылышко Троицкого! – тут же попытался поддеть меня Бабель.

Ни грамма сочувствия. Сволочь, какая он всё же сволочь!

Но не время обижаться...

– Отнюдь! – я отмёл инсинуацию небрежным жестом. – С Львом Давыдовичем дружбы у нас не вышло, мы с ним – как любят говорить правоверные коммунисты – всего лишь попутчики. Хотя признаться, настолько гнусного предательства от него и Блюмкина я никак не ожидал.

– Таки ты не поверишь, но сколько раз я слышал сходные истории! И знаешь что особенно интересно? Как кто кореша своего замочит – так сразу и рассказывает, – не унимался Бабель.

– Пришлось выбирать. Или он меня – или я его!

– Вор вором подавился, – вынес приговор Кольцов.

– Ладно, Блюмкин... – Бабель ехидно продолжил мысль товарища. – А кто ж тебя, мил человек, надоумил самого нужного стране человека ни за что загубить?

– Вы – близорукие кретины!!! – проревел я в ответ.

Эти кошерные, обречённые на заклятие барашки ещё о чём-то рассуждают!

Бешенство выплеснулось в кровь адреналиновым штормом. Да и то верно – терять мне уже нечего.

Выхватил из кармана брюк смартфон, как Поттер меч Гриффиндора из старой шляпы.

– Такого человека? На! Да не бомба это, держи товарищ Бабель, не урони! Вслух читай! Я специально ещё в Берлине подготовил файл на всякий случай... Да как раз на такой. Картинку смотри, вот тут расклад по датам гибели участников следующего семнадцатого съезда... Съезда расстрелянных. Вам понравится, ей-ей! Кстати, Исаак Эммануилович, вас этот «самый нужный стране человек» поставит к стенке в сороковом. В предисловие к «Конармии» написано было, иначе я бы не запомнил. А тебя, товарищ Кольцов, скорее всего шлёпнут в тридцать седьмом, как всех, зароят на «Коммунарке» в общей траншее. Точнее не знаю, извини, не оставил ты глубокого следа в истории. Просто в моём мире

этот проклятый год вообще мало кто из партийных прихлебателей пережил.[244] Хотя и в самой партии из старой гвардии разве что Молотов с Калининым уцелели. Наверное, потому что Сталин их жён[245] как последних шмар протащил через лагерь. А свою Наденьку ваш разлюбезный генсек то ли убил, то ли до самоубийства довёл. Совсем скоро, между прочим, в тридцать втором. Но это ещё цветочки – погодите, я вам покажу ягодки, оregonские фото некоей Крис Эванс[246], дочки Светланы Аллилуевой!

Для ускорения процесса познания мне пришлось самому возить пальцем по экрану смартфона.

И тут Кольцов внезапно взметнулся с табурета.

– Чёртов гипнотизёр! – закричал он, врезаясь в меня плечом. – Бей его, Айзек!

Атаки литераторов я никак не ожидал...

Миг – и оказался на полу, а Михаил рядом борзо машет грязным сапожком, пытается зафутболить мою голову под кровать. Хоть и шустрик, но промазал, подвели высокие каблучки.

А вот я дотянулся – лягнул поддых, да так, что хозяин дачи с воем скрутился в комок. Только привстал, как сверху рухнула туша Бабеля. Тёртый калач, вместо глупых попыток ударить или придушить он потянулся за своим наганом. И так ловко, что сумел ухватить рукоятку.

Борьба за огнестрел затянулась, писатель сопел, хрипел, но изворачивался, умело сводя на нет моё преимущество в силе.

Звонкий голос прозвучал как гром среди ясного неба:

– Мальчики, вы что, совсем с ума сошли?!

Александра, завёрнутая в простыню – как в древнеримскую тогу – смотрела сверху с божественным укором.

---

[244] М. Кольцов в реальной истории расстрелян в 1940 году. Подробно об его деле можно узнать из книги В. А. Фрадкина «Дело Кольцова».

[245] Жена Молотова – П. С. Жемчужина содержалась в заключении с 1949 по 1953 годы. Е. Й. Лорберг-Калинина в заключении с 1938 по 1945 годы.

[246] Эванс Крис (род. 1973) – внучка Сталина, дочь Светланы Аллилуевой от брака с Уильямом Питерсом – проживает в США.

От удивления разжал руки как я, так и Бабель. Злосчастный наган брякнулся на пол. Рядом в коленно-локтевой позиции стонал Кольцов...

– Вы вправду хотите сдать меня в ГПУ?! – Саша наставила на Михаила указательный палец. – Вы действительно хотите моей смерти?

Никогда бы не подумал, что хозяин дачи может так густо краснеть.

Однако же...

– Я видел, он готов убивать, – Кольцов близоруко мотнул головой в мою сторону. – Ему стыдно стало, тяжело. Эдакая тоскливая жалость – верный признак. Вот я и решился...

– Меня уже один из вашей братии чуть не повесил! – зло парировал я, торопливо вылезая из-под кровати. – Если бы не Саша!

– Но-но! Ты меня с паскудником Блюмкиным не равняй! – огрызнулся Михаил.

– Вот только руками не надо! – живо опомнился я, когда с трудом сохраняющий равновесие Кольцов в попытке удержаться на ногах навалился на мою девушку.

– Извини, я по-дружески!

– Знаю я вас!

– Он уже старый, ему можно, – неуклюже постарался погасить ситуацию Айзек. – А мне – тем более!

– Помню-помню, с женой Ежова[247]... – продолжил, было, я по инерции, но тут вмешалась Саша.

– Сперва объясните: почему из-за слетевшего с катушек палача на кремлёвском троне взрослые умные люди решили друг друга поубивать? – быстро нашла она нужные слова. – Как же вы могли народовольцев и эсэров забыть?! Хоть бомбисты – но ведь настоящие герои! Взять того же Каляева. Он – террорист? Вне сомнений! Целого великого князя взорвал. А кто его именем бывшую Долгоруковскую улицу назвал? Не вы ли, товарищ Кольцов, об этом в своём «Огоньке» трезвонили?

– Проспекта Савинкова, между тем, не наблюдается,

---

[247] Едва ли фамилия Ежова могла быть кем-то узнана в 1930 году, в это время Н. Ежов – один из замов наркома земледелия СССР.

– поспешно воткнул шпильку Бабель,[248] вздёрнул стёклышки на свой монументальный «утконос» и думает, что самый умный.

Однако Саша не собиралась уступать инициативу. Укоризненно покачав головой, она шагнула к насмешнику и прошептала прямо в круглое лицо:

– Вы – великий писатель, Исаак Эммануилович. О силе вашего интеллекта слагают легенды. Но ради бога, поверьте, если бы вы знали то, что знает Лёшка – немедленно захотели бы переименовать Тверскую в Обуховскую!

– Bravo! – не остался в долгу Бабель. – Блестящая экспрессия!

– Коли узнаете, не до смеху будет...

– Так позвольте ж наконец узнать!

– Да всего пять минут назад попытался всё объяснить...

Некоторым, – вмешался я.

– Гипнотизировать-то на кой чёрт? – начал оправдываться раздосадованный глупым поворотом Михаил. – Сунул под нос какую-то светящуюся чепуховину и давай небылицы рассказывать.

Вместо ответа Саша подобрала отброшенный в пылу борьбы смартфон, кокетливо пригладила складки импровизированного одеяния и уселась на кровать. Хлопнула ладонями по застираным цветочкам покрывала.

– Присаживайтесь рядом, товарищи! Покажу всё как есть. Эта штука из 2014 года, из нашего с вами будущего. Называется «смартфон»...

То, что не вышло у меня – сумела хрупкая девушка...

Пристыженные литераторы послушно ловили глазами сухие строчки истории СССР, изучали картинки, слушали пояснения и казались абсолютно безопасными. Настолько, что я рискнул сходить на огород – накопать картошки.

Затем кое-как наскоро затопил печку, используя вместо дров всё те же вездесущие газеты.

---

[248] И. П. Каляев 4 февраля 1905 года в Москве на территории Кремля бомбой убил Великого князя Сергея Александровича и был задержан полицией. В 1923-м по его имени названа Захарьевская улица в Санкт-Петербурге, в 1924-м – Долгоруковская улица в Москве.

Жарил клубеньки на живом огне под декламацию мандельштамовских «тараканы смеются усища и сияют его голенища».

Кто бы знал, что вставленный в презентационный файл скан тетрадного листочка с оригиналом текста вызовет фурор как бы не больший, чем длинные списки уничтоженных в тридцать седьмом генералов?

Но тут прекрасно знали как почерк Осипа, так и то, что ничего подобного он ещё не писал.

Идиллию быта прервал быстрый стук в дверь.

– Михаил Ефимович! Срочная телеграмма!

Кольцов и не подумал откликаться.

После третьего, уж вовсе неприличного вопля почтальона мне пришлось буквально за шиворот оттащить журналиста от экрана смартфона.

Вернулся он в комнату с бланком в руках, как говорят – без лица. Выпалил скороговоркой:

– Антид-Ото[249] мёртв, Бухарин вызывает меня к себе. Срочно! Его только что поставили главредом «Правды».

– Неужто на Принкипо достали? – поразился я. – Опять ледорубом?

Михаил досадливо поморщился в ответ, похоже, он пытался под старым прозвищем скрыть от нас с Сашей фигуру Льва Давидовича. Проворчал:

– Что за ледоруб такой?

– В истории Лёши специальный агент Сталина убил Троцкого ледорубом в Мексике, – опередила меня Александра.

– Но в сороковом году, – добавил я.

Дата Кольцова не интересовала, он явно разрывался между любопытством и долгом. Потоптавшись вокруг кресла с обломанной в драке ножкой, наконец решился.

– Николая Ивановича мне никак нельзя подвести, – и, чуть помедлив, добавил заискивающе. – Вы же точно никуда не убежите? А продуктов и лекарств я привезу, вы только, ради бога, не волнуйтесь и никуда не девайтесь!

---

[249] Первый псевдоним Троцкого – Антид-Ото. Только с побегом из ссылки 1902 году Лев Давидович берёт себе псевдоним «Троцкий». Тем не менее Кольцов в 1918 году выводит образ Троцкого именно как журналиста Антид-Ото.

В ответ мне не удалось удержаться от шутки.

– Пожалуйста, передайте любимцу партии, что теперь Сталин не расстреляет его в тридцать восьмом за убийство Максима Горького. А также за вредительство на производстве и в сельском хозяйстве.

За дверь хозяин дачи вылетел, едва не позабыв дождевик.

Оторвался от артефакта и Бабель. С треском распахнул окно прямо в дождь так, что с рамы посыпались засохшие мухи и ночные бабочки, жадно вытянул одну за другой две папиросы. Отведя душу, походя клюнул несколько картофелин из общей чашки и огорошил меня вопросом.

– А ты в поезде правду рассказывал про мои книги в будущем?

– Конечно, – обрадовал я писателя. – Изучают. Не как Толстого, конечно, или там Пушкина, но «Конармию» мы урока четыре тянули в одиннадцатом классе...

– И всё? – тихим севшим голосом уточнил Бабель.

Я пожал плечами.

– Выходит, я больше ничего великого не напишу?

Он поднял на меня глаза. В них стояли слёзы.

– Исаак Эммануилович, – поспешила на помощь Александра. – При Сталине всем тяжело было. Вот взять хоть Булгакова, его вообще не публиковали до самой смерти в сороковом. Зато теперь...

Кто меня заставлял так старательно пересказывать ей «Собачье Сердце»[250] на прошлой неделе? Неужели она не знает, что между Бабелем и Булгаковым никакой дружбы отродясь не водилось? Точнее, они враги не только литературные, а ещё и воевали в гражданскую по разные стороны фронта?

В попытке снять напряжение момента я метнулся к телефону. Открыл «Историю России, 1894 – 1939» в редакции Зубова[251] – когда-то в будущем институтский учитель рекомендовал эту книгу, как неплохой учебник.

Забил в поиск фамилию.

---

[250] Роман «Мастер и Маргарита» опубликован в только в 1966-1967 годах. «Собачье сердце» – в 1987 году.

[251] Книга издана в апреле 2010 издательством АСТ. Сокращённые цитаты приведены по переизданию 2016 года.

- Айзек, вы в тексте аж девять раз упоминаетесь!
  - Точно? Где? – сразу отмяк писатель.
  - Вот, читайте, – я передал смартфон.
- М-да...

Ещё неизвестно, кто из нас умнее – я или Александра. Картина, складывающаяся из выхватываемых фраз, выходила не особенно радужной.

«В апреле 1932 года решением ЦК прекращается деятельность всех литературных объединений. Создаётся единый Союз советских писателей, который на съезде в 1934 году славословит Сталина, клянётся в верности партии и провозглашает единый литературный стиль – социалистический реализм. Среди небольшого числа беспартийных – поэты Н. Асеев и И. Бабель. ... На первом Съезде писателей иностранным гостям подпольно раздавалась листовка с текстом... «мы, русские писатели, напоминаем собой проститутку публичного дома с той лишь разницей, что они торгуют своим телом, а мы – душой; как для них нет выхода из публичного дома, кроме голодной смерти, так и для нас. Больше того, за наше поведение отвечают наши семьи и близкие нам люди. ... В спецсообщении НКВД о высказываниях писателей много фраз Пришвина, Новикова-Прибоя, Пантелеймона Романова и Бабеля, которых всех тошнило от того, что происходило на съезде. ... В конце тридцатых были расстреляны или погибли в лагерях выдающиеся писатели Сергей Клычков, Осип Мандельштам, Исаак Бабель, Борис Пильняк, Артём Весёлый, Владимир Зазубрин, Всеволод Мейерхольд...».

При виде своей фамилии в списке убитых Бабель с несвязным бормотанием завалился набок.

– В-в-в-вод... е-е?

– Водка?! – не иначе как женской интуицией разобрала Саша.

И тут же кинулась на кухню шариться по шкафчиками и полочкам.

Я же в это время пытался удержать писателя от членовредительства – с ним приключилось что-то похожее на эпилепсию – с судорогой, пеной и закатыванием глаз.

К счастью, активная фаза припадка не вылилась во что-то серьёзное. Спустя бесконечный для нас десяток минут Бабель

пришёл в себя, а чуть погода даже сумел безумными маленькими глоточками выцедить стакан самогона – как раз столько осталось после вчерашних посиделок.

Алкоголь помог вернуть потерянный дар речи, но не желание изучать артефакт.

– Может, продолжим завтра, с Кольцовым? – отговорился он, шкрябая платком обслонявленные линзы очков. – Выйдет нечестно, если для Миши всё будет в первый раз, а мне – в скучный второй.

– Конечно-конечно! – выдохнул я с облегчением.

Пусть хозяин дачи сам возится с припадочным товарищем.

Похожие мысли одолевали и Сашу.

– Отдохнёте, Исаак Эммануилович?

Жалость в голосе девушки произвела неожиданный эффект. Писатель встрепенулся, как-то по-особому посмотрел на мою пассию и с апломбом вечно юного донжуана заявил:

– Старая одесская мудрость гласит: «Если с тобой дама, ты обязан угощать её гренадином...». Ну... Или хотя бы чаем! Но, чур, всё по-настоящему, как положено в лучших домах!

– Ой, – пискнула Саша, вскакивая с кровати. – У меня же платье, наверное, высохло!

А Бабель...

Только ему успели сопли с морды лица оттереть, а он уже заигрывает!..

Ужинать расположились с удобством на кухне – как стол ни колченог, но посуда с него покуда не падает.

Александра где-то отыскала целую дюжину яиц, молока и сбила мегаомлет.

Айзек вытащил с верхней полки горки посеребрённую сахарницу, отдельно нашарил к ней изящный ключик, отпер замочек – с изящным разворотом предложил девушке выбирать из коробки осколки сахарной головы посимпатичнее. Себе в кружку навалил на треть чёрных скрученных листиков чая и залил крутым кипятком.

– Только так есть смысл пить чай! Не желаете ли повторить?

– Ещё не соловецкий чифирь, но близко, – скептически оценил я напиток – Лучше побалуюсь сладким.

– Неужели не тянет?!

– Откуда у простого зэка в концлагере деньги на эдакую роскошь? – фыркнул я в ответ. – С хвои и водорослей прихода не поймать!

– Кому оmlет? – поспешила с риторическим вопросом Саша. – Подставляйте тарелки!

– Ого! Настоящий экспортный продукт! – хохотнул Бабель при виде широкого ломтя рукотворного солнца.

– Разве молоко продаётся за границу? – удивился я.

– Нет же, куриные яйца! – писатель придержал уже занесённый над оmlетом нож с вилкой. – Они дают целых семь процентов внешнего оборота СССР. Больше, чем пшеница! [252]

– Да как такое может быть?!

– Это не яиц много, это крестьяне зерна собирают мало, – признался Бабель с очевидной досадой на некстати вылетевшее соответствие. – Вот как пройдёт коллективизация...

Заканчивать фразу он не стал.

– После пика реквизиций оставшегося с НЭПа жирка будет только меньше, где-то в учебнике попадалась колоночка с цифрами вывоза по годам, – подтвердил я худшие подозрения автора «Конармии». – Однако нам в школе «препод» ничего про яйца не рассказывал!

– Чего же мы продаём буржуйам больше всего? – любопытствовала Саша.

– Пушнины, – не стал лукавить Айзек.

Роскошная соболиная шуба, купленная Марте в прошлом году за три с лишним тысячи марок, представилась мне запряжённым в плуг трактором.

– Так вот он каков, секрет индустриализации!

– Лес ещё, нефть... – смутился Бабель.

Весёлый энтузиазм пропал из его голоса начисто.

Но я не оставил троллинг.

– Мёд и пенька тоже в топ входит?

– Пенька железному флоту Британии без надобности, – недовольно дёрнул плечами писатель.

– Ага, вот как раз вместо конопли яйца в ход и пошли!

---

[252] В 1928 году экспорт зерна стоял на шестом месте (6%) после пушнины (17%), нефти (16%), леса (13%), яиц (7%), масла (7%). В 1929-м – доля зерна ещё меньше. В 1930 – 1931 она возрастает почти до 20%, но далее опять падёт до уровня 5-10%.

– Чёрт побери! Чего же ты хочешь? – взорвался Бабель. – Страна только-только от разрухи оправилась!

– Принципа Парето[253] на вас нет! – проворчал я. – Неужели не очевидно, что нужно в первую очередь нажимать на максимально объёмные направления, ну там... На пушнину, лес, нефть, а крестьян с их жалкими семью процентами проще вообще оставить в покое? И вообще, какого чёрта тугодумы из Политбюро ещё не послали тысячу-другую коммунистов с маузерами в тайгу, хунхузов ловить? Или в Москве не знают, что вся Европа завалена контрабандными сибирскими мехами из Штатов и Китая?

– Собственный поместья комиссарам нужны, а никакое не зерно, – негромко обронила Саша. – А ещё – крепостные девки.

Над столом повисла тишина...

Я ожидал от Исаака Эммануиловича взрыва негодования или ещё чего похуже, но писатель, судя по всему, знал слюезные баталии пожестче. Он как бы ненадолго отвлекся на свой чифирь, а затем...

Просто сменил тему разговора.

– У нас хоть что-то хорошее в истории вообще происходило?

– Само собой! – поспешил я ответить на давно проработанный вопрос. – Осенью тридцать четвёртого голод отступает, начнут отменять карточки. Инфляцию остановят, но никакой конвертации в серебро и золото уже никогда не будет. Использование валюты приравняют к контрреволюции[254]. Тем не менее средний уровень жизни людей достигнет довоенного уровня, и вообще, можно сказать, жизнь наладится, будет не хуже, чем во всяких Сиамах или Парагваях. Заговорят о широкой амнистии, многих выпустят на поселение. На границах будет спокойно, СССР примут в Лигу Наций.

---

[253] Принцип Парето гласит: «20 % усилий дают 80 % результата, а остальные 80 % усилий – лишь 20 % результата». Был выявлен и описан для частного случая ещё в 1897 году, но широкое применение в логистике и экономике получил только после 1937 года.

[254] Формально сделки с валютой были полностью запрещены только в 1937 году, но уже с начала 30-х едва ли не любое использование валюты стало «спекуляцией», а значит – наказуемо.

– Это что же, пять лет на карточках!? – подорвался Бабель.
– Дольше, чем в гражданскую!

– Каждый новый диктатор просто-напросто обязан осуществить свою собственную революцию и террор, – развёл я руками. – Без этого он не может стать настоящим диктатором.

– Но постой, постой! – опасно застучал по тарелке ножом Айзек. – Там... – он кивнул на смартфон. – Пишут, что пик репрессий пришёлся на тридцать седьмой и восьмой.

– Миллион – на расстрел, два – в лагеря, большинство с концом. Вывернулись единицы, – подтвердил я. – Почему? Смеяться над таким грешно, но...

Никто точно не знает!

И не удивительно, над оправданием преступлений билось три поколения коммунистов-пропагандистов, большая часть документов тупо уничтожена.

Так что придумывают всякое...

Одни историки тянут за хвост социальный заказ народных масс. Другие – абсурдные заговоры генералов и особистов, чемоданы компромата от национал-социалистов, перспективу мировой войны, обострение классовой борьбы...

Кто во что горазд, да всё равно неубедительно.

Тяжело им...

Разумную причину изобрести не выходит, а сам факт никак не замажешь – несколько процентов дееспособных граждан собственной страны зарыты в землю в самое благополучное для экономики время. Без революции, стихийного бедствия или хоть бы внятной внешней угрозы...

Мировая история последней пары сотен лет не знает трагедий сравнимого масштаба.

– Мужчины горазды придумывать сложности, – вмешалась Александра. – Всего-то глупый капитан сгноил припасы команды в трюме, зато ловко замёл следы – повернул корабль на скалы.

– Шлюпок хватило не всем... – закончил метафору девушки Бабель. – Какая вампука!

За столом установилась тишина. Благодаря Саше – ненадолго.

– Может, музыку включишь? Ты обещал, как только будет электричество, – попросила она.

– С удовольствием, – обрадовался я смене темы.

Пристроил смартфон боком к солонке, чтобы все видели экранчик.

– Что-с слушать-с сегодня-с будем-с?

– Популярное... – не стал подыгрывать мне Бабель. – Показывай, что там у вас в будущем молодёжь любит?

– Если публика желает...

Шутливое настроение выплеснулось в ролик «Nosferatu» от «Bloodbound».

Сюрреалистическая картина сражающихся нечеловеческих армий, сопровождающая не музыку, но «адский скрежет, треск и вой», произвела ошеломляющее впечатление. Не удивление – страх, а у Саши – скорее ужас. Пришлось успокаивать – рассказывать про компьютерные игры из тех, что с мечом и магией.

Для лучшего понимания запустил шутер «Strike Team», однако быстро понял – аудитория перегружена впечатлениями чуть более чем полностью.

Пришлось «переобуться» – включить свежий клип «Forever for now» за авторством Лауры Перголизи. Андрогинная внешность, одежда унисекс – но при этом шикарный голос и медленный, вполне подходящий для 30-х годов текст.

После третьего прогона Саша начала подпевать «rush, rush, take me away», после пятого – у неё начало получаться лучше, чем у самой исполнительницы.

Вернуться бы в будущее, раздобыть новый альбом, а то и несколько. Сделать из любимой девушки самую популярную певицу мира!

Но – увы и ах! – подобная музыка мне никогда не нравилась, поэтому оказалась на флешке совершенно случайно – поистине the last of its kind.

Оставаться в долгу Бабель не захотел...

После краткого экскурса в буйную биографию Артюра Рембо – этот ушлый тип, оказывается, торговал в Абиссинии слоновыми бивнями – он принялся декламировать «Le Bateau ivre»[255]. Причём на языке оригинала, настойчиво, легко,

---

[255] «Пьяный корабль» (*Le Bateau ivre*) – одно из самых известных и значительных произведений А. Рембо. И. Бабель на самом деле его очень любил.

как бы окуная нас в причудливый слог и столь же причудливо льющийся поток образов и сравнений.

А потом Саша уснула, прямо на моём плече...

Кольцов разбудил нас ближе к обеду, синие круги под его глазами выдавали бессонную ночь.

Продуктов притащил небогато – пару буханок ещё горячего хлеба и курицу-физкультурницу. Лекарств, если не считать за таковые порошки аспирина и склянки с мазями, при нём не оказалось вовсе.

К счастью, Александра оправилась, пусть далеко не полностью, с кашлем и слабостью, но уже несомненно. Не знаю точно, что помогло ей больше: тяжелейший нервный стресс или мои последние, безнадежно просроченные антибиотики.

И, честно говоря, не хочу знать, главное – результат.

По опыту прошедшего дня я, было, двинулся подкопать молодой картошки, но...

Восстал хозяин дачи.

– Обжоры, вы же треть огорода изничтожили! Мне зимой что, зубы на полку класть?

– Курочку... С хлебом? Как-то очень... – попытался вразумить друга-скупердяя Айзек.

– По-крестьянски? – пошутил я.

– Они курятину раз в год на престольный праздник пробуют, – не оценила юмора Саша. – Да и то не все, а лишь те, кто успел урвать кусочек из общего котла.

– Вот, держите, – Михаил ловко запрыгнул на табурет, выгреб с верхней полки несколько брикетов.

Дешёвую серую бумагу обёртки пятнали размашистые синие буквы названия – «Геркулес».

– Лошадиная каша! – схватился за голову Бабель. – Миша, ну как ты мог?! Таки зачем ты набрался мерзких привычек в неметчине? Ещё бы морковным чаем напоил. Или желудёвым кофе! [256]

– Отчего же? – удивился я экспрессии. Надорвал упаковку, потыкал пальцем в спрессованные хлопья. – Овсянка как овсянка. Самое то для здоровья.

---

[256] В 20 – 30-х годах «Геркулес» воспринимался именно как малоприспособный для нормального питания военный эрзац.

– В кипятке живо разойдётся, – поддержала меня Саша.
– Вы там в своём будущем вообще что едите? – подозрительно вкрадчиво поинтересовался Айзек. – Хватает ли у рабочих денег на что-то, кроме эрзацев?

– Чистыми тысяч тридцать в месяц получают, не меньше... – заметив непонимание на лицах, быстро пересчитал. – В курицах – типа этой – выйдет тушек сто, а то и двести...

– Вот тебе и неизбежное обнищание масс!

– Булок хлеба... – я не стал прерываться на местные догмы. – Под тысячу, не меньше. Кожаных ботинок – пар двадцать. Штанов – коли за брендами не гнаться – получится примерно полсотни.

Литераторы переглянулись.

– Простой рабочий, от станка или там... Конвейера? – аккуратно уточнил Бабель.

– Не врешь? – по-простому рубанул Кольцов.

– На библии поклянусь! – хмыкнул я. – А если серьёзно, то в книжках на смартфоне полно всяких умных цифр и графиков, покажу чуть позже, убедитесь сами.

Они навалились на меня вдвоём, как шквал, перекрикивая друг друга.

– Там у вас все богачи!

– Зачем за нос водишь? Совсем плохо в стране было, плохо стало, но в итоге-то что получилось, а?

– Выходит таки, что мы не зря революцию делали?!

– За ради такой лёгкой жизни стоит потерпеть!

– Ладно, не у нас, так хоть у наших детей всего вдосталь будет...

– Нет, ну ты сам-то хоть подумай?! Тысяча булок всего на одну зарплату!

– Уделало-таки наше плановое хозяйство буржуев!

– Пойдите, пойдите! Да погодите же! – мне пришлось кричать. – Уровень жизни Штатов и Европы двадцать первого века всё равно повыше будет... Раза эдак в два, как минимум. У них там главная национальная проблема – ожирение. В моде низкокалорийная еда, салаты из травы, заменители сахара. Овсянка, опять же, в тренде. И не смотрите на меня, как на новые ворота! Беговая дорожка – лучший подарок ребёнку!

– Сволочи! – с чувством резюмировал Кольцов.

– Господи! Выколи мне глаз[257]! – насмешливо напомнила ему древнюю притчу Саша.

– Не, ну в два-то раза ещё неплохо, по-божески, – по-своему рассудил Бабель.

– Товарищи, оптимизм здесь неуместен! – вновь вмешался я. – Полгода вкалывал грузчиком в Хельсинки и могу ответственно заявить: финские рабочие уже – то есть прямо сейчас – имеют схожий уровень потребления. Как-то без революции справились. Ну или вспомните получше, вы же сами ездили в Париж и Берлин! Должны, обязаны были заметить, что ничего экстраординарного в заявленном недостатке нет! Скорее наоборот, как распишешь зарплату на ипотеку и автокредит – только на лапшу и останется. С соевыми сосисками.

Следующий час прошёл предсказуемо...

Литераторы, словно зачарованные бандерлоги, внимали рассказам о быте 2014 года. Их интересовало всё: автомобили, продолжительность жизни, самолёты, турецкий «алк-люзив», холодильники, кредитные карты, количество детей в семьях и особенности их воспитания, компьютерные игры, прочая чепуха.

Александра привычно хлопотала по хозяйству – за время жизни в лесу она успела выудить из моей головы много больше интересных фактов.

Только запустив ложку в тарелку с дымящимся ароматом бульоном, товарищ Бабель сумел сформулировать вопрос:

– Но... Кто?

– В смысле?

– Кто заставил их отказаться от прибыли?!

– Кого?

– Ну их!

– Э... – замаялся я. – Капиталистов что ли?

– Ну да! Кого же ещё?!

– Хм...

Кстати подвернулся кусок куриной грудки – хоть и невелик, но всё же с мыслями собраться помог.

---

[257] Бог предложил одному человеку: «Я дам тебе всё, что ты захочешь, но только с одним условием – твоему соседу я дам в два раза больше», – и тогда этот человек попросил. – «Господи! Выколи мне один глаз!».

– Исаак Эммануилович, признаюсь, не ожидал. Вы – действительно гений, и это никакое не преувеличение. Выбрать из всех возможных и невозможных вопросов самый краткий и точный! Кто! Одно лишь слово, но в нём вся история нашего брэнного мира!

Падок автор «Конармии» на лесть, и в этом наше спасение...

Выдержав полноценную минуту мхатовского молчания, я с академическим апломбом пустил в ход вызубренный кусок политэкономической теории.

– Как вы уже знаете, в ходе Великой войны рухнула старая добрая имперская идея. Европу завалило обломками домов и судеб, но жизнь, понятное дело, не остановилась. На арену политического цирка выбралось новое поколение вождей. Без магии уходящей к питекантропам генеалогии логика управления народами резко упростилась. Хочешь власти – придумай, как обеспечить классовый мир и национальное единство. Звучит просто, но попробуй сделать на лоскутах идиотских версальских границ да под прицелом окопавшихся в Коминтерне троцкистов. Ко всему прочему драйва добавила Великая депрессия – самый тяжёлый кризис за всю столетнюю историю капитализма[258]...

– Молодой человек! – шутливо погрозил мне Бабель широким ломтём хлеба. – Попрошу вас! Меньше умных слов!

Я не стал спорить и скомкал доклад.

– Про коммунистов вы всё сами знаете. Кроме них за призом нового мирового порядка явились двое. Первого зовут Бенито Муссолини. Его детище – фашизм. Не далее как три года назад экономическая система Италии обрела законченный вид...

– Неужели «Хартия труда»[259]?! – неожиданно для меня догадался Михаил. – Но это же не более чем дешёвая демагогия, заигрывание капиталистов с пролетариатом!

---

[258] Термин капитализм относительно нов – в Российской империи в «Словаре иностранных слов» первая словарная статья появилась в 1900 году. И кстати, Карл Маркс действительно «капитализм» в своих работах не использовал.

[259] «Хартия труда» – акт, изданный Большим фашистским советом в Италии в 1927 году. Кроме того, схожая по смыслу и названию программа была провозглашена в 1934 в Германии.

– Если бы! – я небрежно отмахнулся от возражений. – Бенито, как сильный лидер, сумел возвести в абсолют национальные интересы и под их прикрытием навязал классам качественно новый уровень взаимодействия. Его идея не столь эффектна, сколь эффективна: запрячь в одну упряжку профсоюз, совет директоров и специальную правительственную комиссию. Иначе говоря, Муссолини сделал поистине гениальный ход: отдал инициативу частникам, а контроль – чиновникам.

– Но классовые противоречия... – снова начал возражать Кольцов.

Отвечать я не стал, наоборот, поторопился выложить до конца заученную мысль.

– Однако кроме вполне реальных достоинств у фашизма обнаружилась неприглядная изнанка: возвышающую вождя национальную – ну, или хотя бы общегосударственную идею – необходимо постоянно подпитывать ненавистью к врагам. Значит, для удержания власти этих самых врагов придётся постоянно изобретать и с ними придётся воевать. Даже если война бесчестна, глупа и убыточна.

– Когда? – по части лапидарности Бабель постарался соответствовать всем моим комплиментам.

– В истории старого мира итальянские партизаны расстреляли Муссолини в сорок пятом, – надеюсь, мне удалось правильно понять вопрос. – Потом подвесили за ноги на перекрытиях бензоколонки в Милане. Так себе видок получился... На фото.

– Не всякий монарх столько правит, – отметил Айзек.

– Мог и дольше, – небрежно отмахнулся я. – Да с последователем и союзником не повезло – уж больно агрессивный гад попался. Зато другой фашист – Франко из Испании – оказался умнее, вовремя сдал назад. Так и помер в своей постели в семьдесят пятом.

– Гонору у педро много, а воевать кишка тонка, – нервно хохотнул Кольцов.

Зря он вмешался...

На изучение феномена европейского фашизма я убил не дни – годы. Как начал в камере на Шпалерке вспоминать школьные определения, так не переставал крутить ситуации

в голове и так, и эдак. Менял десятилетия, страны, континенты, после возврата смартфона даже составил специальную таблицу «On the origin of politicians by means of natural selection» [260]. Поэтому как не крепился, но удержать в себе выстраданную премудрость не смог.

– При рассмотрении вопроса в длительной перспективе можно легко видеть: для развития небольших стран фашизм не особенно опасен. Время идёт, вождь стареет, теряет хватку, несменяемая элита грязнет в коррупции, неизбежно валится экономика. С другой стороны – терпение масс конечно, люди быстро устают от агрессивной риторики. Самое время устроить маленькую победоносную войну, да только нападать на сильных соседей – себе дороже. Персональная ответственность становится слишком опасной – приходится изыскивать козлов отпущения среди своих. Созывать учредительное собрание, обустривать парламент: сперва – не бодливый, из соратников и друзей, а затем – и реальный. Таким путём прошла добрая половина Европы. Взять хоть Португалию, Грецию, Финляндию. Южную Америку тоже зацепило – Чили, Аргентину, Бразилию...

Исаак Эммануилович попытался, было, остановить меня недовольной гримасой, но я всё же продолжил до логического конца:

– Ближе к семидесятым закономерность прочно угнездилась в мозгах – вместо устаревшей национальной идеи лидеры принаоровились провозглашать порядок и стабильность на фиксированный срок. Пять лет – обещают народу, десять – стратегическим инвесторам, пятнадцать – держат в уме. После божатся дозволить избирателям все блага демократии и свободы. Самое удивительное, что некоторые слово сдержат. Так случится экономическое чудо Сингапура и Южной Кореи...

Тут Бабель вскочил из-за стола, замахал руками.

– Хватит! Ну хватит же! Давай ближе к реальности!

– Да, хватит, мне же интересно – кто второй? – окончательно выдернул меня из эмпирей будущего Михаил.

Обидно, досадно, но правда.

---

[260] Немного изменённое название книги Ч. Дарвина «Происхождение видов путём естественного отбора» (*On the Origin of Species by Means of Natural Selection*).

На кой чёрт я пытаюсь впихать в ошалевшие от потока убойных новостей головы литераторов теорию и практику фашизма?

Их дело маленькое – «славить отчизну, которая есть, и которая будет», а не разбираться в хитрых вопросах политэкономии.

– Пер Альбин Ханссон, шведский эсдек, – сухо начал я новую часть рассказа. – Совсем не гений, не волевой лидер, скорее – аккуратный клерк. Едва ли вы про него слышали, но в прошлом году он обосновал концепцию «Общества всенародного благоденствия». Через два года – то есть в тридцать втором – этот политик станет главой правительства и воплотит свои идеи на практике. Их суть запредельно проста: народу надо дать деньги.

Тут я сделал очередную паузу, ожидая эффектного вопроса Бабеля, но...

Оказалось, что способности писателя всё же конечны, пришлось продолжать самому:

– На самом деле – никаких чудес. Деньги в данном конкретном случае не что иное как потребительские кредиты, пенсии по возрасту, пособия по безработице, плюс общественные работы и прочая благотворительность. Принципиальное условие одно: кроны идут людям, а не фабрикантам. Так устраняется коррупция и стимулируется здоровая конкуренция. Весь банкет – за счёт контролируемого увеличения дефицита госбюджета. В кризис – побольше, на разгоне – поменьше. А будет инфляция – так в пределах единиц процентов для экономики выйдет скорее польза, чем вред.

– Помогло?! – Айзек выдавил из себя очередной вопрос с подозрительным трудом.

Хотя, о чём я...

Именно такую реакцию писателя несложно объяснить. Сама по себе идея дать деньги «для всех, даром, и пусть никто не уйдёт обиженным» невообразимо дика для 1930-го года. Но это не страшно, наоборот, тем интереснее отвечать.

– Не то слово! Швеция первая, уже в тридцать четвёртом, выйдет из экономического кризиса. Дальше – больше и шире. Теорию подхватит и разовьёт британский социалист Джон Кейнс, да так успешно, что следующая половина века пройдёт

под знаком кейнсианской революции[261]. Экономический «золотой век», без всяких преувеличений. Раз за разом, волна за волной, всё больше и больше расходов на социалку, взамен – ни классовых войн, ни угрожающих системе кризисов.

– А потом?

– Специалисты адаптировали теорию под разросшийся до шестидесяти процентов сектор услуг, усложнили модель управления макроэкономикой за счёт всяких деривативов, но суть – по большому счёту – изменилась мало. Впрочем, как и результат.

– Но как же марксизм? – голос Кольцова дрожал, как у малыша, которого чужой злой дядя лишил любимой погремушки.

– Никак! – неожиданно поставил злую точку Исаак Эммануилович.

– Не то, чтобы никак... – вмешался я в начавшуюся перепалку. – СССР блестяще сыграл роль жупела, который заставил развитые страны быстрее бежать из постимперской колониальной модели в кейнсианский глобализм.

– Прокатились в рай на чужом х...ю, – ругнулся Бабель. Скосил глаза в сторону допивающей чай Александры. – А девушки-то в двадцать первом веке симпатичные?

– Да! – искренне согласился я. – То есть – нет! Саша всё равно красивее!

Дружный смех кинул меня в краску.

Сперва хотел надуться, да вовремя почувствовал – веселье наиграно, оно не более чем безнадёжная попытка выгадать время на сбор осколков мира в привычную картину.

Ведь действительно, стоит посмотреть на литераторов со стороны – и останется только их пожалеть.

Вчера они узнали про скорое уничтожение друзей, забвение творчества, собственную гибель, страшную войну.

Сегодня – доскребают с тарелок овсянку за одним столом с убийцей генсека.

Понтовитый же идиот-потомок не придумал ничего лучшего, как взапой умничать на тему «измов» грядущих десятилетий вместо того, чтобы поделиться планом немедленного

---

[261] *Основополагающая работа «Общая теория занятости, процента и денег» Джона Мейнарда Кейнса была опубликованная в 1936 году.*

спасения социалистического отечества от капиталистов, коммунистов, нацистов, троцкистов...

Да как такое можно забыть!?

– Троцкистов? – спохватился я вслух. – Правда, что Троцкого прикончили?!

– Лев Давыдович мёртв, ночью турки подтвердили официально, – как-то нехорошо подобрался хозяин дачи.

– Плакали мои денежки... – фальшиво всхлипнул я. Видя непонимание, торопливо пояснил. – Зимой по глупости дал Троцкому займы две тысячи долларов.

– Но на этом дело не закончилось... – Кольцов явно не был расположен к шуткам.

– Кого ещё убили? – нетерпеливо перебил я Михаила.

– Держи, – он перекинул мне внушительную пачку свежих газет. В ответ на недоумённый взгляд добавил с неожиданным злорадством. – Ты почитай, внимательно почитай, что нынче в мире творится. Не всё нам мозги пачкать будущими чудесами.

– Мы хоть покурить наконец-то сходим! – тут же поддержал друга Бабель.

«Поговорить без наших с Сашей ушей...», – перевёл я мысленно его желание.

Собрался на эту тему съязвить, но тут заголовок «Правды» вышиб все сторонние мысли вон: «Троцкисты ранили товарища Сырцова!»

– Надеюсь, смертельно, – Саша заглянула в развёрнутые листы из-за моего плеча.

– Бросай к чёрту посуду, пойдём читать, – тяжело вздохнул я...

Для начала мы разобрались с Львом Давыдовичем...

Мои советы явно не пошли впрок – «неизвестные» преступники достали Троцкого на вилле в Принкипо совсем как тёлка в стойле. Приплыли ночью на лодке, причалили, высадились на удобный пирс, перелезли через декоративный заборчик, разнесли пинками двери, и...

Напоролись на делегацию парижских адептов мировой революции.

Увы, четверо парней отбиться от банды профессиональных убийц не сумели, однако отпор дали очень достойный.

Не струсил и бывший наркомвоенмор – он отстреливался на лестнице до последнего патрона.

Полицейские прибыли как обычно – к шапочному разбору. Вернее сказать – к пожару: убедившись в смерти Троцкого, но не имея сил и времени для эвакуации токсичных архивов, налётчики подожгли дом. В результате следователи Атаюрка получили качественно обгоревшие стены, дюжину трупов, тяжело раненную Наталью Седову и одного чудом выжившего француза.

Иных улик обнаружить не удалось.

Формально СССР остался в стороне. Да только как бы советские журналисты не старались доказать, что «их там нет», как бы не упирали на версию «мести белогвардейских бандитов», следование международным законам, ленинским заветам, невыгодность и несвоевременность устранения лидера оппозиции – всё без толку.

Готов ставить смартфон против коробка спичек – никто в мире не поверит в непричастность большевиков.

Собственно говоря, первыми отказались верить в «неизвестных злодеев» московские соратники товарища Троцкого. Быстренько собрались, подпоясались пулемётными лентами и дерзко, прямо у Боровицких ворот расстреляли автомобиль Сырцова. Водитель убит, охранник борется за жизнь в больнице, сам же председатель СНК отделался простреленной фуражкой и содранной на макушке кожей. Либо верный сталинец неизмеримо везуч, либо...

Не побоялся устроить саморекламу через самопокушение. Последнее не лишено смысла – «ётеррористы», имея в запасе кучу времени, даже не попытались сделать «контроль».

Не зная, какой вариант принять за наиболее вероятный для данной исторической эпохи, я повернулся с вопросом к Саше.

– Как думаешь, он сам, или...

На что получил от своей девушки – кроме одобрительного взгляда – ещё и важное уточнение с упором на последнюю букву «и».

– Сами!

С трудом подавил желание стукнуть себя с размаху по лбу за недогадливость – авторитет главы семьи превыше всего.

Вместо этого, глубокомысленно нахмурившись, лишь потёр затылок и с многозначительным намёком небрежно заметил:

– Все вместе договориться никак не могли! Либо молодые против стариков, либо левые против правых.

– Змеиное гнездо, – охотно согласилась Александра. – Лучше сюда посмотри... – она ткнула пальцем в следующий материал. – Удивительный гимн ненависти!

Открытое письмо ЦК ко всем партийным ячейкам...

Пугало.

Мало кочующих из статьи в статью трескучих фраз типа «примирение закончилось», «не дадим спуску террористам», «Центральный Комитет обязан быть беспощадным к врагам», «разобраться с каждым членом партии».

В конце совершенно прямо и недвусмысленно задавалась норма отстрела – как минимум четверть членов ВКП(б) объявлялось открытыми или затаившимися троцкистами.

Все они без исключения подлежали разоблачению, безусловному изгнанию из рядов партии, при малейшем намёке на сопротивление или заговор – немедленной нейтрализации... Силами партактива...

На последних двух словах я споткнулся, пытаюсь понять, что же это значит в реальности.

Саша не ушла от меня далеко, как эхо прошептала:

– Силами партактива... Совсем, как в нашем селе.

– Вот и пришёл он, Великий Террор, – попытался пошутить я.

– Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его... – быстро зачастила в ответ девушка.

Откуда такая набожность? Ей что, так троцкистов жалко?

Или я чего-то не понимаю?

В попытке успокоить Сашу я с оптимизмом в голосе предположил:

– Да ладно тебе! Ну пощиплют левые большевики правых, а правые левых – нам-то с того какая печаль?!

– Всё валят на партактив, значит, контроль над органами потерял, – оторвалась от молитвы девушка. – Миром власть не поделят... Лёша, как тебе повезло, ведь ты не знаешь, что такое гражданская война!

Я кинулся, было, возражать, но в ответ услышал только повторение набивших оскомину слов:

– Помогай ми со Святою Госпожею Девою Богородицею и со всеми святыми...

Только возвращение литераторов прервало назойливый речитатив...

– Вижу, прочитали, – ядовито бросил Кольцов прямо от порога.

– И осознали, – завершил мысль друга Бабель. – Какие умные ребята!

– Мы всё равно идём через ад, – огрызнулся я в ответ. – Так какой резон останавливаться?

Демонстративно перекинул газету на последнюю страницу, принялся вслух зачитывать заголовки:

– Первый мировой кубок ФИФА провели уругвайцы. Они же и победили, какие молодцы. Не думаю, что вам интересно, но в 2018 году моего старого мира кубок будут разыгрывать в Екатеринбурге. Что ещё пишут? Махатма Ганди прошлёпал с фолловерами двести миль по солёной пустыне... Не, этот путь развития не для белых людей. О! Оказывается в панской Польше случились страшные репрессии! Целых семьдесят членов оппозиции арестовали и приговорили к тюремному заключению! Товарищ Кольцов, этот материал в газету ваши уважаемые коллеги засунули? Постарались специально, для комфортного сопоставления размаха репрессий?

Лицо хозяин дачи сбледнуло.

– Плюнь, – поддержал друга Бабель. – Мелочь. Кто читает первую страницу – не доходит до последней. Верно и наоборот.

– О-го-го! – следующий заголовок поразил даже меня. – В Латвии враги всего прогрессивного человечества начали собирать средства на монумент в честь убийцы товарища Сталина. Это что, Ларионов с Кутеповым постарались? Жаль, чертовки жаль, что нельзя посмотреть проект! Вот так всегда: выстроят без контроля виновника торжества какое-нибудь непотребство...

– Хватит! – взорвался возмущением Исаак Эммануилович.

– Что хватит-то? – также не на шутку разозлился я.

– Поздно пить боржоми, товарищ Бабель. Мы все в одной лодке, моя ответственность за будущее России – теперь ваша, хотите вы этого или нет. А коли сдадите в ЧК – жизнь, может, себе вы и купите, но чистую совесть – уже никогда. Да и не факт, что в ЧК есть кому нас сдавать... Там по домику – что стоит на Лубянке – вояки ещё из пушек не палят? Комсомольцы Шацкого[262] винтовки не получили? Боевики Рютина[263] со свистками и дубинками улицы не патрулируют?

– С-сволочь! – порывисто сунул руку в карман Кольцов.

– Убьёшь меня? Сашу? – я заглянул в глаза газетчика. – Может, сперва хоть скажешь: за что?

Подобрался для рывка, но по опавшим плечам журналиста понял: драки не будет.

Секунду спустя Кольцов подтвердил мои мысли.

– Не место мне в дипломатах. Старик Чичерин зря уговаривал на дипкарьеру!

– Вот не понимаю! С какой стати вы все так нервничаете-то? – не долго думая, перешёл в наступление я. – Саша молится, Миша за наганом тянется! Ну сгинул один генсек, других в ЦК мало? «Навсегда в памяти народной»... Надо же! Сами напридумывали газетных клише, сами в них поверили. Да если разобраться, то мёртвый Сталин куда удобнее живо-го. С его портретом на флаге тот же Сырцов живо выпилит из рядов партии отморозенных любителей мировой революции. Если кого сошлёт – жалеть не буду: в концлагерях политические живут, как в санатории, не чета каэрам. Обычных же людей в свои разборки большевикам уже не заманить, все жутко устали от агрессивной истерии. И нечего пугать обвалом экономики! Ничего он не изменит, вообще ни-че-го! Сами ведь уже читали, что даже чудовищный Голодомор тридцать третьего года власть не пошатнул, а это, вообще-то, от трёх до пяти

---

[262] Л. А. Шацкий придумал комсомол, был его создателем и организатором. Много лет фактически руководил ВЛКСМ, хотя формально не занимал поста первого секретаря ЦК ВЛКСМ.

[263] В 1924 – 1927 годах М. Н. Рютин (один из секретарей райкома Москвы) активно поддерживал Сталина в борьбе с Троцким, возглавлял бригады боевиков, разгонявших оппозиционные собрания и демонстрации. В 1928 году Рютин поддержал правую оппозицию, в реальной истории – осенью 1930 года арестован.

миллионов одних лишь погибших от голода. Страшнее – не бывает! Понимаете? Не бывает!

По ходу моего спича Кольцов что-то пытался возражать, но последний аргумент всё же заставил его пристыжено замолчать.

Не торопился возражать и Бабель. Только заметив, что молчание неприлично затягивается, недовольно буркнул:

– Ох, заварил ты кашу! А теперь отсидеться в стороне считаешься?

– Если ветер перемен сносит с ног – строй не стену, а ветряную мельницу[264], – ответил я вспомнившейся цитатой. – У нас... – я попробовал новое слово на вкус, и оно мне очень понравилось. – У нас, уважаемые товарищи, впереди бездна работы! Карандаш в руке настоящего мастера... – тут я манерно кивнул в сторону Бабеля. – Оружие посерьёзнее, чем танк или даже броненосный крейсер!

– Тайное общество! – удивлённо вскрикнула Александра.

«Роман о войне и мире прочитан, сочинение по образу Безухова написано...», – отметил я про себя. – «Осталось нежно разбить девичьи иллюзии...».

К моему удивлению, Исаак Эммануилович не стал подтрунивать, а всего лишь снисходительно хмыкнул для порядка.

Зато Кольцов...

Всерьёз задумался о реинкарнации «Союза меча и орала».

Скоро и мне поневоле пришлось присоединиться к прениям, принявшим столь серьёзный оборот, что под запись особо конструктивных идей на стол легла пачка бумаги и твёрдый как железный гвоздь химический карандаш.

А что делать?

Если не убивать друг друга, то придётся так или иначе договариваться о тесном сотрудничестве. Не сказать, что писателям в радость, напротив, им обидно, досадно, а главное – страшно. С убийцей генсека не то что дружить, на одном гектаре сидеть опасно для здоровья.

Не доволен ситуацией и я...

Пусть Бабель входит в топ-10 советских авторов, а Кольцов – на короткой ноге с Бухариным. Всё равно, влиять

---

[264] Данную цитату приписывают Мао Цзэду.

на политику страны через писателя и журналиста – ничуть не более разумно, чем удалять гланды через задницу.

Да только куда бежать, если так сошлись звёзды?

За неимением гербовой...

Хорошо, что хоть цель у нас общая: сделать Россию самой лучшей в мире страной. Свободной, богатой, красивой, безопасной, причём, не для вождей и партии, – но для всех людей. Так достойно и так – правильно! Пусть с червоточинкой – вдобавок к «большому» Михаил упорно старался не забыть про себя, любимого. Но тут не мне морализировать – сам грешен.

Времени на согласование позиций ушло немного, часа четыре. Причём основная часть ругани и криков пришлась именно на использование плюшек послезнания.

С меня же хватило малого – торжественно обещания коллег-заговорщиков толкать политический курс по возможности вправо, насколько получится без конфликтов с партийным руководством. Людей советских стараться всеми силами беречь, голодом не морить и – тем более! – на Соловки не посылать. В остальном – пусть всё идёт как идёт. Будущее нового мира и без того слишком сложно для прогноза.

Зато Бабель с Кольцовым отрывались по-полной: делили будущую славу до полуночи. Бестолково, мелочно, зато теперь я абсолютно спокоен – посторонние в тайну не проникнут. Хватило бы самим литераторам...

Завершённый протокол первого заседания тайного общества сгорел в печке. Но сделанные тайком фотографии – остались в смартфоне.

Засыпая, я со счастливой улыбкой представлял распечатки в витрине музея. Специального зала главного музея столицы новой великой России.

ЭПИЛОГ. ЧЁРНЫЕ КОРАБЛИ

Москва. Февраль 1931 года

Восьмой месяц с рождения нового мира

Мы поднимаемся по чёрной лестнице, парадное не про нас.

Перила марают рукавицу застарелой ржой, в потёмках я этого не вижу, но знаю точно – буржуйки освобождённого пролетариата сожрали деревянные поручни ещё в девятнадцатом.

Пятый...

Осталось два...

– Осторожнее! – заранее предупреждаю я Сашу.

– Помню, – задорно смеётся в ответ она.

Окна на шестом этаже нет, неделю назад пьяный в хлам идиот с разбега вынес раму вон.

Теперь в щербатом проёме среди серебряного тумана звёзд плавает Луна. Её ленивый свет неторопливо гаснет во тьме колодца мрачных стен.

Воздух мёртв – голуби и вороны улетели из Москвы...

Ругнувшись, я сплюнул вниз, в далёкую смердящую кучу вываренных лошадиных рёбер, селёточных хвостов и картофельной шелухи. Негодяи, проживающие поблизости от звёзд, теперь выворачивают мусор прямо сюда.

– Пойдём скорее, – торопит меня девушка. – Дверь, верно, опять примёрзла, мне одной не открыть.

– А в Берхтесгадене сейчас скийорингом балуются, – невпопад отзываюсь я. – Самый сезон.

Дверь в квартиру и правда не поддаётся, влажный тёплый воздух человеческого жилья нарастил на ней тяжёлую шубу из белых ледяных иголок.

Но я сильнее...

– Посвети...

Саша уже зажгла трепетный огонёк стеаринового огарка. В его неровном свете мы продираемся к своей двери через заваленный соседским барахлом коридорчик.

Обидно – электричество в доме есть, но вкручивать исправную лампочку бесполезно – всенепременно сопрут и пропьют.

И ладно бы, только это!

Недоглядишь – инспектор с электростанции увидит пустой, не оклеенный бумажкой с печатью патрон да впаяет немалый штраф. Логика советская: обязанность платить по счётчику – сама по себе, категорический запрет подключать мощные устройства типа утюгов и плиток – сам по себе.

Меня – как электрика – потуги контролёров смешат, но покуда население боится тёмных сил электричества – они всё же действуют.

Комната за двумя замками...

Noblesse oblige – по местным меркам мы богачи.

Ключи, три поворота на одном, два на другом. Ещё один поворот, но уже бакелитовой «крутилки» выключателя – и в глаза бьёт ослепительный свет двадцатипятиваттной лампочки.

Ура!

Мы наконец-то дома!

КОНЕЦ ВТОРОЙ КНИГИ

© Павел Дмитриев.

Екатеринбург – Рига. 2016 – 2020.

ГЛОССАРИЙ

Слова, термины и выражения, не нашедшие отображения в сносках

1. Октагональность – здесь: восьмилучёвость.
2. Нотр-Дам де Пари – Собор Парижской Богоматери (Notre-Dame de Paris).
3. «Wertheim» – название магазина в Германии.
4. Guten Morgen – доброе утро. (нем.).
5. Könnten Sie bitte – не могли бы вы, пожалуйста. (нем.).
6. Tatsachen gibt es nicht, nur Interpretationen – фактов не существует, только интерпретации. (нем.).
7. Herr Ober, die Rechnung – господин обер, счёт. (нем.).
8. Zur Beachtung – внимание. (нем.).
9. Gummifabrik Berlin-Köpenick – фабрика по изготовлению резиновых изделий в Кёпенике, пригороде Берлина.
10. Девайс – здесь: самостоятельный аппарат или прибор.
11. Scheisse – дрянь. (нем.).
12. Guten Abend, meine Herren – добрый вечер, господа. (нем.).
13. Fifteen men on the dead man's chest – пятнадцать человек на сундук мертвеца! (англ.).
14. Is it the store? Ahem... Sir? – это магазин? Гм... сэръ. (англ.).
15. Don't get me wrong but your foolish rules make me crazy! ... Oh, shucks ... Screw you when you bent over! – не поймите меня неправильно, но ваши глупые правила сводят меня с ума ... о, чепуха ... буквально: пошёл ты, когда нагнулся. (англ.).
16. Hande hoch – руки вверх. (нем.).
17. Can I have this one, please – можно мне такую, пожалуйста
18. Here... You are... Comrade – здесь... вы... товарищ. (нем.).

19. Ширнармассы – сокращение: широкие народные массы.
20. Der Groschen bringt den Taler – копейки приносят талеры. (нем.).
21. Скилл – умение или мастерство. (геймерский жаргон).
22. Лойер (от англ. Lawyer) юрист, совмещающий функции юриста-консультанта, адвоката и нотариуса.
23. Хостел – в Европе: комнаты для проживания на несколько человек с общим душем, туалетом и кухней.
24. Вайсбир – светлое пшеничное пиво родом из Германии.
25. Hey guys, how are you doing? Do you need some help? – привет, ребята, как поживаете? Вам нужна помощь? (англ.).
26. Skijoring – скийоринг сейчас известен, как катание на лыжах за мотоциклом, но популярностью не пользуется. Однако в 1928 году этот вид спорта был включён в программу Олимпийских игр – как демонстрационная дисциплина.
27. «Cap Polonio» – пассажирский лайнер HSDG (Hamburg Südamerikanische Dampfschiffahrts Gesellschaft). Год постройки: 1915.
28. Скрудж – персонаж мультфильма. Скруджа можно считать одним из самых известных символов предприимчивости.
29. Reiserpass – общегражданский заграничный паспорт Германии в 30-х годах.
30. Совбур – сокращение: советский буржуа. Разговорное название предпринимателей в Советской России и СССР в период нэпа.
31. Нейтив-спикер – лицо, для которого данный национальный язык – родной.
32. Noblesse oblige – французский фразеологизм, буквально означающий: «благородное (дворянское) происхождение обязывает». Переносный смысл – «положение обязывает».
33. Bitte – пожалуйста. (нем.).
34. «Berliner Tageblatt» – ежедневная газета, выходившая в Берлине в 1872–1939 годах.
35. Краском – сокращение: красный командир.
36. Мантра – религиозная мысль, молитва, священное высказывание.
37. «Die Götter des Mars» – название книги: «Боги Марса».
38. Себежская таможня – таможня в городе Себеж Псковской области.

39. Guten Tag! Ich heiÙe Николай – добрый день! Меня зовут Николай. (нем.).
40. Ja-ja – да-да. (нем.).
41. Аяты Корана... – предложения из глав Корана, которых всего насчитывается в священной книге мусульман 114.
42. Oh, mein Gott – о, мой бог. (нем.).
43. «Ремки» – старая и непригодная для носки одежда, лохмотья.
44. Косплей – популярное хобби, заключающееся в переодевании в костюмы и отыгрывании характера, пластики тела и мимики персонажей компьютерных игр, кинематографа, литературы, комиксов, аниме и манги.
45. Фейл – слово, которое в Интернете заменяет собственно слово «неудача». Так же данным словом можно описать какой-либо казус.
46. Verarsche – здесь: надувательство. (нем.).
47. «Фичи» – сленговое обозначение каких-либо необычных признаков какого-либо явления. (комп. Жарг.).
48. Scheiss drauf – и ладно. (нем.).
49. Komm ficken – здесь: давай трахаться (секс). (нем.).
50. Fick mich – здесь: трахни меня (секс). (нем.).
51. Тирамису – итальянский многослойный десерт.
52. «Château d'Yquem» – очень дорогое французское вино.
53. Дижестив – общее название напитков, которые подают после еды.
54. Baby Betsy – марка дорожных электрических утюгов в 30-е годы.
55. Ross Electric – американская компания по производству электроприборов.
56. Клауд – здесь: разновидность кальяна.
57. РОВС – Русский Обще-Воинский Союз (РОВС) был основан в зарубежье в 1924 г. генералом П. Н. Врангелем из остатков белых армий.
58. Азимов – американский писатель-фантаст. За свою 72-х летнюю жизнь написал почти 500 книг.
59. МЖМ-коммуна – здесь: коммуна, где практикуется вступление в половую связь трёх человек – двое мужчин и одна женщина.
60. «Дукс» – широкопрофильный завод в Москве. В 1919

году переименован в Государственный авиационный завод № 1 (ГАЗ № 1).

61. Наркомзем – Народный Комиссариат Земледелия СССР организован 7 декабря 1929 года.

62. УрФУ – Уральский федеральный университет.

63. «Ivory soap» от «Procter & Gamble» – «Мыло слоновой кости» выпускается этой американской фирмой уже более 125-ти лет.

64. Принкипо – турецкий остров, на котором жил Л. Д. Троцкий.

65. Вирджиния – штат на востоке США.

66. «Kinderluftballons» – здесь: название фирмы – «Детские воздушные шары».

67. «Фейсбук» – самая популярная и большая социальная сеть в мире Интернета.

68. Стартап – новый коммерческий проект, который создаётся с целью получения прибыли от бизнеса после его успешного развития.

69. Олдскульное, оффлайновое дело – здесь: ведение дела по старому образцу.

70. Интернет-трейдинг – способ доступа к торгам на валютной, фондовой или товарной бирже с использованием Интернета как средства связи.

71. «Форекс» – рынок межбанковского обмена валюты по свободным ценам (котировка формируется без ограничений или фиксированных значений).

72. «The Great Pretender» – песня, впервые исполненная вокальной группой «The Platters» в 1955 году. «Wind of Change» – рок-баллада, написанная Клаусом Майне, вокалистом группы «Scorpions».

73. «Спам-бокс» – отдельная почтовая папка для сомнительных сообщений у пользователей электронной почты Интернета.

74. Перформанс – здесь: всевозможные публичные акции.

75. Дайджест – информационный продукт (издание, статья, подборка), который содержит краткие аннотации и основные положения статей, или в котором сжато передаётся содержание самых интересных публикаций за какой-то период.

76. Генерал Кутепов – русский военный деятель, генерал

от инфантерии, первопоходник, активный участник Белого движения. В 1928 – 1930 годах – председатель Русского общевоинского союза.

77. «Angry birds» – компьютерная игра-стрелялка, в которой рассерженные птички выстреливают сами себя из большой рогатки и нещадно бьют зелёных свиной-фашистов за то, что те таскают у них из гнёзд яйца.

78. Незабвенного Остапа Ибрагимовича... – имеется в виду герой книг И. Ильфа и Е. Петрова Остап Бендер.

79. «General Electric» – многопрофильная американская компания основана в 1878 году изобретателем Томасом Эдисоном. Существует по сегодняшний день.

80. «AT&T» – Американская телефонная и телеграфная компания, «AT&T Company».

81. «Mortgage bond of Western Railway Company» – американская ЖД компания начала века.

82. Послать орлов с кольцом послёздания в сторону Ородруина, а самому махнуть на Заокраинный Запад в Валинор-Вирджинию – здесь: автор приводит фразы из книг Дж. Р. Р. Толкиена.

83. Осталось получить поддержку эльфийского владыки, сколотить братство и отловить садовницу. Вопрос, собственно, один: где искать Ривенделл? – здесь: автор приводит фразы из книг Дж. Р. Р. Толкиена.

84. Фош, Гинденбург – военачальники французской и германской армий в Первой мировой войне.

85. Пакт Бриана – Келлога – договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики; получил название по именам инициаторов – министра иностранных дел Франции Аристида Бриана и госсекретаря США Фрэнка Келлога.

86. «Le Figaro» – ежедневная французская газета, основанная в 1826 году.

87. КВЖД – Китайская Восточная железная дорога.

88. «Bellevue» – название ресторана, «Belle vue» по-французски – красивый вид, панорама.

89. Merci beaucoup – большое спасибо. (фр.).

90. Наркомвоенмор – сокращение: народный комиссар военно-морских дел.

91. Wo ist Leon Trotzki's Haus? – где находится дом Льва Троцкого? (англ.).

92. Аллклюзив – здесь: русизм английского выражения «all inclusive» – всё включено.

93. Петанк – французский национальный вид спорта, бросание металлических шаров.

94. «Окно Овертона» – концепция наличия рамок допустимого спектра мнений в публичных высказываниях с точки зрения общественной морали. Название концепции задумано как память об её авторе – американском юристе и общественном деятеле Джозефе Овертоне.

95. НЭП – Новая Экономическая Политика.

96. «Солюшен» по «квесту» – прохождение героя по компьютерной игре в жанре «квест» – игры, в которых игроку необходимо искать различные предметы, находить им применение, разговаривать с различными персонажами в игре, решать головоломки и т. д.

97. КПК – Коммунистическая партия Китая.

98. «Вордовский» текст – текст, набранный в компьютерной программе «Word».

99. Терещенковская «Россия XX века» – книга современного историка-публициста

Юрия Терещенко.

100. Le Comte de Monte-Cristo – граф Монте-Кристо, герой одноимённой книги А. Дюма.

101. «Залоченный» на гостевой доступ – жёстко привязанный только к данному виду доступа, без права редактирования.

102. Мессенджер – программа, мобильное приложение или веб-сервис для мгновенного обмена сообщениями в Интернете.

103. Билборд – щит большого размера для размещения наружной рекламы, устанавливаемый вдоль трасс, дорог, улиц.

104. «Учебник новейшей истории Европы и Америки» Кредера – в учебнике с современных позиций рассмотрены основные тенденции экономического, социального и политического развития зарубежных стран в XX веке.

105. «Youtube» – хостинг (хранилище) для размещения, хранения и поиска видеофайлов в Интернете.

106. «Программный скрипт» – отдельные

последовательности действий, созданные для автоматического выполнения задачи в программах на компьютере.

107. Хардкор – здесь: нечто кардинальное.

108. «Contre le Courant» – мелкая французская газета в 30-е годы.

109. Geh weg! – иди прочь! (нем.).

110. По-броуновски – здесь: беспорядочное движение.

111. Башни «WTC» – Всемирный Торговый Центр из семи зданий в Финансовом квартале Манхэттена в Нью-Йорке. 11 сентября 2001 года комплекс WTC был разрушен в результате террористической атаки.

112. Путь в Валинор – здесь: автор приводит фразу из книги Дж. Р. Р. Толкиена «Властелин колец».

113. Спасение «рядового Райана», «Перл Харбор», «Штрафбат» и «Утомлённые солнцем» – современные фильмы о Второй мировой войне.

114. Толкиен Д. Р. Р. – английский писатель и поэт, переводчик, лингвист, филолог. Наиболее известен как автор классических произведений «высокого фэнтези»: «Хоббит, или Туда и обратно», «Властелин колец» и «Сильмариллион».

115. Наркомздрав – Народный комиссариат здравоохранения СССР.

116. C'est La Vie – такова жизнь. (фр.).

117. Бессоновский «Леон» – здесь: речь о фильме французского режиссёра Люка Бессона о профессиональном киллере по имени Леон.

118. Хайтек – здесь: высокие технологии.

119. Проапгрейдили – обновили или улучшили. (компют.).

120. ЦТС – здесь: Центральная телефонная станция.

121. Фейковый – ненастоящий, поддельный, фальшивый. (совр. жарг.).

122. Зарэ – советский фильм 1926 года. О борьбе курдских парня и девушки за право на счастливую жизнь.

123. Из «Мадсенов» – здесь: из датских пулемётов времён Первой мировой войны.

124. Мангруппа – военный термин, манёвренная группа.

125. ОГПУ – Объединённое Государственное Политическое Управление при СНК СССР.

126. Расказачивание – политика, проводившаяся

большевиками в ходе Гражданской войны и в первые десятилетия после неё, направленная на лишение казачества самостоятельных политических и военных прав.

127. ЖАКТ – жилищно-арендное кооперативное товарищество.

128. Поттер, меч Гриффиндора – персонаж и оружие из книг английской писательницы Джоан Роулинг о Гарри Поттере.

129. Ролик «Nosferatu» от «Bloodbound» – здесь: музыка шведской группы «Bloodbound» на фоне кадров из компьютерной игры «Nosferatu».

130. Шутер «Strike Team» – компьютерная игра-стрелялка.

131. Rush, rush, take me away – спеши, спеши, забери меня отсюда. (англ.).

132. The last of its kind – последний в своём роде. (англ.).

133. Бандерлоги – Изначально бандерлогами называли вымышленный обезьяний народ из произведения английского писателя Редьярда Киплинга «Книга джунглей». Сейчас – нарицательное название

134. Каэры – тюремный советский жаргон. КР – контрреволюционер, обычно осуждённый по статье 58 за контрреволюционную деятельность.